

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
АСТРАХАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИННОВАЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ

Филологические науки

Сборник трудов молодых ученых

Издательский дом «Астраханский университет»
2018

УДК 80/81(086.76)
ББК 80/84
И66

Рекомендовано к печати редакционно-издательским советом
Астраханского государственного университета

Инновации и перспективы современной науки. Филологические науки [Электронный ресурс] : сборник трудов молодых ученых / сост.: Л. Ю. Касьянова, Н. А. Емельянова, О. Г. Егорова, А. А. Салхенова, Е. В. Илова, Е. В. Завьялова, Р. Р. Ишмухамедова. – Электрон. текстовые, граф. дан. (1,00 Мб). – Астрахань : Астраханский государственный университет, Издательский дом «Астраханский университет», 2018. – 100 с. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM): 12 см. – Загл. с экрана. – Диск помещен в контейнер 20×14 см.

ISBN 978-5-9926-1045-1

© Астраханский государственный университет, Издательский дом «Астраханский университет», 2018

© Касьянова Л. Ю., Емельянова Н. А., Егорова О. Г., Салхенова А. А., Илова Е. В., Завьялова Е. В., Ишмухамедова Р. Р., составление, 2018

ОБРАЗ ЖУРНАЛИСТА В РАССКАЗАХ ЭДУАРДА ЛИМОНОВА

Анисимова Мария Александровна, магистрант
Астраханский государственный университет
Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: marvar1@yandex.ru

Романовская Ольга Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент
Астраханский государственный университет
Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: volga75sky@mail.ru

Автор статьи изучает образ журналиста в рассказах русского писателя Эдуарда Лимонова. Семантика образа помогает обратиться к ряду аксиологических проблем, актуальных для русской литературы XX в. В центре рассказов – проблема свободы человеческой личности от навязывания ей идеологических и политических ценностей. Выбор, который делают герои-журналисты, отражает нравственное состояние эмигрантского сообщества. Э. Лимонов продолжает поиск границы между компромиссом и конформизмом, начатый С. Довлатовым.

Ключевые слова: образ журналиста, Э. Лимонов, аксиология, авторская позиция.

The author studies a journalist image in the stories of Russian writer Edward Limonov, whose view point of moral issues inherent to literature of Russia in XX century is augmented by image semantics. An issue of human personality freedom from ideological and political values obtrusion is the stories centerpiece. The hero journalists choice reflects on emigrant community moral state. Ed.Limonov goes in line with S. Dovlatov's originated search for a fine line between compromise and conformism.

Key words: Image of a journalist, Ed. Limonov, axiology, author's point of view.

Образ журналиста в русской литературе последних десятилетий усложняется, наполняется новыми значениями, дополнительными характеристиками. Его появление в творчестве писателей-эмигрантов вызвано рядом факторов, среди которых и автобиографический: многие занимались журналистикой профессионально. М. Алданов, Р. Гуль, С. Довлатов, В. Максимов, А. Синявский в сознании читателя навсегда объединили разные аспекты своего творчества. Не является исключением в этом плане и фигура Э. Лимонова: в Америке он работал в газете «Новое русское слово», в 1980-е писал для французского журнала «Революсьон», вернувшись из эмиграции, основал и редактировал газету «Лимонка».

В 1987 г. был опубликован сборник рассказов Э. Лимонова «Коньяк “Наполеон”», в котором нашли отражение некоторые факты биографии писателя, непосредственно связанные с журналисткой деятельностью. Напомним, что за шесть лет до этого нью-йоркское издательство «Серебряный век» выпустило книгу С. Довлатова «Компромисс», построенную как ряд воспоминаний рассказчика о работе в советской газете. Комические истории-анекдоты С. Довлатова решают проблему, отраженную в заглавии сборника: возможность морального компромисса с советской идеологией. Довлатовский рассказчик показывает, что стоит за компромиссными решениями, которые стали для советского человека нормой существования, и задается вопросами о том, возможно ли сопротивление системе, к чему оно может привести, где проходит черта между компромис-

сом, ставшим привычкой, и конформизмом, в какой момент личность начинает испытывать на себе разрушающее влияние единомыслия.

Рассказы Э. Лимонова в какой-то степени продолжают тему «Компромисса», но на материале эмигрантских впечатлений.

Авторская позиция по отношению к профессии журналиста выражена героем-рассказчиком. Она варьируется. От осознания престижности журналистского дела («я стал корректором ...знакомым я гордо сообщил, что работаю в «Русском Деле» журналистом и иногда замещаю корректора... “журналист” звучало благороднее, чем “корректор”») до недоверия к нему («потрудившись в «Русском Деле» я вынес оттуда циничное и непоколебимое недоверие к прессе»). Со временем герою важнее подчеркнуть, что он был только корректором. Статус занятий журналистикой теряет значимость, на первом плане оказываются иные ценности.

В первом рассказе сборника «Коньяк “Наполеон”» описаны будни эмигрантской газеты, которую возглавляет Моисей Бородатых. «Бородатых был живуч, изворотлив и по-своему талантлив», – сообщает рассказчик о своем боссе. Эта характеристика содержит оценку скорее человеческих, нежели профессиональных качеств главного редактора. Изворотливость редактора заключается в умении менять свои убеждения согласно экономической и политической выгоде: он работал во «французской социалистической газете», «был в юности далеко не из правых». Однако уже давно изменил свои политические взгляды, как и многие другие журналисты и общественные деятели: «...в Штатах они все, поняв откуда ветер дует, быстренько стали убежденными антикоммунистами».

Линотипист Порфирий Петрович, поведавший об истории «босса», в течение жизни также не раз диаметрально менял собственные убеждения: «Порфирий невозможный циник. А кем он может быть еще, побывав в красноармейцах, попав в немецкий плен и сделавшись охранником концентрационного лагеря?» Метаморфоза, произошедшая с Порфирием, касается, прежде всего, его внешней жизни. Он сохраняет особенности советского менталитета, об этом свидетельствуют речевые клише, встречающиеся в высказываниях линотиписта. К примеру, выражая свое дружеское расположение к главному герою, он использует советскую идиому: «– Я знаю, почему ты мне нравишься... У тебя хороший спокойный характер, Эдуард. На тебя можно положиться. *Я бы пошел с тобой в разведку*».

Имя этого героя – прямая отсылка к роману Ф. Достоевского «Преступление и наказание», в котором решается проблема вседозволенности. Рассказчик понимает, что для линотиписта Порфирия Петровича убийство на войне стало делом обыденным, к нему он относится как к необходимости, «без Достоевских штучек, без терзаний по поводу пристреленного в голову врага». Использование аллюзивного имени собственного – проявление иронии автора по отношению к классической литературе, а также к своему герою, в характере которого нет места сомнениям в ситуации, когда необходимо спасти собственную жизнь. Обыгрывается и факт службы Порфирия в концентрационном лагере: при знакомстве, он предупреждает рассказчика: «Не Аушвица, успокойся, маленького симпатичного Сталлага с четырехзначным номером». Однако затем несколько раз намекает на то, что служил именно в Аушвице. Рассказчик объясняет это желанием Порфирия «выглядеть байронично». Однако маска байронической личности не скрывает сути героя: он явный конформист.

Обратим внимание на то, что Порфирий Петрович – линотипист, он набирает тексты, а не создает их. Это важно, поскольку позволяет говорить об универсальности проблемы приспособленчества и мимикрии. Сделка с собственной совестью в рассказе представлена как проблема не сугубо профессиональная, специфичная для журналистов, а психологическая, касающаяся любого человека. При этом автор вписывает ее в исторический контекст, в драматические события русской и мировой истории XX в., которые стали своего рода проверкой характера.

В рассказе выстраивается система бинарных оппозиций: твердость – мягкость, идентичность собственным взглядам – изворотливость, верность – предательство. Первый член оппозиции маркирован положительно, но почти все герои рассказа наделены в большей или меньшей степени противоположными качествами.

Кульминацией рассказа «Коньяк “Наполеон”» становится момент своеобразного поединка рассказчика с одним из сотрудников редакции, рабочим типографии Кружко. Во многом его судьба напоминает судьбу Порфирия Петровича: участие в войне, окружение, плен, служба у немцев. Однако у этого «тяжелого, психически неуравновешенного человека с неприятным прошлым» в биографии и такой момент: он в годы Второй Мировой войны входил в состав расстрельной команды.

В поединке «психических воль» побеждает рассказчик: «Я снял очки и сделал шаг навстречу приближающемуся психопату. Я снял очки намеренно. Я знал, что в отличие от большинства близоруких глаз, мои близорукие глаза без очков смотрятся жестко и невесело... он боялся меня, и я это чувствовал... Он повернулся и убежал за наборную кассу». В этом фрагменте выделяется наречие «жестко». Жесткость как синоним уверенности в своих взглядах, принципиальности, неспособности к предательству собственных убеждений позволяет рассказчику одержать верх над противником. Конформизм вкупе с предательством ослабляет волю человека. В этом причины поражения Кружко: «Он ни разу еще не наткнулся на твердого человека. Я считал себя твердым человеком».

Автор выстраивает систему образов по принципу градации одного качества – приспособленчества. Моисей Бородатых пошел на идеологический компромисс, сменив свои взгляды. Порфирий Петрович – после плена оказался в войске врага и, чтобы сохранить жизнь, служил ему. Кружко сохраняет собственную жизнь путем расправы над другими людьми.

Проблема выбора и вынужденной мимикрии решается и в рассказе под названием «Мы привели из разведки двух пленных», где показана метаморфоза Александра Львовского, Альки, бывшего корректора газеты «Русское Дело». Теперь он готовит переводчиков в Монтерейской годичной военной школе. Рассказчиком это безоговорочно воспринимается как предательство. И хотя он полушутливо спрашивает: «Ну, как идет продажа Родины, мистер Львовский?», на самом деле он относится к происходящему в высшей степени серьезно. Ему неприятен еще один факт вынужденной сделки с совестью: Львовский объясняет, что «ему нечего было жрать».

Беспринципность и продажность вновь становятся синонимом человеческой слабости, что выражено через обращение к телесному аспекту. «У меня слабый живот», – объясняет Львовский свое нежелание заниматься физическим трудом. Рассказчик обращает внимание на такой жест Львовского, как поглаживание живота. Живот – средоточие всего плотского и земного

и жест героя отражает заботу о собственном телесном и материальном благополучии, а в высказывании содержится признание слабоволия.

Наблюдая за тем, как Львовский ведет себя во время и после обеда, рассказчик отмечает, «что с течением времени в нем все более проявляются восточные черты: лень, сладострастие, что еще?» Риторический вопрос требует размышлений со стороны читателя. Возможно, что в нем содержится намек на лицемерие и хитрость как качества, ставшие знаком принадлежности к восточной культуре.

В поведении и взглядах Львовского очень много противоречий. Так, например, он убеждает рассказчика в том, что занимает позицию «над схваткой», мечтает о том, чтобы СССР и Соединенные Штаты «друг друга высосали». А через минуту с почтением смотрит на полковника, обдумывающего планы управления миром при помощи «объединенного советско-американского военного командования». Работая в «шпионской школе», он пишет о ней разоблачительную книгу. Еще через несколько лет, пользуясь американскими дотациями, сотрудничает в просоветской газете. Образ Алика карикатурен: в нем гротескно заострена изменчивость поведения. Как журналист и как личность Львовский всегда непоследователен, непринципиален.

Завершая сборник рассказом «Мы привели из разведки двух пленных», автор находит смысловую рифму к первому рассказу «Коньяк “Наполеон”». Традиция приспособленчества, перманентного компромисса, в крайних случаях граничащего с конформизмом и даже предательством, начинается с Моисея Бородатых – представителя первой волны эмиграции. Драматически она воплощена в судьбах тех, кто покинул родину во время Второй Мировой войны. Приобретает фарсовый оттенок в биографии Львовского и подобных ему эмигрантов третьей волны.

В связи с этим сам факт эмиграции воспринимается как абсурдный. Вместо ожидаемой свободы эмигрантов ждут новые компромиссные решения. Книга Э. Лимонова в свете этих выводов может быть понята как своего рода ответная реакция на цикл С.Довлатова «Компромисс». Образ журналиста необходим автору для решения проблем аксиологического характера, не утративших актуальности.

Список литературы

1. Лимонов Э. Коньяк «Наполеон» / Э. Лимонов. – М. : Константа, 1995. – 384 с.

References

1. Limonov E. Konyak “Napoleon” / E. Limonov. – M. : Konstanta, 1995. – 384 s.

ИМПЛИЦИТНАЯ ЯЗЫКОВАЯ АГРЕССИЯ: СПОСОБЫ, ПРИЕМЫ И СРЕДСТВА ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ)

Арупова Алтын Хажеденовна, магистрант
Астраханский государственный университет
Российская Федерация, 414000, г. Астрахань, ул. Ахматовская, 11
E-mail: arupova.altyn@gmail.com

Петелина Юлия Николаевна, кандидат филологических наук, доцент
Астраханский государственный университет
Российская Федерация, 414000, г. Астрахань, ул. Ахматовская, 11
E-mail: julpetelina@gmail.com

В данной статье рассматривается понятие «имплицитная языковая агрессия», а также способы ее реализации, самые частотные приёмы и языковые средства, используемые для выражения имплицитной языковой агрессии, выявленные при анализе материала печатных текстов англоязычных СМИ.

Ключевые слова: имплицитная языковая агрессия, дискурс СМИ, языковые средства, «ассерция, маскирующаяся под пресуппозицию», речевая импликатура.

This article studies the notion of «implicit verbal aggression», as well as the means of its expression, the most frequent methods and linguistic means, used for expressing implicit verbal aggression, found and identified in the course of the analysis of English-language media print texts.

Key words: implicit verbal aggression, media discourse, linguistic means, “assertion, disguised as presupposition”, verbal implicature.

Проблемы речевого манипулирования, речевой демагогии и речевой агрессии всё чаще привлекают внимание лингвистов. Большой воздействующий потенциал кроется в косвенных, непрямых видах речевой агрессии. В имплицитных формах речевой агрессии мотивы, намерения адресанта скрываются, его агрессивное состояние не отражается в высказывании, но при этом языковые средства подбираются таким образом, чтобы оказать воздействие на адресата. Несмотря на то, что исследования речевой агрессии имеют большую актуальность, имплицитная речевая агрессия, средства и приемы её реализации в медиадискурсе мало изучены как в русскоязычном, так и в англоязычном научных сообществах.

Все формы активной вербальной агрессии реализуются лексическими, синтаксическими, интонационными и иными средствами языка, однако нас интересует именно имплицитная языковая агрессия. Н.Е. Петрова, Л.В. Рацибурская, рассматривая средства реализации вербальной агрессии, выделяют такие средства, как *языковая демагогия* (сознательное нарушение словесных пресуппозиций, постулатов успешного общения, использование речевых импликатур), *тенденциозное (намеренное) использование негативной информации, интертекстуальность* (аллюзии), *ирония, контраст* и т.д. [5, с. 98]. Эти средства названы *дискурсивными*, так как они формируются в *текстедискурсе*. Дискурсивные средства используются преимущественно для *непрямой, скрытой (имплицитной) речевой агрессии*, и поэтому имеют *выраженную манипулятивную направленность*, так как велик риск ее нераспознавания реципиентом в процессе восприятия информации, что увеличивает возможности *воздействия на сознание и манипулирования* им.

В современной лингвистике имплицитная агрессия весьма детально изучена. В частности, Апресян В.Ю. дает ей следующее определение: «имплицитная языковая агрессия – это замаскированная, неявно выраженная, языковая агрессия», к которой относятся «все типы негативного или критического отношения говорящего к адресату, выраженные при помощи языковых средств» [1, с. 14]. Следовательно, имплицитную языковую агрессию, вслед за В.Ю. Апресян можно трактовать, как замаскированное, неявное выражение негативного или критического отношения говорящего к адресату (человеку, лицу, организации) при помощи языковых средств. В данном случае «выражение» – это то же самое, что и единичное вербальное действие. Также мы подчеркиваем, что прилагательные «вербальный», «языковой» и «речевой» в контексте данного явления равнозначны и синонимичны.

Имплицитная языковая агрессия может быть выражена различными языковыми средствами и способами. Е.Ю. Булыгина и Т.И. Стеклова в своей работе «Проявление языковой агрессии в СМИ» представляют *языковую демагогию* как имплицитный способ реализации языковой агрессии в СМИ. Они приводят следующее ее определение: «Под языковой демагогией понимаются приёмы непрямого воздействия на слушающего или читателя, когда идеи, которые необходимо внушить ему, не высказываются прямо, а навязываются ему исподволь путем использования возможностей, предоставляемых языковыми механизмами» [2, с. 461].

Одним из таких приемов является *использование речевых импликатур*. Под речевыми импликатурами понимаются идеи, непосредственно не высказываемые в тексте, но выводимые из него на основе общих законов речевого общения [2, с. 463]. Речевые импликатуры являются очень удобным средством манипулирования сознанием собеседника, и в частности выражения негативной оценки, так как автор текста при необходимости всегда может отказаться от «скрытого» (имплицитного) утверждения.

Еще одним приёмом языковой демагогии является *ассерция, маскирующаяся под пресуппозицию*. Это – утверждение, выдающее себя за уже полученное знание, не требующее доказательств или уже доказанное. Напр.: *Мы хотим исправить ситуацию*. Через использование приёма ассерции, маскирующейся под пресуппозицию, имплицитно выражена мысль «ситуация нуждается в исправлении». *Мы с вами хорошо знаем основные проблемы, которые нужно решать в Государственной Думе*. В данном случае навязывается мысль о том, что «у нас есть проблемы».

В качестве примера из англоязычных источников можно привести следующее. В предложении, предваряющем статью из номера журнала “The Economist” (05.03.16) “The party declines”, описывается «плачевное» состояние двух крупнейших партий США: “For most of the 20th century most Americans knew, more or less, what their two parties stood for”.

В данном примере имплицитная языковая агрессия выражается при помощи ассерции, маскирующейся под пресуппозицию: “now the Americans don't know what their two parties stand for” – «теперь американцы не знают, чьи интересы представляют две главные партии». Навязывается следующая речевая импликатура: «политические программы двух главных партии США недостаточно чётко сформулированы».

Стоит также выделить средства эмоционального воздействия. К таковым ученые относят слова с эмоционально-экспрессивной окраской, нейтральные слова с эмотивными коннотациями в тексте, эмоционально-экспрессивные

грамматические формы, эмотивные высказывания, специфические синтаксические конструкции, разного рода образные средства, особое построение текста и сам подбор жизненных фактов [5, с. 25].

Примеры проявления имплицитной языковой агрессии можно обнаружить в политических текстах СМИ. Политический дискурс СМИ сочетает в себе черты политического дискурса и дискурса СМИ, преследует политическую цель – добиться власти, используя при этом ресурсы, которые предлагает дискурс СМИ. Политическому дискурсу СМИ присущи интенциональность, масс-ориентированность, национально-культурная специфика, идеологичность, информативность и субъективность [3, с. 98].

Таким образом, политический дискурс СМИ обладает всеми предпосылками для манипулирования общественным сознанием. Взаимосвязь имплицитной языковой агрессии с политическим медийным дискурсом объясняется тем, что её манипулятивный потенциал находит в нём самое широкое применение.

Поскольку политический медийный дискурс характеризуется использованием определенных тактик и стратегий, возможно проследить механизмы имплицитной языковой агрессии в текстах СМИ, в частности, с опорой на рабочую классификацию стратегий и тактик политического медийного дискурса, созданную на основе классификации, предложенной О.Л. Михалёвой [4, с. 14].

При анализе случаев имплицитной языковой агрессии на материале печатных статей из газет “The Economist”, “The Spectator”, “Newsweek” и “Time” нами было зафиксировано 140 примеров, которые можно внести в нашу классификацию стратегий и тактик политического медийного дискурса. Самой распространёнными тактиками реализации имплицитной языковой агрессии являются тактика *анализ – «минус»* и *тактика обвинения*. Общее число найденных и проанализированных примеров реализации тактики анализ – «минус» равно 34 (из 140), что составляет 24 % всех рассмотренных примеров проявления имплицитной языковой агрессии. Что касается тактики обвинения, общее число найденных и проанализированных примеров реализации данной тактики равно 26 (из 140), что составляет 19 % всех рассмотренных примеров проявления имплицитной языковой агрессии.

Как показывает материал, в политических текстах СМИ для передачи скрытой агрессии активно используются такие приемы как ассерция, маскирующаяся под пресуппозицию, речевая импликатура, контраст, и следующие средства их выражения:

Интенсификаторы – лексемы, усиливающие эмоциональный окрас высказывания. Вместе с отрицаниями и лексемами, обладающими негативной коннотацией, участвуют в реализации приёмов определенной тактики выражения имплицитной языковой агрессии. Примеры: наречия (simply, merely, only, just, even, scarcely, completely, particularly, still, forever, yet), предлоги (instead of), прилагательные-детерминаторы (such).

Эмоционально-экспрессивные грамматические формы – им свойственна передача определенных эмоций. В частности, к ним относятся Present Continuous Tense (значение “an action as a continual process”, i. e. emotional exaggregation) и модальный глагол “must” + отрицательная частица “not” и др.

Контекстуальные антонимы (авторские / окказиональные антонимы) представляют собой лексемы с контрастирующими (позитивной и негативной) оценочными коннотациями. Данные лексемы участвуют в таких приемах как речевая импликатура и ассерция, маскирующаяся под пресуппозицию, и многих

других. Контекстуальные антонимы способствуют созданию противоречия, имплицитно выражающего негативное отношение к ситуации.

В качестве примера контекстуальных антонимов можно привести фрагмент статьи журнала "Newsweek" (1.04.16) "Anti-Social Democrats", в которой говорится о негативных последствиях прихода к власти партий правого крыла в Центральной и Восточной Европе.

"At the same time, national leaders are developing a new kind of what critics call "managed democracy," where voting remains free and fair, but the independent institutions that guarantee citizens' rights are increasingly brought under political control".

Контекстуальные антонимы (free, fair, independent – political control) призваны подчеркнуть противоречивость ситуации: independent – "free from control in action, judgment, etc.; autonomous", control – a relation of constraint of one entity (thing or person or group) by another. Речевая импликация: «под политический контроль переходит то, что должно быть, прежде всего, от него независимо».

Семантическая акцентуация – это выделение посредством логического ударения отдельных (семантически значимых) элементов во фразе, иначе известна как логическое ударение (смысловый акцент/фразовая просодия). Семантическая акцентуация осуществляется за счёт использования следующих синтаксических конструкций: "instead of ...", "above all ...", "it is this ..., rather than ...", "not just ..., but" и др.

Таким образом, наиболее частотными приёмами реализации имплицитной языковой агрессии в политических статьях СМИ являются: речевая импликация и ассерция, маскирующаяся под пресуппозицию. Данные приёмы характеризуются мощным манипулятивным потенциалом, что объясняет их широкое применение. Для реализации данных приёмов используются следующие средства: лексемы с негативной оценочной коннотацией, интенсификаторы, контекстуальные антонимы, семантическая акцентуация, отрицание. Вышеперечисленные средства являются наиболее распространёнными, т. е. их можно найти в подавляющем большинстве тактик. Лексемы с негативной оценочной коннотацией и контекстуальные антонимы способствуют созданию речевых импликаций, выгодных говорящему. Интенсификаторы придают высказыванию эмоциональность. В сочетании с различного рода отрицаниями придают фразе негативный окрас.

Список литературы

1. Апресян В. Ю. Имплицитная агрессия в языке / В. Ю. Апресян // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : тр. Междунар. конф. «Диалог 2003» по компьютерной лингвистике и ее приложениям / под ред. А. С. Нариньяни. – Протвино, 2003. – С. 14–18.
2. Булыгина Т. В. Языковая концептуализация мира на материале русской грамматики / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. – М., 1997. – 576 с.
3. Виноградова С. А. Инструменты речевой манипуляции в политическом медиадискурсе / С. А. Виноградова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2010. – № 2. – С. 95–101.
4. Михалёва О. Л. Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия : автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. Л. Михалёва. – Иркутск, 2004. – 18 с.
5. Петрова Н. Е. В. Язык современных СМИ: средства речевой агрессии : учеб. пособие / Н. Е. Петрова, Л. В. Рацибурская. – М. : Флинта: Наука, 2011. – 288 с.
6. Collins English Dictionary. – URL: <http://www.collinsdictionary.com/>.
7. WordWeb 3.6. – URL: <http://www.finedictionary.com/>.

8. Merriam-Webster's Unabridged Dictionary. – URL: <http://www.merriam-webster.com/>.
9. Oxford Advanced Learner's Dictionary. – URL: <http://www.oxforddictionaries.com/>.

References

1. Apresyan V. Yu. Implitsitnaya agressiya v yazyke / V. Yu. Apresyan // Kompyuternaya lingvistika i intellektualnye tekhnologii : tr. Mezhdunar. konf. "Dialog 2003" po kompyuternoy lingvistike i ee prilozheniyam / pod red. A. S. Narinyani. – Protvino, 2003. – S. 14–18.
2. Bulygina T. V. Yazykovaya kontseptualizatsiya mira na materiale russkoy grammatiki / T. V. Bulygina, A. D. Shmelev. – M., 1997. – 576 s.
3. Vinogradova S. A. Instrumenty rechevoy manipulyatsii v politicheskom mediadiskurse / S. A. Vinogradova // Voprosy kognitivnoy lingvistiki. – 2010. – № 2. – S. 95–101.
4. Mikhaleva O. L. Politicheskiy diskurs kak sfera realizatsii manipulyativnogo vozdeystviya : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / O. L. Mikhaleva. – Irkutsk, 2004. – 18 s.
5. Petrova N. YeV. Yazyk sovremennykh SMI: sredstva rechevoy agressii : ucheb. posobie / N. Ye. Petrova, L. V. Ratsiburskaya. – M. : Flinta: Nauka, 2011. – 288 s.
6. Collins English Dictionary. – URL: <http://www.collinsdictionary.com/>.
7. WordWeb 3.6. – URL: <http://www.finedictionary.com/>.
8. Merriam-Webster's Unabridged Dictionary. – URL: <http://www.merriam-webster.com/>.
9. Oxford Advanced Learner's Dictionary. – URL: <http://www.oxforddictionaries.com/>.

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРНЫХ ХАРАКТЕРИСТИКАХ РЕЧЕВЫХ КЛИШЕ В ТЕКСТАХ СОВЕТА БЕЗОПАСНОСТИ ООН

Бабаев Этибар Джалил оглы, магистрант
Астраханский государственный университет
Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: hcherska@gmail.com, dark_side92@bk.ru

Манченко Елена Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент
Астраханский государственный университет
Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: hcherska@gmail.com, dark_side92@bk.ru

Речевые клише в текстах протоколов СБ ООН разнообразны по структуре и составу. Рассмотрение 2 групп речевых клише-словосочетаний позволило выявить ряд наиболее употребительных структурно-синтаксических моделей и опорных клишированных единиц. Речевые клише имеют многокомпонентный состав. Анализ речевых клише показал преобладание двусоставных и односоставных речевых клише, переходных форм между односоставными и двусоставными предложениями.

Ключевые слова: клише, речевое клише, клише-словосочетания, многокомпонентный состав, двусоставные речевые клише, односоставные клише, переходные формы.

Speech clichés in the texts of the UN Security Council protocols are diverse in structure and composition. The consideration of two groups of speech clichés-word combinations made it possible to identify a number of the most common structural-syntactic models and reference cliché units. Speech clichés have a multicomponent composition. The analysis of speech clichés showed the predominance of two-part and one-part speech clichés, transitional forms between one-part and two-part sentences.

Key words: cliché, speech cliché, clichés-word combinations, multicomponent composition, two-part speech clichés, one-part clichés, transitional forms.

Как известно, в публицистической литературе, в разговорной речи и в официально-деловом языке встречаются часто повторяющиеся стереотипные выражения. Такого рода готовые речевые формулы принято называть клише. По мнению А.И. Казанцева, «использование клише в языке официально-делового стиля следует признать вполне правомерным явлением» [4, с. 5]. Поскольку клише унифицированы, широко употребляются в официально-деловых текстах, это облегчает процесс обмена информацией при экономии времени. Кроме того, структура и содержание официально-делового текста подчиняется закреплённым повсеместно нормам, а его конкретные лексические единицы входят, как правило, в состав клишированных оборотов.

В.В. Виноградов отмечал, что «в системе современного литературного языка слова по большей части функционируют не как произвольно и неожиданно сталкиваемые и сцепляемые отдельные компоненты речи, а занимают устойчивые места в традиционных формулах. Большинство людей говорит и пишет с помощью готовых формул, клише» [5, с. 100].

С целью упрощения понимания в официальных сообщениях Совета Безопасности ООН фигурируют слова и словосочетания, обладающие особой частотностью употребления, воспроизводимостью, устойчивостью формы, соотносённостью с конкретной ситуацией, частотностью, узуальным и прагматическим характером, а также краткостью формы. Представляя традиционную манеру изложения позиции ряда стран по разным вопросам, они являются речевыми клише коммуникативного характера.

В текстах заседаний Совета Безопасности ООН встречаются клише, которые можно разделить на 2 группы:

- **клише-словосочетания**, употребляющиеся всегда в одном составе;
- **клише-словосочетания**, допускающие вариативность состава.

В первой группе были выявлены словосочетания, представленные следующими синтаксическими моделями:

1. **adjective + noun** (outgoing members / выбывшие члены, pending issues / нерешенные вопросы, formal meeting / официальное заседание, permanent representative / постоянный представитель);

2. **adjective + noun + noun** (ballistic-missile activity / разработка баллистических ракет);

3. **verb + noun** (to take steps / принять меры, to support efforts / оказывать помощь, to ensure establishment / обеспечивать, to take the opportunity / воспользоваться возможностью);

4. **verb + adjective + noun** (to extend warm wishes / искренне поздравить, to pay special tribute / воздать должное, to make the following statement / выступить);

5. **verb + adverb** (to conclude successfully / успешно завершить, to act accordingly / принять соответствующие меры);

6. **verb + preposition + [adjective] noun** (to be in effect / быть в действии, to be of invaluable assistance / стать бесценным подспорьем);

7. **verb + preposition** (to look forward to / рассчитывать на, to set out / излагать);

8. **noun + of + noun** (expression of welcome and of thanks / приветствие в адрес и выражение признательности, peaceful transfer of power / мирная передача власти, implementation of agreement / осуществление соглашения);

9. **noun + noun / + noun** (missile regimes / режим нераспространения ракет, the United Nations Action Plan / план действий Организации Объединённых Наций);

10. **preposition + adjective + noun** (without further delays / без дальнейших задержек, with agreed time frame / в установленные сроки, due to unforeseen circumstances / вследствие (в результате) непредвиденных обстоятельств);

11. **preposition + noun** (in favour / в пользу, in regard to / относительно, в отношении, in accordance with / в соответствии с).

Вторая группа представляет своего рода опорные клишированные единицы – слова, обладающие высокой частотностью в текстах протоколов и варьирующимся лексическим окружением.

Лексемы, входящие в состав речевых клише и обладающие высокой частотностью в данных официальных документах, могут быть представлены такими единицами, как, например: to express / expression, to wish / wishes, effort / efforts, relation, interest, agreement / disagreement и другие. Наиболее употребительным является политическое клише «**community**», часто употребляемое в словосочетании с прилагательными «world» «international» или с усечением «inter».

The international community must better understand the role of women in development and peacebuilding, together with the gender dimensions of conflict, if our responses are to be effective. – Для того чтобы принимаемые нами ответные меры были эффективными, **международному сообществу** надлежит лучше понять роль женщин в процессах развития и миростроительства, а также осознать гендерные аспекты конфликтов (S/PV.8022 от 10.08.2017).

We are continuously exploring how the Mission can better contribute, within our existing mandate, towards improving **intercommunity** relations. – Мы постоянно изучаем возможности для того, чтобы Миссия могла в рамках своего мандата более эффективно способствовать улучшению отношений **между общинами** (S/PV.8025 от 16.08.2017).

Because heritage constitutes a source of identity and cohesion not only for particular communities but for **the world community** as a whole, when terrorist groups target world heritage sites it is an attack on our common historical roots and cultural diversity. – Поскольку культурное наследие представляет собой основу для формирования идентичности и сплочения не только отдельных общин, но и **международного сообщества** в целом, случаи нападения террористических групп на объекты всемирного наследия представляют собой нападение на наши общие исторические корни и культурное разнообразие (S/PV.8119 30.11.2017).

По мнению Е.В. Гринкевич речевые клише имеют **многокомпонентный состав** [3, с. 112]. Они создаются по типовым лексико-грамматическим моделям на основе употребительных слов, образуя ряд наименований, сходных по структуре.

Тексты официальных документов Совета Безопасности ООН носят официальный характер и находятся в открытом доступе в интернете. Представляя собой протоколы сессий по определенным вопросам с пословной записью выступающих, они носят сугубо дипломатический характер.

Особый интерес представляет изучение **речевых клише**, рассматриваемых В.М. Бурунским, как «устойчивых, узуальных, кратких по форме и грамматически неоднородных выражений, воспроизводимых в типичных речевых контекстах и ситуациях» [1, с. 3]. Проанализируемый материал позволил выявить **основные структурные модели**, обладающие наибольшей частотностью.

Так, В.М. Бурунский разделяет речевые клише в английском и французском языках на четыре группы [2], но следует отметить, что в текстах протоколов СБ ООН встречаются:

1) **двусоставные речевые клише**,

2) **переходные формы между односоставными и двусоставными предложениями,**

3) **односоставные речевые клише.**

Примеры речевых клише как **неполных предложений**, представляющих собой эллиптические предложения, в текстах заседаний не были выявлены, поскольку коммуникативным заданием текстов данного стиля является сообщение реципиенту объективной достоверной информации и (иногда) предписание некоторых действий. Все сказанное участниками заседаний обладает юридической силой и имеет клишированную форму. Когнитивная информация, содержащаяся в речи, оформляется установленным образом, согласно строгим конвенциям.

К первой группе речевых клише с полной структурой относятся следующие типы двусоставных предложений:

а) **простые нераспространенные предложения:**

And **what about** other States? – Но **как насчет** других государств? (S/PV.7857 от 10.01.2017).

б) **простые распространенные предложения.**

Так, в текстах заседаний в роли **подлежащего** в клише и штампах наиболее употребительны:

• **указательные местоимения “it” и “that”:**

Countries must respect one another. **It** is a very simple proposition. – Страны должны уважать друг друга. **Это** очень простой постулат. (S/PV.7857 от 10.01.2017)

That is urgent, given that new and complex conflicts are emerging, even as older, longer – standing and unresolved disputes continue to fester. – **Это** крайне необходимо с учетом того, что возникают новые сложные конфликты, в то время как начавшиеся ранее, более затяжные неурегулированные споры по-прежнему причиняют людям страдания (S/PV.7857 от 10.01.2017)/

• **самостоятельные личные местоимения “I” и “We”:**

I wish to warmly welcome the Deputy Secretary – General, Ms. Amina Mohammed, and to give her the floor. – **Я** хочу тепло поприветствовать первого заместителя Генерального секретаря г-жу Амину Мохаммед и предоставить ей слово (S/PV.8022 от 10.08.2017).

... and **we** hope to see the participation of the delegation of Iran in future meetings. – и **мы** надеемся, что в ходе будущих заседаний по этому вопросу будет принимать участие и делегация Ирана (S/PV.7865 от 18.01.2017).

К простым распространённым предложениям следует отнести также **вопросительные обороты:**

What is the result? Aleppo is bombed into dust, many innocent lives are lost, the declared ceasefire is barely holding and prospects for a settlement are yet to be seen... **What has happened?** – **Что же в результате?** Алеппо разрушен бомбардировками, погибло множество ни в чем не повинных людей, объявленное прекращение огня едва поддерживается, а перспективы урегулирования еще далеки от реализации... **Что же произошло?** (S/PV.7857 от 10.01.2017).

Второй группе речевых клише соответствует модель с презентативами “**It’s**”, “**that’s**”, с характерно выделяющимися **качественными прилагательными** (вводная и эмфатическая конструкции с it):

It is worth repeating, time and again, that dialogue is the only way to resolve political differences in a peaceful way. – **Важно вновь и вновь повторять**, что диалог – это единственный способ урегулировать политические разногласия мирным путем (S/PV.7895 от 09.03.2017).

It is essential to ensure that women and girls participate fully in building inclusive and resilient societies. – **Крайне важно** обеспечить, чтобы женщины и девочки могли в полной мере участвовать в построении инклюзивных и жизнеспособных обществ (S/PV.8022 от 10.08.2017).

В данной группе клишированных единиц часто встречается конструкция “***that is why***”.

That is why we have decided to extend the mandate of the United Nations Assistance Mission in Afghanistan (UNAMA) by one year. – **Именно поэтому** мы решили продлить мандат Миссии Организации Объединенных Наций по содействию Афганистану (МООНСА) на один год (S/PV.7902 от 17.03.2017).

Официальная атмосфера и дипломатический язык заседаний требуют лаконичности и сдержанности сообщений участников. Речевые клише коммуникативного вида, представленные односоставными предложениями, в повелительном наклонении, могут начинаться с глагола “***let***”:

Let me turn now to some of the specifics of each. – **Позвольте мне** теперь перейти к некоторым специфическим особенностям каждого из них (S/PV.8022 от 10.08.2017).

Let us make no mistake – North Korea’s nuclear programme is one of the main threats to the non-proliferation regime that we have forged together, step by step, in recent decades. – **Давайте** не будем заблуждаться: ядерная программа Северной Кореи – это одна из главных угроз режиму нераспространения, который мы последовательно и сообща формировали на протяжении последних десятилетий (S/PV.7996 от 05.07.2017).

В текстах заседаний СБ ООН было отмечено частое использование речевых клише как «готовых формул» в качестве:

- **многочисленных вводных слов**, отражающих отношение говорящего к тому, о чем он рассказывает, либо указывая на источник информации. Данные вводные слова применяются, например, для выражения мнения.

In my modest opinion, Astana produced a promising step – a memorandum between the three guarantors on the creation of de-escalation zones. – **По моему скромному мнению**, Астана стала многообещающим шагом вперед: меморандум, подписанный тремя сторонами о создании зон деэскалации (S/PV.7944 от 22.05.2017);

- **для структурирования мыслей.**

At the outset, I wish to thank the Egyptian presidency for having convened today’s meeting and Assistant Secretary-General Zerihoun for his very considered and illuminating briefing. – **Прежде всего**, я хотел бы поблагодарить Египет в качестве Председателя за созыв сегодняшнего заседания, а помощника Генерального секретаря Зерихуна – за его весьма исчерпывающий и информативный брифинг (S/PV.8018 от 03.08.2017);

- **устойчивых сочетаний со стершейся образностью.**

I shall now ***give the floor*** to those members of the Council who wish to make statements. – Теперь я **предоставлю слово** членам Совета, желающим выступить с заявлениями (S/PV.8027 от 18.08.2017).

Таким образом, речевые клише в текстах СБ ООН характеризуются многокомпонентным составом и частотными структурными моделями. Такие речевые клише при всей неэмоциональности официально-делового стиля достаточно вариативны, информативны и выразительны. Вслед за Е.В. Гринкевич, такие клише следует рассматривать как «информативно необходимые единицы, отличающиеся мотивированным употреблением в речи» [3, с. 112].

Список литературы

1. Бурунский В. М. Клише: языковые характеристики, функционирование и типология (на материале французского и английского языков : автореф. дис. ... канд. филол. наук / В. М. Бурунский. – Курск, 2009. – 21 с.
2. Бурунский В. М. Структурные типы речевых клише французского и английского языков / В. М. Бурунский // Ученые записки : электрон. науч. журнал Курского государственного университета. – 2014. – № 3 (31).
3. Гринкевич Е. В. Речевые штампы и смежные с ними явления / Е. В. Гринкевич // Известия Южного Федерального университета. Филологические науки. – 2011. – № 4. – С. 112–118.
4. Казанцев А. И. Особенности перевода клише и штампов официально-делового языка (на материале французского языка) : учеб. пособие / А. И. Казанцев. – Челябинск: Челябинский гос. ун-т, 2002. – 66 с.
5. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Просвещение, 1985. – 357 с.

References

1. Burunskiy V. M. Klishe: yazykovye kharakteristiki, funktsionirovanie i tipologiya (na materiale frantsuzskogo i angliyskogo yazykov : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / V. M. Burunskiy. – Kursk, 2009. – 21 s.
2. Burunskiy V. M. Strukturnye tipy rechevykh klishe frantsuzskogo i angliyskogo yazykov / V. M. Burunskiy // Uchenye zapiski : elektron. nauch. zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2014. – № 3 (31).
3. Grinkevich Ye. V. Rechevye shtampy i smezhnye s nimi yavleniya / Ye. V. Grinkevich // Izvestiya Yuzhnogo Federalnogo universiteta. Filologicheskie nauki. – 2011. – № 4. – S. 112–118.
4. Kazantsev A. I. Osobennosti perevoda klishe i shtampov ofitsialno-delovogo yazyka (na materiale frantsuzskogo yazyka) : ucheb. posobie / A. I. Kazantsev. – Chelyabinsk: Chelyabinskiiy gos. un-t, 2002. – 66 s.
5. Slovar-spravochnik lingvisticheskikh terminov / D. E. Rozental, M. A. Telenkova. – 3-e izd., ispr. i dop. – M. : Prosveshchenie, 1985. – 357 s.

БИЗНЕС-ПРЕЗЕНТАЦИЯ КАК ЖАНР ДЕЛОВОГО ДИСКУРСА

Богдалова Аделя Рашидовна, магистрант
Астраханский государственный университет
Российская Федерация, 414000, г. Астрахань, ул. Ахматовская, 11
E-mail: arbogdalova@gmail.com

Статья посвящена изучению концепции делового дискурса и определению бизнес-презентации в качестве одного из жанров делового дискурса на основании характерных компонентов.

Ключевые слова: дискурс, деловой дискурс, бизнес, презентация, бизнес-презентация.

The article is devoted to the study of the concept of business discourse and the definition of a business presentation as one of the genres of business discourse based on the characteristic components.

Key words: discourse, business discourse, business, presentation, business-presentation.

Цель данной работы – выделить бизнес-презентацию как жанр делового дискурса и охарактеризовать ее основные компоненты.

Проблематика определения термина *дискурс* и его типологии рассматривается в работах отечественных и зарубежных лингвистов (В.И. Карасик, Н.Д. Арутюнова, Т. ван Дейк, Е. И. Морозова и др.). Т. ван Дейк понимает *дискурс* как сложное единство языковой формы, значения и действия, которое соответствует понятию «коммуникативное событие» [2, с. 46]. Определение Т. ван Дейка рассматривается нами в качестве базового для данной работы, так как оно не ограничивает дискурс рамками текста, а включает в себя социальный контекст коммуникации, который характеризует ее участников, процессы порождения и восприятия речи, принимая во внимание фоновые знания.

При изучении дискурса, как и любого комплексного и междисциплинарного явления, бесспорно, встает вопрос о классификации. Основное разграничение в данной области – противопоставление устного и письменного дискурса. Такое разграничение связано с каналом передачи информации: при устном дискурсе канал – акустический, при письменном – визуальный. Однако существуют и другие подходы к типологии дискурса.

Основополагающей для нас является классификация В.И. Карасика, который разделяет дискурсы с точки зрения социолингвистики на два основных типа: персональный и институциональный [4, с. 5–20]. В контексте предмета данной работы интерес представляет второй тип дискурса.

Институциональный дискурс представляет собой общение в заданных рамках статусно-ролевых отношений. В.И. Карасик применительно к современному социуму выделяет следующие виды институционального дискурса: политический, дипломатический, юридический, религиозный, медицинский, деловой, рекламный, научный, сценический и массово-информационный.

В данной статье мы опираемся на определение делового дискурса Т.А. Ширявой, согласно которому деловой дискурс представляет собой целенаправленную статусно-ролевую речевую деятельность людей, общей характерной чертой которых являются деловые отношения (производство товаров, финансирование этого производства, торговля, страхование, коммерция, продажа продукции и различных услуг), охватывающие не только организации внутри, но и связи между организациями, а также коммуникацию между организациями и отдельными индивидами, базирующуюся на нормах и правилах общения, принятых в деловом сообществе [5, с. 49–55].

Каждый тип дискурса обладает своим набором жанров, которые характеризуют речь в ситуации общения [6, с. 17]. У делового дискурса также существует свой набор жанров. Письменная форма делового дискурса представлена такими жанрами, как деловая переписка, договоры, заявления, характеристики, резюме и т.д. Основные жанры устной формы делового дискурса включают в себя совещание, заседание, совет (директоров, акционеров).

К деловому дискурсу можно также отнести *бизнес-презентацию* как один из жанров институционального общения.

Начнем с определения *бизнес-презентации* как феномена. В словаре Cambridge International Dictionary of English понятия “business” и “presentation” толкуются следующим образом: “business” is an activity of buying and selling goods and services [7] – деятельность, связанная с покупкой и продажей товаров и услуг; “presentation” is a talk giving information about something [8] – предоставление информации о чем-либо в устной форме.

В Словаре экономических терминов бизнес определяется как любая организованная законная деятельность, главной целью которой является получение прибыли. Регулируется национальным законодательством и международными соглашениями [9, с. 50–55].

Согласно А.Ю. Цымбал, под презентацией понимается «процесс поэтапного порождения целостного, связанного, логически организованного устного произведения на заданную тему в ограниченном объеме, целью которого демонстрация, наглядное представление и / или распространение информации с использованием аудиовизуальных средств» [10, с. 143–148].

Обобщив все выше сказанное, можно дать рабочее определение бизнес-презентации: «Бизнес-презентация – это способ предоставления информации в устной форме о товаре или услуге с целью их последующей продажи для получения прибыли».

Возвращаясь к цели данной работы, предлагается выделить бизнес-презентацию как отдельный жанр делового дискурса посредством определения ее основных образующих компонентов.

Проделанный нами анализ 15 англоязычных бизнес-презентаций (в формате публичного выступления с целью презентации нового продукта) позволяет нам рассматривать бизнес-презентацию как жанр делового дискурса с его основными компонентами:

1. *Участниками* бизнес-презентации являются презентующий (коммуникатор) и аудитория (адресат). В роли коммуникатора выступает представитель компании, от имени которой ведется презентация, в роли адресатов – аудитория слушателей (представители СМИ, блогеры, потенциальные покупатели).

2. *Цель* – позиционирование в положительном ключе нового продукта, стимулирование и побуждение аудитории к действиям, которые выгодны коммуникатору, либо тому, от чьего имени действует коммуникатор, чаще всего покупке товара или услуги, подавление конкурентов, стимулирование и побуждению. Достижение целей происходит посредством предоставления информации в устной форме от первого лица с использованием лингвистических и экстралингвистических техник.

3. *Хронология*. Анализировались презентации продолжительностью от 45 до 90 минут в формате очного выступления в замкнутом пространстве (например, помещение конференц-зала).

4. *Ценности* (в т.ч. *ключевой концепт*). В качестве базовых ценностей рассматривается совокупность того, что обладает наибольшей ценностью для коммуникатора и обуславливает существование цели дискурса. Ценности делового дискурса сконцентрированы в его ключевых концептах (для бизнес-презентации – продукт, новизна, успех, достижение, инновация, прогресс).

5. *Стратегия*. Коммуникатором во время выступления были реализованы такие коммуникативные стратегии, как самопрезентация, явное позиционирование продукта и компании в положительном ключе, явное или скрытое подавление конкурентов.

6. *Формы устной коммуникации* представляла собой диалогизированный повествовательный монолог коммуникатора (с оглядкой на слушателя), интерактивное общение с аудиторией.

7. *Тема*: Новый продукт – революционная технология на рынке.

8. *Лингвистические средства и приемы*: разговорные обороты, метафоры, афоризмы, техническая терминология, оценочная лексика.

В международной деловой сфере *бизнес-презентация* является относительно новым, но уже достаточно распространенным видом предоставления информации. Именно этот факт дает нам возможность рассматривать бизнес-презентацию как перспективный жанр делового дискурса с точки зрения исследования ее структуры, содержания, выявления ее коммуникативных особенностей и области применения, таким образом способствуя использованию практического потенциала бизнес-презентации в непосредственной профессиональной деятельности специалистов российской бизнес-среды.

Список литературы

1. Teun A. van Dijk. Handbook of Discourse Analysis : in 4 vol. / Teun A. van Dijk. – London : Academic Press, 1985. – P. 46.
2. Карасик В. И. О типах дискурса / В. И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. – Волгоград : Перемена, 2000. – С. 5–20.
3. Ширяева Т. А. К вопросу о статусе дискурса / Т. А. Ширяева // Вестник ПГЛУ. – 2006. – С. 49–55.
4. Кунина М. Н. Когнитивно-прагматические характеристики террористического дискурса : дис. ... канд. филол. наук / М. Н. Кунина. – Краснодар, 2001. – С. 17.
5. Business. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/английский/business>.
6. Presentation. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/английский/presentation>.
7. Коноплицкий В. А. Экономический словарь. Толково-терминологический / В. А. Коноплицкий, А. И. Филина. – Київ : КНТ, 2007. – С. 50–55.
8. Цымбал А. Ю. О паузальном компоненте интонации в английском академическом дискурсе (в норме и условиях интерференции) / А. Ю. Цымбал // Известия высших учебных заведений. Сер.: Гуманитарные науки. – 2012. – Т. 3, вып. 2. – С. 143–148.

References

1. Teun A. van Dijk. Handbook of Discourse Analysis : in 4 vol. / Teun A. van Dijk. – London : Academic Press, 1985. – P. 46.
2. Karasik V. I. O tipakh diskursa / V. I. Karasik // Yazykovaya lichnost: institutsionalnyy i personalnyy diskurs: sb. nauch. tr. – Volgograd : Peremena, 2000. – S. 5–20.
3. Shiryayeva T. A. K voprosu o statuse diskursa / T. A. Shiryayeva // Vestnik PGLU. – 2006. – С. 49–55.
4. Kunina M. N. Kognitivno-pragmaticheskie kharakteristiki terroristicheskogo diskursa : dis. ... kand. filol. nauk / M. N. Kunina. – Krasnodar, 2001. – S. 17.
5. Business. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/slovar/angliyskiy/business>.
6. Presentation. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/slovar/angliyskiy/presentation>.
7. Konoplitskiy V. A. Ekonomicheskij slovar. Tolkovo-terminologicheskij / V. A. Konoplitskiy, A. I. Filina. – Kiïv : KNT, 2007. – S. 50–55.
8. Tsymbal A. Yu. O pazualnom komponente intonatsii v angliyskom akademicheskom diskurse (v norme i usloviyakh interferentsii) / A. Yu. Tsymbal // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Ser.: Gumanitarnye nauki. – 2012. – T. 3, vyp. 2. – S. 143–148.

ГРАФОДЕРИВАТЫ В ЗАГоловочных комплексах Современных медиатекстов

Васильева Мария Вячеславна

Астраханский государственный университет

Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а

E-mail: mariavasilyeva1@yandex.ru

В статье рассматривается процесс графодеривации в современных СМИ, механизмы формирования и тенденции функционирования графодериватов в коммуникативном пространстве масс-медиа.

Ключевые слова: графодеривация, графодериват, медиатекст, заголовочный комплекс, заголовок, язык СМИ.

The article discusses the process of graphoderivation in modern media, the mechanisms of formation and the trend of the functioning of graphoderivatives in the communicative space of the media.

Key words: graphoderivation, graphoderivative, media text, headline complex, headline, language of the media.

Одна из современных тенденций в средствах массовой информации – визуализация контента, реализующаяся на языковом уровне с помощью графических средств. Авторы публикаций всё чаще прибегают к использованию графо-орфографической игры, чтобы усилить эмоционально-экспрессивную составляющую своего текста, реализовать «лингвокреативный потенциал неологизации» [3, с. 58]. В связи с этим в область языка СМИ проникает такой словообразовательный приём, как графодеривация, исследуемый Т.В. Поповой, Л.П. Амири, Т.А. Гридиной, Е.Е. Анисимовой и другими учёными, занимающимися тенденциями развития языка СМИ. В.П. Изотов определяет графодеривацию как «такой способ образования слов, при котором в качестве словообразовательного оператора выступают графические и орфографические средства (графические выделения, знаки препинания и т.п.)» [2, с. 76].

Использование графодериватов – единиц графодеривации – в медиатекстах обусловлено желанием авторов публикаций привлечь читателей к своим материалам: использование невузальных способов словообразования приводит к появлению визуально выделяющихся и более ёмких по смыслу неологизмов, что помогает повысить интерес к данной категории слов. Воздействующий потенциал таких лингвистических методов отмечает В.П. Москвин, указывая на способность привлечь внимание того текстового фрагмента, который «резко и контрастно выделен на фоне подобных по размеру, цвету, форме и другим сенсорно воспринимаемым параметрам» [5, с. 37].

Наиболее часто подобные примеры можно встретить в заголовках, что объясняется особенностями их расположения и оформления, а также функциями. Знакомясь с выпуском какого-либо печатного издания, читатель в первую очередь обращает внимание именно на эту часть медиатекста, потому что заголовочные комплексы расположены над основным текстом, печатаются более крупным шрифтом и содержат ключевую мысль всего текста: прочитав заголовок, читатель может моментально определить, будет он останавливаться на материале или нет. В этом проявляются основные функции заголовков, выделенные исследователями СМИ, наиболее важной из которых является аттрактивная функция, заключающаяся в привлечении внимания. Помимо этого, заголовки выполняют информативную и экспрессивную функции – передают ин-

формацию о тексте и оказывают воздействие на интеллект и эмоции читателя, а также эстетическую [1, с. 26].

Важно заметить, что в большинстве случаев графодериваты используются авторами при формировании заголовочного комплекса, в частности – в самих заголовках. Эта тенденция была отмечена при анализе современных печатных СМИ. Например, один из материалов «Новой газеты» имеет название *ФСБук* (Новая газета, 2016, № 106). Данный заголовок содержит в себе графодериват, представляющий соединение аббревиатуры ФСБ и названия социальной сети «Facebook» на основе фонетической схожести, проявляющейся в наличии звуков, включающих согласные буквы *ф*, *с* и *б*. В статье идёт речь о предложенной ФСБ системе расшифровки всего трафика российского интернета, и данная тематика определила исходные понятия статьи – ФСБ и соцсети (в частности, «Facebook», которую автор статьи разбирает отдельно). В результате творческих поисков автора, желающего поместить ключевые понятия в рамки заголовка, появляется потребность в языковой игре. Использование графодеривации делает результат процесса создания неолексемы максимально понятным читателю. Использование русскоязычной транскрипции названия социальной сети («фейсбук») с заменой первых пяти букв на паронимичную исходной фигурацию ФСБ приводит к созданию более ёмкой по своему значению неоминации, соответствующей содержанию статьи и включающей в себя её ключевые слова. Более того, использование данного графодеривата в заголовке способствует повышенному интересу читателей к материалу за счёт капитализации.

Следует отметить, что капитализация – это один из наиболее часто используемых видов графодеривации в современных печатных и интернет-СМИ. Это связано с его простотой и ёмкостью: слово, образованное таким способом, обязательно привлечёт внимание читателя наличием прописных букв, а понимание вложенной автором смысловой нагрузки не создаст дополнительных сложностей для читателя. Аналогичный приём используется в заголовке статьи из газеты «Аргументы и факты» *Заплати и Живи Как Хочешь* (Аргументы и факты, 2015, № 37). Без использования капитализации и цветовыделения фраза «живи как хочешь» не несла бы необходимой смысловой нагрузки, но подобное авторское решение позволило не только его эмоционально окрасить, но и определить тему статьи (её основная мысль заключается в поднявшихся ценах на услуги ЖКХ, что дополнительно расшифровывается в лиде).

Цветовыделение как вид графодеривации стал распространяться в масс-медиа сравнительно недавно, что подтверждается его отсутствием в работах многих учёных, которые занимались классификацией графодериватов. Однако в материалах последних лет в газете «Аргументы и факты» этот приём используется очень часто. Обратимся к примеру: в газете с определённой периодичностью публикуется список подписчиков, которые выиграли призы от редакции газеты, и для его размещения, как можно заметить, была придумана система заголовков: *Особый признак „АиФ“* (Аргументы и факты, 2015, № 43), *Призывная кампания* (Аргументы и факты, 2016, № 40), в которых используется графо-орфографическое обыгрывание ключевого для данной серии публикаций слова *приз*.

При помощи цветовыделения авторы газеты «Аргументы и факты» активно обозначают и персонажей своих публикаций. Сочетание имён собственных с разными частями речи в виде их соединения на основе визуальной и фонетической схожести наблюдается в следующих случаях: *Заново рождённый* (Аргументы и факты, 2015, № 1–2), *Поквятаемся?* (Аргументы и факты, 2015, № 21), *На асадном положении* (Аргументы и факты, 2015, № 39). В данных заголовках

зашифрованы фамилии героев – Ан (шорт-трекист Виктор Ан), Квят (автогонщик Даниил Квят) и Асад (президент Сирии Башар Асад). И если в первом случае правописание исходного слова «заново» не нарушается, то два других представляют собой продукт неузального словообразования: в слове «покатаемся» корень -кат- изменён на -квят-, а в слове «осадный» – -осад- на -асад-.

Зачастую создание графодериватов связано с актуализацией какого-либо персонажа или процесса в обществе и в СМИ – как в явлении, плотно связанном с общественно-политическим дискурсом и влияющим на него. Так, в период предвыборной кампании и самих выборов в США одной из самых обсуждаемых фигур на мировой политической арене стал Дональд Трамп, в связи с чем в масс-медиа появились графодериваты *ТРАМПлантация* (Аргументы и факты, 2017, № 5) и *ТРАМПлин* (Известия, 2016, № 209; Независимая газета, 2016, № 249). Как можно заметить, в журналистской среде имеет место заимствование интересных и ярких авторских решений или схожесть мышления авторов разных изданий во взглядах на один и тот же информационный повод.

Подобную ситуацию можно также рассмотреть, обратившись материалам на тему, связанную с решениями Всемирного антидопингового агентства. Аббревиатуру ВАДА активно использовали многие печатные средства массовой информации, среди которых ранее указанная газета «Аргументы и факты». Журналисты этого издания создали целый ряд графодериватов на основе данной аббревиатуры, которые использовались для заголовков материалов, описывающих многократные спорные решения агентства по отношению к олимпийской сборной России. Среди них мы отметим *Девятый ВАДАВАЛ* (Аргументы и факты, 2016, № 31) и *Горькая пилюля WADA* (Аргументы и факты, 2016, № 11). Первый из указанных примеров сопровождается изображением сборной России по синхронному плаванию на фоне известного художественного полотна, что в сознании читателя воспринимается в совокупности со словами и, безусловно, привлекает внимание к материалу. Цветовыделение во втором из указанных примеров показывает языковую игру журналиста со словом «ад» и устойчивым словосочетанием «горькая пилюля». Анализируя этот пример, считаем целесообразным обратить внимание на прагматическую функцию заголовков, выражающуюся в негативной коннотации использованных слов.

Обратимся ещё к одному типу графодериватов, которые рассматриваются лишь в рекламном дискурсе или в работах, посвящённых графодеривации в целом, – это слова, одна или несколько букв в которых заменены связанным по тематике изображением – фотографическим или схематичным. Такие примеры в журналистских текстах можно встретить нечасто, но о появлении этой тенденции можно судить, исходя из следующих примеров: *Вино – наша новая нефть* (Аргументы и факты, 2016, № 35) и *Когда смешное спасает*. Графодериваты образованы на базе слов «вино» и «смешное» (в слове «вино» буква *о* заменена на изображение винной бочки, а в слове «смешное» вместо той же буквы располагается изображение смайла) соответственно, являющихся, каждый в своём случае, ключевыми для определения тематики и предмета статьи. Смысловые ресурсы данных заголовков включены в их полное наименование, а изобразительная составляющая, являющаяся результатом графической игры на основе сходства изображения и очертаний буквы, лишь дополняет его визуализированным элементом.

Таким образом, при создании графодериватов различных видов отчётливо проявляет себя «лингвокреативная сущность словообразовательной неологизации» [4, с. 60]. В настоящее время развитие графодеривации в масс-

медийном пространстве происходит очень стремительно: формируется ряд особенностей, связанных с функционированием графодериватов, создаваемых журналистами для коммуникации с читателем, что является базой для дальнейших исследований в области языка СМИ.

Список литературы

1. Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов) / Е. Е. Анисимова. – М. : Академия, 2003. – 128 с.
2. Изотов В. П. Параметры описания системы способов русского словообразования / В. П. Изотов. – Орёл : Орловский гос. ун-т, 1998. – 149 с.
3. Касьянова Л. Ю. Лингвокреативная природа неологизации / Л. Ю. Касьянова // Когнитивно-дискурсивные стратегии языка : сб. науч. тр. – Белгород : Эпицентр, 2016. – С. 58–64.
4. Касьянова Л. Ю. Современное состояние и перспективы развития неологии / Л. Ю. Касьянова // Гуманитарные исследования. – 2008. – № 4. – С. 51–61.
5. Москвин В. П. О приёмах смыслового акцентирования / В. П. Москвин // Русская речь. – 2006. – № 2. – С. 30–42.

References

1. Anisimova Ye. Ye. Lingvistika teksta i mezhkulturnaya kommunikatsiya (na materiale kreolizovannykh tekstov) / Ye. Ye. Anisimova. – M. : Akademiya, 2003. – 128 s.
2. Izotov V. P. Parametry opisaniya sistemy sposobov russkogo slovoobrazovaniya / V. P. Izotov. – Orel : Orlovskiy gos. un-t, 1998. – 149 s.
3. Kasyanova L. Yu. Lingvokreativnaya priroda neologizatsii / L. Yu. Kasyanova // Kognitivno-diskursivnye strategii yazyka : sb. nauch. tr. – Belgorod : Epitsentr, 2016. – S. 58–64.
4. Kasyanova L. Yu. Sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya neologii / L. Yu. Kasyanova // Gumanitarnye issledovaniya. – 2008. – № 4. – S. 51–61.
5. Moskvina V. P. O priemakh smyslovogo aktsentirovaniya / V. P. Moskvina // Russkaya rech. – 2006. – № 2. – S. 30–42.

ОЧЕРКОВОСТЬ ТВОРЧЕСТВА В. НАРБУТА

Гуцина Ксения Николаевна, аспирант

Астраханский государственный университет

Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а

E-mail: k.churzina@yandex.ru

В чем заключается своеобразие очерка как эпического литературного жанра? Вопрос вызывает интерес у литературоведов и педагогов долгое время и до сегодняшнего дня. Тему можно назвать дискуссионной. Однако поскольку рассмотрение жанровых тонкостей очерка не входит в рамки рассматриваемой нами темы, мы не будем углубляться в дискуссии и придержимся классической версии. Все дело в том, что литературный жанр очерка не выделяется какими-либо особенными характеристиками: особенностями создания образов героев произведения, ни композиционным построением или сюжетной структурой, ни четко определенным местом автора в произведении, ни приемами и средствами изображения материала.

Как правило, очерк рассматривается в наборе отличительных черт от других родов литературы: лирике, поэмы, драмы и так далее. Таким образом, возникает мнение о синтетичности жанра очерка как промежуточного в системе литературных родов. Таким образом, можно сделать вывод о том, что наиглавнейшая характеристика очерка как жанра есть изображение чего-либо с натуры.

В прочих литературных произведениях принято изображать нечто типичное созданное по принципу обобщения ряда определенных черт нескольких примеров и прецедентов. Интересно, что как раз подобной натуралистичной верностью изображения действительности и отличается лирика Владимира Нарбута.

В некоторых произведениях переплетаются жанры эпоса, лирики и драмы. В лирических сочинениях отсутствует развернутый сюжет. В лирике В. Нарбута мы встречаем совершенно иную картину. Практически каждое стихотворение – это сюжетная история, развитие которой мы можем отследить от начала и последовательно до самого конца, то есть логического ее завершения. Разумеется, в итоге, как правило, нас ждут жизненные, нравственные выводы.

Следует также обратить внимание на то, что это не всегда истории непосредственно человеческие, но можно ли назвать их иносказательными? Ведь они настолько наполнены реальностью. Мы и сами сталкивались не раз с подобным, только проходим мимо, не обращаем внимания, не умея замечать большого в малом.

Стихотворение «Торф» представляет собой очерк о торфяном болоте. Этот «рассказ» повествует читателю о том, как оно появилось, бытовало, какие происшествия там происходили и что в итоге оно представляет собой сейчас.

Интересно, что подобные подобного рода рассказы и истории охватывают практически все стихотворения В. Нарбута о природе. Ему интересно наблюдать за ее жизнью, как она протекает. Поэт наблюдает за каким-либо порождением природы, как будто исследуя природу, наблюдая, словно за человеком. Вот только у людей цикл дольше и наблюдение может затянуться. А тут все протекает гораздо быстрее и от момента целеполагания, до подведения итогов и конструирования выводов, либо морали может пройти максимум год. Вот, к примеру, история земляники:

Примечательно, что очерк как жанр художественной литературы характеризуется еще одной интересной чертой – выражение происходящего с определенной долей эскизности повествования, сопровождаемое довольно вольным изложением, а также в определенной степени нестройной, шероховатой формой, местами довольно неестественно и подчеркнута. Само жанровое естество очерка заключается в стремлении наиболее ярко, пронизательно и как можно актуальнее и быстрее изложить задуманное, набросать сюжет с целью донести некую определенную идею произведения.

Здесь мы имеем возможность не только понаблюдать за жизненным циклом земляники. Поэт дает уникальную возможность посмотреть на мир глазами той самой земляники. Узнать о происходящем вокруг нее пусть не от первого лица, но по ее непосредственным свидетельствам, эмоциональным и небезразличным. Что же касается сюжетной составляющей очерка, то мы уже отмечали характерную для В. Нарбута последовательность описания событий, насыщенность действием и явлениями:

*Крепко ломит в пояснице,
Тычет шилом в правый бок:
Лесовик кургузый снится
Вёрткой девке – лоб намок.
Напирает, нагоняет,
Рявкнет, схватит ВОТ-ВОТ-ВОТ:
От онуч сырых воняет
Стойлом, ржавчиной болот.
Ох, кабы не зачастила*

*По грибы да шляться в лес –
Не прилез бы он постылый,
Полузверь и полубес...
Стонет развалина-шарманка,
Сохнет и шелушится крик.
Серый акробат – обезьянка –
Топчется – сморщенный старик.
В окнах внимательные дети,
Ясные, синие глаза.
Весело жить на этом свете,
Даже если в сердце слеза!*

Для любого очерка характерно наличие так называемого «публицистического героя», в этом качестве может выступать человек, животное, город, сам автор.

*Золотистого хлеба снопы
Словно витязи на поле встали...
О сверкайте, сверкайте, снопы,
Уходите со жницами в дали!..*

*Под горой – опять деревня,
С красной крышей домик твой;
А за ним и флигель древний
Потонул, нырнул в сувой.
– Вот и – дома. Вылезай-ка
Поживее из саней!
Ну, встречай гостей, хозяйка,
Костенеющих – родней!
Снова кони, кучер, сани –
Оторвались от крыльца.
А в передней – плеск лобзаний,
Иней нежного лица.*

Суть такого героя определяется в слиянии двух материальных пленов: объективного и субъективного. Первое реализуется за счет того, что герой является отражением общественной ситуации, субъективность же реализуется за счет личного авторского видения мира. Классическое в герое очерка реализуется только посредством его действий и поступков, важных действий.

*Иль быть может сокол смелый
Гонит стадо лебедей
И роняет пух их белый
На простор пустых полей?..
Серебристой паутиной
Вьется частый-частый снег,
Чтоб над вялою куртиной
Призамедлить легкий бег.
И зачем он так прилежно,
Как заботливая мать,
Стелет полог белоснежный,
Стелет мягкую кровать?
Ведь ни астре, ни левкою
Встать уже не суждено:
Их мороз убил, рукою
К ним дотронувшись, давно...*

Для очерка как художественного, так и публицистического важно место авторского «я» в структуре повествования. Произведение очеркового стиля непременно пропитано различного рода рассуждениями автора либо исключительно лирического героя, при наличии авторских включений и лирических отступлений в рамках повествования. Следует также отметить и то, что довольно часто автор может позиционировать и самого себя в качестве ведущего действующего лица. Для очерка характерно стремление к наибольшей степени сближения авторского начала с читателем в плане общности воззрений, нравственно-эстетических позиций, общественным настроениям. Автор представляет себя как соратника, единомышленника. Данная позиция в изображении авторского «я» в очерковом жанре является источником некоторой определенной интимности в художественном повествовании, как называл ее Л. Булаховский.

В родной степи. Поля молчат.

Снимают яблоки и груши:

благоухает ими сад...

Кой-где и лист уже краснеет

И осыпается, шурша...

В истоме сладкой цепенеет

Моя усталая душа...

... И вот на той еще неделе,

я слышал крики журавля...

... А небеса стеклом сквозят...

И грустно-грустно почему-то...

Не то я потерял кого-то,

Кто дорог был душе моей...

Одним из ведущих отличительных критериев называют то, что очерк непременно должен базироваться на вполне конкретные, скорее всего многим известные, жизненные прецеденты. При этом выбранный автором неповторимо индивидуальный прецедент, случай либо явление, используется писателем как некая часть чего-то более глобального и своего рода типического. Художественность же в данном случае реализуется за счет обрастания используемого прецедента новыми подробностями и детальными элементами.

Ражий помещик

(Длиннющие руки

И широченная лапа-ступня),

Влезши в короткие

(в клеточку) брюки,

Брюзгнет, как перепел, день изо дня...

Преподнесение того или иного случая как правило осуществляется автором в соотнесении, сравнении с каким-то иным, произошедшим ранее, вероятно более известным, показательным, ярким, возможно приобретшим определенную долю нарицательности. Данные случаи представляются в виде ассоциативного ряда.

Список литературы

1. Нарбут В. Стихотворения / В. Нарбут. – М. : Современник, 1990. – 445 с.
2. Нарбут Т. Р. Владимир Нарбут / Т. Р. Нарбут, В. Н. Устиновский // Новобасманная, 19. – Москва : Художественная литература, 1990. – С. 313–329.
3. Озеров Л. О Владимире Нарбуте / Л. Озеров // Простор. – 1988. – № 3. – С. 157.

References

1. Narbut V. Stikhotvoreniya / V. Narbut. – M. : Sovremennik, 1990. – 445 s.
2. Narbut T. R. Vladimir Narbut / T. R. Narbut, V. N. Ustinovskiy // Novobasmannaya, 19. – Moskva : Khudozhestvennaya literatura, 1990. – S. 313–329.
3. Ozerov L. O Vladimire Narbut / L. Ozerov // Prostor. – 1988. – № 3. – S. 157.

ВЕРОЯТНОСТНАЯ МОДЕЛЬ ДИНАМИЧЕСКОГО ЦЕНООБРАЗОВАНИЯ УСЛУГИ ПЕРЕВОДА

Доронин Сергей Владимирович, магистрант

Астраханский государственный университет

Российская Федерация, 414000, г. Астрахань, ул. Ахматовская, 11

E-mail: 79881713482@mail.ru.

Подходы к оценке количества информации при переводе текста претерпели значительную трансформацию: сегодня измерение ведётся по статистике программы MS Word. Существует практика индексации базовой ставки за слово в зависимости от его повторяемости в памяти переводов проекта. Более углублённая автоматическая классификация текста оригинала до уровня ключевых слов позволит применить динамическое ценообразование, снижающее плату за вспомогательные слова или слова с минимальным лексическим значением. Вероятностный подход позволяет обосновать количество переводчиков, параллельно работающих в проекте, на основе индекса качества перевода текстов.

Ключевые слова: профессиональный перевод, индекса качества перевода, динамическое ценообразование, ключевое слово, теория вероятностей, авторский лист, технология Connect Key.

Information amount assessment for rendition has undergone a significant transformation. At present estimation is based upon MS Word statistics. There is a practice of base rate per word alteration depending on its project translation memory occurrence frequency. Enhanced automatic keyword extraction is a dynamic pricing enabler to reduce auxiliary words translation costs. The probabilistic approach is to substantiate project translators backup based on the text translation quality index.

Key words: professional translation, translation quality index, dynamic pricing, probability theory, author's sheet, Connect Key technology.

Весь рынок переводов включает более 1500 организаций [10], объем бизнеса бюро переводов России оценивается в 12–16 млрд руб. в год [7]. Самые активные коммерческие заказчики услуг перевода [9]: «Росатом» – 38 закупок, «Роснефть» – 12, «Газпром» – 15, «Интер РАО ЕЭС» – 6, «УП РФПИ» – 4.

Качество переводов, как правило, оценивают субъективно: руководство бюро переводов или заказчик бегло просматривают текст и просто объявляют, нравится он им или не нравится. Отчасти так сложилось из-за того, что существующий ГОСТ [2] оговаривает правила представления клиенту предложения, в котором указаны минимум 2 параметра: информация о цене и условиях оказания услуги.

Истоки такого упрощённого подхода кроются в уровне развития технологий на начало 1940 г. Согласно [3] для полиграфии того времени было важно подсчитать расход бумаги в квадратных сантиметрах и эту площадь перевести в авторские листы из расчета 3000 см² на один авторский лист. Подсчет числа

знаков в строке в сплошном тексте литературы на языках народов СССР и иностранных языках производился на общих основаниях. В издательском деле термин «авторский лист» применялся для определения объема работ по тиражированию документации. «Авторский лист» состоит из 40 тыс. печатных знаков. Авторский лист содержит 22,22 стандартные переводческие страницы [4, с. 11]. Далее эта традиция переключалась в современные правила [4, с. 11] и по сей день расчет стоимости одной страницы перевода ведется из расчета 1800 знаков оригинального текста.

Изобретенная во II веке н.э. в Китае бумага служила людям 19 столетий – постепенно она уступает место безбумажным технологиям. Разработанная компанией «Xerox» технология «Connect Key» [11] позволяет с удобством, достойным XXI в., получать текст перевода, просто нажав кнопку на сенсорной панели устройства для отправки сканируемого содержимого сразу в электронный облачный сервис переводов. Таким образом может исчезнуть само понятие «авторский лист», использующее для оценки труда переводчика бумажный эквивалент 3000 см².

В переводческих переговорах чаще стала фигурировать более крупная единица смысла – слово. Сегодня одна страница равна 250 слов с пробелами по статистике программы MS Word [4, с. 11].

Всё более широкое применение количественных и неколичественных методов – одно из характерных свойств современной лингвистики [6]. С когнитивной точки зрения человечество организует свои знания так, чтобы ядро смысла подчиняло себе все части предложения либо всего текста. Использование современных программ позволило группе авторов [5] в 2009 г. запатентовать изобретение, основанное на особенности ключевых слов текста создавать ядро из несколько слов, причём рядом с ними редко появляются стандартные знаки препинания или стоп-слова (вспомогательные слова или слова с минимальным лексическим значением). Получается, что из одной страницы текста «MS Word» с помощью алгоритма «Быстрое автоматическое извлечение ключевых слов для поиска и анализа информации» [5] можно «выжать» больше смысла. Больше нет необходимости придерживаться процедуры отправки всего массива текста для определения расценок бюро переводов: достаточно передать извлеченные ключевые слова – если таковые есть в памяти переводов, то можно автоматически переходить к этапу подбора переводчика с наивысшим рейтингом качества перевода по этим ключевым словам (на текущий момент на рынке устоялся термин «тематика», к примеру, «Менеджмент», «Недвижимость», «Автотранспорт», «Компьютеры», что ничуть не мешает углубить классификацию до уровня ключевых слов).

Научно-технический перевод является одним из самых сложных видов перевода [1, с. 1]. Отчасти это связано с редко встречающимися терминами: при изучении частоты встречаемости слов в языках перевода была выявлена закономерность, которую позже назвали «законом Ципфа» [6, с. 2]: «Произведение частоты встречаемости слова и его позиции в частотном словаре – величина приблизительно постоянная». Чем дальше позиции слов перевода в частотном словаре, тем более услуга перевода становится абсолютно индивидуальной. В случае отказа клиента от услуги по переводу текста найти другого клиента, которого заинтересовал бы тот же самый текст, совершенно нереально.

Соответственно, у узкоспециализированных переводчиков существует конвейер заказов, и если на какой-то день у них запланирована работа по конкретному проекту, то другим клиентам на этот день они уже вынуждены отка-

зять в сотрудничестве. Данная идея очень наглядно подтверждается картой: на рисунке 1 можно легко увидеть неравномерное географическое распределение переводчиков. По данным [9] на 5 российских регионов приходится 46 % всех тендеров на услуги перевода.

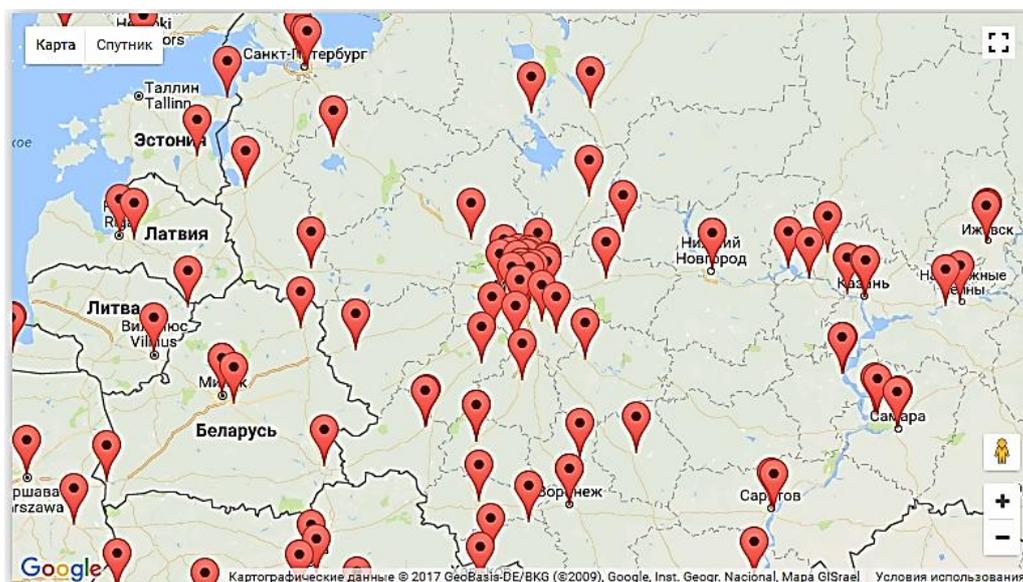

Рис. 1. Переводчики на карте мира (источник: <http://www.gotranslators.ru/>)

Совершенно естественно мы подходим к идее динамического ценообразования: чем реже встречается ключевое слово, тем выше должны быть на расценки на данную тематику переводов. Динамическое ценообразование позволяет своевременно реагировать на любые, даже незначительные изменения рынка, переоценивая услугу согласно целям бизнеса. Компания “Amazon.com” уже достаточно давно использует преимущества динамического ценообразования. Переводческая компания “Flarus.ru” публикует на своём сайте текущее количество проектов в работе и средний уровень загруженности бюро. Если исследовать зависимость загруженности бюро и стоимости перевода от времени года, то стоит обратить внимание на типичную для России «пилообразную» форму финансового поведения корпоративных клиентов.

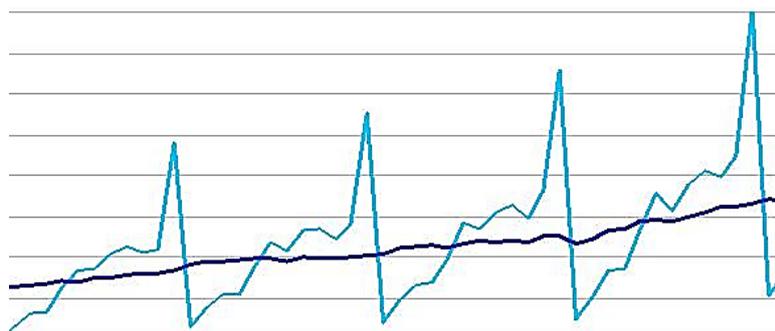

Рис. 2. Типичная форма динамики инвестиций в основной капитал в РФ

Бюро переводов, оказывающие профессиональные лингвистические услуги корпоративным клиентам часто предлагают скидки и спецпредложения для постоянных клиентов для сглаживания подобных пиков спроса. На подобную систему перешли РЖД и стали продавать билеты по новым правилам. Эти хитрые правила называются «динамическое ценообразование». По новой системе стоимость билета на поезд теперь не является фиксированной, а зависит

от параметров: наличия свободных мест, времени покупки билета, дня недели. Похожим образом бюро переводов используют в тендерах «динамическое ценообразование», предлагая расценки в районе 200 руб. за страницу при среднерыночном предложении в диапазоне 450–510 руб. за страницу [7].

В тендерах, где вес критерия «цена» превышает 60–70 %, можно часто увидеть предложения в 1/3 рыночной цены. Практически невозможно выполнить такой заказ, используя труд квалифицированных переводчиков, и получить прибыль. Ни о какой многоступенчатой проверке качества, необходимой для специализированных переводов, в таком ценовом сегменте речь не идет [7].

Современные системы управления переводческими командами позволяют более пристально подойти к обеспечению качества переводов [4].

В моду входят информационные панели качества перевода [12]. Необходимость появления данной методики обусловлена желанием переводческих компаний дать более точную математическую оценку перевода [1, с. 4]. Следует также подчеркнуть, что методика оценивания по индексу TQI позволяет использовать все преимущества такого способа оценки качества:

- предельная объективность;
- удобный вариант обратной связи;
- возможность подстроиться под специфику проекта;
- удобство хранения результатов.

Минусом данного подхода является необходимость разрабатывать классификатор ошибок, тратить время на их поиск и распознавание их типа.

Несмотря на практически нулевую стоимость (вождеденную с точки зрения заказчиков «дешевизну») использование машинного перевода штрафует 4 баллами [4, с. 16] при оценке качества перевода профессиональными переводчиками.

Хотелось бы добавить, что анализ качества и надежности любой системы должен основываться на точно определенных понятиях [8, с. 5]. Известно, что даже у одинаковых систем, работающих в аналогичных условиях, отказы происходят в случайные различные моменты времени, т.е. отказы могут быть описаны только в терминах теории вероятностей. Таким образом, основные определения надежности и качества перевода должны основываться главным образом на понятиях теории вероятностей.

Вероятность выполнения работы бюро переводов $P(t)$ – это такая функция времени, которая определяет вероятность того, что перевод текста будет выполнен качественно в заданный момент времени t . Ее можно записать в виде [8, с. 5]:

$$P(t) = (N_0 - n(t)) / N_0,$$

где N_0 – количество переводов с высоким TQI по конкретной тематике; $n(t)$ – число отказов в группе переводов с низким TQI.

Вероятность отказа $Q(t)$ – это вероятность того, что заказчик объявит, что перевод не нравится к моменту времени t . Она связана с вероятностью работы бюро переводов $P(t)$ простым соотношением [8, с. 5]:

$$Q(t) + P(t) = 1.$$

Совершенно очевидно, что если бюро переводов стремится снизить $n(t)$, то необходимо привлекать переводчиков работать в группах, поскольку такая система не выходит из строя, пока не отказали все элементы [8, с. 22].

Имеет смысл отказаться от анахронизма «авторский лист», подразумевающего эквивалент 3000 см² бумаги. Необходимо перейти на «динамическое

ценообразование» по временному и географическому принципу, расчету за слово в зависимости от его позиции в частотном словаре, индексации базовой ставки от качества памяти переводов проекта, указанию количества переводчиков работающих в проекте параллельно.

В качестве перспективы дальнейших исследований могут рассматриваться конкретизация понятия «язык как совокупность ключевых слов», описывающих определённую области знаний.

Список литературы

1. Чемезов Я. Р. Применение индекса TQI для повышения качества перевода / Я. Р. Чемезов // Язык и культура. – 2017. – № 37. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-indeksa-tqi-dlya-povysheniya-kachestva-perevoda.pdf> (дата обращения: 11.12.2017).
2. ГОСТ Р ЕН 15038-2014. Услуги населению. Услуги переводческие. Требования к услугам. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200114773> (дата обращения: 11.12.2017).
3. Инструкция по исчислению объема литературного произведения в авторских листах : (утв. Приказом ОГИЗа РСФСР от 22.02.1940 № 51). – URL: https://www.lawmix.ru/docs_ccsr/7096 (дата обращения: 11.12.2017).
4. Правила оказания переводческих и особых видов лингвистических услуг ПР 50.1.027-2014. URL: http://www.gostinfo.ru/Content/img/services/PR_50.1.027-2014.pdf (дата обращения: 11.12.2017).
5. Rapid automatic keyword extraction for information retrieval and analysis, US8131735B2 / Stuart J. Rose, Wendy E. Cowley, Vernon L. Crow, Nicholas O. Cramer. URL: <https://www.google.com/patents/US8131735> (дата обращения: 11.12.2017).
6. Верховин С. С. О статусе количественных методов в лингвистике / С. С. Верховин // Вестник ИГЛУ. – 2013. – № 3 (24). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-statuse-kolichestvennyh-metodov-v-lingvistike.pdf> (дата обращения: 11.12.2017).
7. Константин Дранч. Обзор крупнейших переводческих тендеров 2016 года / Константин Дранч. – 05.05.2017. – URL: <https://translationrating.ru/blog/editorial/kрупнейшие-tendery-2016-goda/> (дата обращения: 11.12.2017).
8. Климов А. М. Надежность технологического оборудования : учебное пособие / А. М. Климов, К. В. Брянкин. – 2-е изд., стер. – Тамбов : Тамбский гос. техн. ун-т, 2008. – 104 с. – URL: <http://window.edu.ru/resource/825/64825/files/klimov-l.pdf> (дата обращения: 11.12.2017).
9. Владимир Федин. Обзор тендерных закупок услуг языковых переводов за 2015 г. / Владимир Федин. – 18.02.2016. – URL: <http://www.primavista.ru/blog/2016/02/18/tender/> (дата обращения: 11.12.2017).
10. Рейтинг: крупнейшие переводческие компании России – 2016. – URL: <https://translationrating.ru/results2016/> (дата обращения: 11.12.2017).
11. Xerox® ConnectKey™ Правильная технология для решения существующих и возможных задач. – URL: <http://www.xerox.ru/upload/Brochure%20ConnectKey.pdf> (дата обращения: 11.12.2017).
12. Мировые тенденции в переводе 2017: отчет с конференции Locworld 34 Barcelona, Константин Дранч. – 24.06.2017. URL: <https://translationrating.ru/blog/bez-rubriki/lwbarcelona/> (дата обращения: 11.12.2017).

References

1. Chemezov Ya. R. Primenenie indeksa TQI dlya povysheniya kachestva perevoda / Ya. R. Chemezov // Yazyk i kultura. – 2017. – № 37. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-indeksa-tqi-dlya-povysheniya-kachestva-perevoda.pdf> (data obrashcheniya: 11.12.2017).

2. GOST R YeN 15038-2014. Uslugi naseleniyu. Uslugi perevodcheskie. Trebovaniya k uslugam. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200114773> (data obrashcheniya: 11.12.2017).
3. Instruktsiya po ischisleniyu obema literaturnogo proizvedeniya v avtorskikh listakh : (utv. Prikazom OGIza RSFSR ot 22.02.1940 № 51). – URL: https://www.lawmix.ru/docs_cccp/7096 (data obrashcheniya: 11.12.2017).
4. Pravila okazaniya perevodcheskikh i osobykh vidov lingvisticheskikh uslug PR 50.1.027-2014. URL: http://www.gostinfo.ru/Content/img/services/PR_50.1.027-2014.pdf (data obrashcheniya: 11.12.2017).
5. Rapid automatic keyword extraction for information retrieval and analysis, US8131735B2 / Stuart J. Rose, Wendy E. Cowley, Vernon L. Crow, Nicholas O. Cramer. URL: <https://www.google.com/patents/US8131735> (data obrashcheniya: 11.12.2017).
6. Verkhozin S. S. O statuse kolichestvennykh metodov v lingvistike / S. S. Verkhozin // Vestnik IGLU. – 2013. – № 3 (24). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-statuse-kolichestvennykh-metodov-v-lingvistike.pdf> (data obrashcheniya: 11.12.2017).
7. Konstantin Dranch. Obzor krupneyshikh perevodcheskikh tenderov 2016 goda / Konstantin Dranch. – 05.05.2017. – URL: <https://translationrating.ru/blog/editorial/krupnejshie-tendery-2016-goda/> (data obrashcheniya: 11.12.2017).
8. Klimov A. M. Nadezhnost tekhnologicheskogo oborudovaniya : uchebnoe posobie / A. M. Klimov, K. V. Bryankin. – 2-e izd., ster. – Tambov : Tambskiy gos. tekhn. un-t, 2008. – 104 s. – URL: <http://window.edu.ru/resource/825/64825/files/klimov-l.pdf> (data obrashcheniya: 11.12.2017).
9. Vladimir Fedin. Obzor tendernykh zakupok uslug yazykovykh perevodov za 2015 g. / Vladimir Fedin. – 18.02.2016. – URL: <http://www.primavista.ru/blog/2016/02/18/tender/> (data obrashcheniya: 11.12.2017).
10. Reyting: krupneyshie perevodcheskie kompanii Rossii – 2016. – URL: <https://translationrating.ru/results2016/> (data obrashcheniya: 11.12.2017).
11. Xerox® ConnectKey™ Pravilnaya tekhnologiya dlya resheniya sushchestvuyushchikh i vozmozhnykh zadach. – URL: <http://www.xerox.ru/upload/Brochure%20ConnectKey.pdf> (data obrashcheniya: 11.12.2017).
12. Mirovye tendentsii v perevode 2017: otchet s konferentsii Locworld 34 Barcelona, Konstantin Dranch. – 24.06.2017. URL: <https://translationrating.ru/blog/bez-rubriki/lwbarcelona/> (data obrashcheniya: 11.12.2017).

ОБРАЗЫ СУФИЙСКОЙ ПОЭЗИИ ВОСТОКА В ЛИРИКЕ К.М. ФОФАНОВА

Дьяченко Татьяна Анатольевна, преподаватель
Астраханская государственная консерватория
Российская Федерация, 414000, г. Астрахань, ул. Советская, 23
E-mail: dyachenko_tatiana@mail.ru

Данная статья посвящена образам суфийской поэзии Востока в лирике К.М. Фофанова. Большое внимание уделяется образам соловья, розы, вина в работах поэта XIX столетия. Настоящая работа представляет интерес для аспирантов, студентов, старшеклассников и может быть использована для написания курсовых работ.

Ключевые слова: восточная поэзия, образ, суфизм, соловей, роза, суфийская поэзия.

This article is devoted to the oriental sufi poetry images in the works of K.M. Fofanov. Much attention is given to the images of nightingale, rose, vine in the works of 19th century poet. The article is of interest to post-graduate students, degree-seeking students, high school students and used in writing the term paper.

Key words: oriental poetry, image, sufism, nightingale, rose, sufi poetry.

В творчестве К.М. Фофанова активно используются ориентальные образы, самыми частотными из которых являются Роза и Соловей, составляющие образное ядро восточной поэзии.

В поэтическом искусстве Востока, в частности Персии, роза и соловей находятся в ассоциативной связи, один образ нельзя представить без другого:

بنگر ز صبا دامن گل چاک شده
بلبل ز جمال گل طربناک شده
در سایه گل نشین که بسیار این گل
در خاک فرو ریزد و ما خاک شده
(рубай О. Хайяма)

Посмотри: от ветерка распустились **розы**,
Соловей от их красоты жизнерадостным стал.
В тени розовой не садись: множество лепестков
В земле оказалось, и мы станем этой землей.
(подстрочный перевод с фарси мой – Т.Д.)

Вновь распускаются **розы** под утренним ветерком,
И **соловьёно** песней все огласилось кругом.
Сядем под розовой сенью! Будут, как нынче, над нами
Их лепестки осыпаться, когда мы в могилу сойдем.
(пер. В. Державина)

Соловей и Роза – образы восточной суфийской поэзии, обладающей чертами обычной любовной лирики, которую не следует воспринимать буквально. Так, соловей, влюблённый в розу, – это суфий, взыскующий Бога. Отсюда становится понятным, почему в восточной поэтической традиции именно соловей страдает от неразделенной любви:

Внимала роза соловью вчера в моем саду,
Всю ночь среди ветвей звучал его печальный стон:
«О сердце бедное, терпи! Всесильный друг суров:
К твоим поступкам и словам неблагоприятен он».
(отрывок из газели Хафиза)

Суфизм как мистическое течение представлял интерес для К.М. Фофанова, по свидетельству современников, обладавшего парапсихологическими способностями и посещающего сеансы медиумов, гипнотизеров. В дневнике его друга А.В. Жиркевича находим: «Фофанов оказывается очень способным к разным спиритическим сеансам. <...> Он рассказал, что два раза пробовал вызывать лиц умерших, но которых никогда не видел даже на портретах: своего деда и Магомета. Попыты удались, и ему представились оба лица...» [4, с. 10].

Духовный практик – суфий, ищущий истину и Бога – облачается в контексте данного изотерического направления ислама в образ влюбленного в розу соловья. Подобное встречаем в поэзии К.М. Фофанова:

Пел **соловей**, цветы благоухали.
Зелёный май, смеясь, шумел кругом.
На небесах, как на остывшей стали
Алеет кровь, – алел закат огнём.
Он был один, он – юноша влюбленный,
Вступивший в жизнь, как в роковую дверь,
И он летел мечтою окрылённой
К ней, только к ней, – и раньше и теперь. <...>

Образ влюблённого юноши дается в аспекте его метафорической связи с образом соловья. Ассоциативная параллель возникает посредством использования фразеологической единицы *окрылённый мечтой* («...И он летел мечтою окрылённый...»), иносказательная основа которой перекладывает на человека способность птицы летать. Образ алеющей крови, входящий в состав развернутого сравнения («...как на застывшей стали / Алеет кровь...»), также отсылает к ориентальной поэтике. Сравним:

Над землей небосвод наклоняется вновь,
Как над чашей кувшин. Между ними любовь.
Только хлещет на землю не кровь винограда,
А сынов человеческих алая кровь.

(рубаи О. Хайяма)

Два бесценных подарка судьбою даны человеку:

В сердце – пылкая кровь, в чаше – алая кровь винограда.

Не велят небеса розу с розовой путать водою:

Та – красotka базарная, эту – скрывает ограда.

(отрывок газели Хафиза)

Суфийский образ вина – поток божественных откровений, истина – популярен в произведениях поэтического искусства Востока. Хафиз воспевает розовые цветники, соловьев, бодрящее вино. Подобную образную группу встречаем в художественном пространстве произведений Фофанова, например, в «Созвездьях Лиры»:

Созвездья Лиры, Созвездья Лиры,
Благословите мой трудный путь!
Разбиты бурей мои кумиры,
Их тяжкий камень мне давит грудь.

Я пел веселье, я пел страданье,
Я юность с песней, с вином мешал.
Настало время – час испытанья;
Увяла роза, разбит бокал! <...>

В стихотворении, где образ розы понимается как символ «старой» романтической поэзии, обнаруживается ряд интертекстуальных связей с произведением А.С. Пушкина «К Жуковскому», в котором автор также рассуждает на тему поэта и поэзии:

А.С. Пушкин

К.М. Фофанов

Благослови, поэт!.. В тиши парнасской сени
Я с трепетом склонил пред музами колени:
Опасною тропой с надеждой полетел <...>
Нет, нет! решился я – без страха в **трудный путь**,
Отважной верою исполнилася грудь.

Созвездья Лиры, Созвездья Лиры,
Благословите мой трудный путь!
Разбиты бурей мои кумиры,
Их тяжкий камень мне давит грудь.

Используемый неоромантиком Фофановым глагол *благословлять*, обладающий стилевым маркером *высокий*, а также устойчивое сочетание *трудный путь*, как метафора нелегкого поэтического труда, указывает на ретроспективность его поэзии (у Ф. Сологуба: «Путь мой трудный, путь мой длинный. / Я один в стране пустынной...»):

Под грозною парнасскою скалою
Какое зрелище открылось предо мною?
В ужасной темноте пещерной глубины
Вражды и Зависти угрюмые сыны,
Возвышенных творцов зоилы записные
Сидят – Бессмыслицы дружины боевые.

Созвездья Лиры, Созвездья Лиры,
Мечите искры, мечите гром! –
Бегут, проснулись мои вампиры,
И жгут, и жалят, и бьют мечом.

Поэты выражают свое отношение к современным писателям; звуковые соответствия шипящих [ж], [ч], [ш] усиливают отрицательную коннотацию слов и способствуют нагнетанию драматичности лирического сюжета.

Таким образом, в поэтических работах К.М. Фофанова прослеживается использование образов-символов суфийской поэзии Востока, интерес к которой вызван увлечением разного рода спиритических сеансов. По меткому выражению Д.С. Мережковского, Фофанов в современной, бездушной толпе это больше, чем мистик, это – ясновидящий [2, с. 214].

В целом, суфийские образы вина, соловья, розы воспринимаются по-этом-неоромантиком как в контексте мистического направления ислама («Пел соловей, цветы благоухали»), так и сквозь призму вечной для русской литературы темы поэта и поэзии («Созвездья Лиры»).

Список литературы

1. Любовный напиток. Лучшая персидская лирика. – М. : Эксмо, 2015. – 480 с.
2. Мережковский Д. С. Эстетика и критика : в 2 т. / Д. С. Мережковский. – М. ; Харьков, 1994. – Т. 1. – С. 213–214.
3. Рубаи. Газели / Омар Хайям. – М. : Эксмо, 2012. – 544 с.
4. Сапожков С. В. Творческий путь Константина Фофанова: между классикой и модернизмом / С. В. Сапожков // Константин Фофанов. Стихотворения и поэмы – СПб : Пушкинский дом, 2010. – С. 5–64.

References

1. Lyubovnyy napitok. Luchshaya persidskaya lirika. – M. : Eksmo, 2015. – 480 s.
2. Merezhkovskiy D. S. Estetika i kritika : v 2 t. / D. S. Merezhkovskiy. – M. ; Kharkov, 1994. – T. 1. – S. 213–214.
3. Rubai. Gazeli / Omar Khayyam. – M. : Eksmo, 2012. – 544 s.
4. Sapozhkov S. V. Tvorcheskiy put Konstantina Fofanova: mezhdu klassikoy i modernizmom / S. V. Sapozhkov // Konstantin Fofanov. Stikhotvoreniya i poetry – SPb : Pushkinskiy dom, 2010. – S. 5–64.

АВТОРСКОЕ ПРАВО КАК ЭЛЕМЕНТ ЮРИСЛИНГВИСТИКИ В ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ

Зайцева Марьяна Александровна, магистрант
Астраханский государственный университет
Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, Татищева, 20а
E-mail: mariana89@list.ru

В статье приводятся основные теоретические сведения об интернет-дискурсе. Кроме того, в связи с таким объектом исследования, как авторское право, рассматривается роль лингвистической экспертизы для разрешения споров по вопросам защиты авторского права в сети Интернет.

Ключевые слова: дискурс, авторское право, интернет-дискурс, юрислингвистика, лингвистическая проблема, лингвистическое исследование, судебная практика, лингвокриминалистика, судебное речеведение, языковые исследования.

The article contains the main theoretical information about Internet discourse. In addition, in connection with such an object of study as copyright, the role of linguistic expertise for resolving disputes on the protection of copyright in the Internet is considered.

Key words: discourse, copyright, Internet discourse, juridical-linguistics, linguistic problem, linguistic research, judicial practice, linguistic analysis, judicial speech, language studies.

Дискурс – одно из главных понятий современной коммуникативной лингвистики, лингвистики текста. В зарубежной истории проблемы дискурса впервые широко рассмотрены в работах Э. Бенвениста, З. Харриса и М. Фуко [7, 10]. Вместе с тем, изначальное определение дискурса как лингвистического явления в корне отличается от современного его понимания.

Впервые термин *discourseanalysis* применен американским языковедом и социологом Зеллигом Харрисом в середине прошлого века. Он понимал под дискурсом текстовую реализацию коммуникативного акта, набор фраз, в связи с чем применял к нему дескриптивные методы анализа предложений и связной речи [9].

Французский лингвист Эмиль Бенвенист понимал под дискурсом речь в аспекте её производства [3]. Подход Бенвениста к изучению дискурса строился на исследовании именно ситуативно-коммуникативных характеристиках, присущих его конкретной реализации. Согласно такой точке зрения, коммуникант присваивает дискурсообразные личностные маркеры посредством характерных средств осуществления дискурса, а также особых языковых тактик и приёмов [3].

В современной лингвистике существуют два подхода к определению термина **дискурс**. Так, известный лингвист Тёнван Дейк считает, что в широком смысле дискурс – это языковой акт, происходящий при участии двух коммуникантов в определённом культурном, временном и даже социальном контексте. В узком смысле дискурс равнозначен понятиям «текст» и «разговор», то есть может рассматриваться как конкретный вербальный речевой продукт [11]. Эта точка зрения является наиболее широко распространённой и разделяется многими отечественными лингвистами, такими как Е.С. Кубрякова и О.В. Александрова, В.Е. Чернявская [6, 8].

С развитием общества возрастает потребность человечества в коммуникации. И появление глобальной сети Интернет стало закономерным шагом в этих условиях.

В рамках настоящего исследования представляется возможным дать определение интернет-дискурсу. Так, Н.А. Ахренова выделяет интернет-дискурс как особый вид дискурса и утверждает, что его специфика, обусловленная в первую очередь его своеобразной сферой появления и распространения, проявляется во всех областях: имеются особенности графические и орфографические, лексические, грамматические [1].

Интернет-дискурс представляет собой процесс создания текста в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими факторами, целенаправленное социальное действие, включающее взаимодействие людей и механизмы их сознания – когнитивные процессы [1].

Из-за особого статуса лексики в сети Интернет, неоспоримой важности её исследования и представляемого им огромного интереса для учёных необходим комплексный подход к её исследованию, включающий в себя элементы разных научных подходов: лингвистического, литературоведческого, культурологического, этнографического и др. [2].

В связи с тем, что объектом исследования выступает авторское право, важную роль играет лингвистическая экспертиза для разрешения споров по вопросам защиты авторского права в сети Интернет.

Юрислингвистику, одной из базовых категорий которой является авторское право, можно определить, как научную дисциплину, объектом изучения которой являются взаимоотношения языка и права. Термин «юрислингвистика» по отношению к названной предметной области – пересечению языка и права – является наиболее общим и широким, в конкретных аспектах употребляется

наряду с такими терминами, как «судебное речеведение», «лингвокриминалистика», «лингвистическая экспертиза» [12].

Речевое воровство, тесно связанное с нарушением авторского права, ассоциируется прежде всего с плагиатом, за которым стоит сложнейшая лингвистическая проблема – тождество текстов, его степень. Она осложняется, если обвинение направлено на переводные тексты. Многие проблемы для лингвистики в этом аспекте составляет также право на имя.

Сегодня отмечается рост числа гражданских дел в судах общей юрисдикции и в арбитражных судах, связанных с защитой авторских прав, патентных прав, прав на товарные знаки.

Если по делам, связанным с защитой чести, достоинства и деловой репутации, уже сложилась устойчивая практика проведения лингвистических экспертиз спорных текстов СМИ, отработаны экспертные методики¹, то в отношении объектов интеллектуальной собственности соответствующие направления экспертно-лингвистической деятельности еще только формируются, экспертная и судебная практика еще нарабатывается [4].

Какие же объекты направляются на лингвистическое исследование и установлению каких фактов по делам о защите объектов интеллектуальной собственности могут способствовать эксперты-лингвисты?

Во-первых, следует подчеркнуть, что это текстовые объекты, которые могут быть зафиксированы на любом носителе и в любой форме (письменно-графической, устной, электронной). Во-вторых, это те объекты, которые обладают (или могут обладать) признаками охраноспособности в соответствии с действующим законодательством (правом интеллектуальной собственности в Российской Федерации).

На разрешение лингвистической экспертизы ставятся следующие вопросы. Оригинален ли словесный компонент, словосочетание, элемент произведения (название, имя персонажа и т.д.)? Аутентичен ли перевод оригиналу? Так, например, по запросу генерального директора закрытого акционерного общества «Издательский дом "Комсомольская правда"» представлено лингвистическое исследование словосочетания «Лица года». Перед специалистами поставлены следующие вопросы. Какие слова и словосочетания в русском языке относятся к индивидуальным, уникальным словам? Насколько распространено в современном публицистическом жанре и разговорном дискурсе масс-медиа данное словосочетание?

В результате установлено, что в современном русском языке к индивидуальным, уникальным словам относятся окказионализмы и неологизмы. Словосочетание «Лица года» индивидуальным, уникальным, то есть оригинальным, неповторяющимся, не является. Словосочетание «Лица года» творческую самобытность какого-либо автора не отражает. Признаки индивидуального авторского стиля в нем не содержатся. В современном публицистическом жанре и разговорном дискурсе масс-медиа такое словосочетание широко распространено для наименования различных конкурсов и номинаций². Поскольку словосочетание «Лица года» не является уникальным, оригинальным и неповтори-

¹ См., например: Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы. Для судей, следователей, дознавателей, прокуроров, экспертов, адвокатов и юристов / под ред. М. В. Горбаневского. М. : Медия, 2004; Спорные тексты СМИ и судебные иски / под ред. М. В. Горбаневского. М. : Престиж, 2005.

² Исследование проводили действительные члены ГЛЭДИС: М.В. Горбаневский, Е.И. Галяшина, Ю.А. Сафонова, Ю.А. Бельчиков.

мым и, следовательно, не обладает охраноспособностью с точки зрения авторского права, судебной перспективы подачи иска не имелось [5].

В заключение необходимо отметить, что юрислингвистика – относительно молодой раздел лингвистической науки, который в настоящий момент переживает период активного развития, но в последнее время большинство исследований языка права постепенно сменили акценты – на первый план уже выходят не просто формальные исследования специального языка с точки зрения его терминологического состава или синтаксической структуры, а языковые исследования сменяются междисциплинарными исследованиями.

Проблемы, которыми занимается юрислингвистика, многогранны и непросты. Одни из них требуют одновременно юридической и лингвистической компетенции, для решения других необходимы глубокое теоретическое осмысление и практическая разработка.

Список литературы

1. Ахренова Н. А. Интернет-дискурс как глобальное межкультурное явление и его языковое оформление : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Н. А. Ахренова. – М., 2009.
2. Байбичев А. Ф. Интернет-дискурс, как особая разновидность дискурса / А. Ф. Байбичев // Электронный сборник статей по материалам XXV студенческой международной заочной научно-практической конференции. – М. : МЦНО, 2015. – № 6 (24).
3. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М. : Прогресс, 1974.
4. Галяшина Е. И. Возможности судебных речеведческих экспертиз по делам о защите прав интеллектуальной собственности / Е. И. Галяшина // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2005. – № 9.
5. Галяшина Е. И. Роль лингвистической экспертизы при защите интеллектуальной собственности / Е. И. Галяшина, М. В. Горбаневский // ЭЖ-Юрист. – 2005. – № 46.
6. Кубрякова Е. С. Виды пространств текста и дискурса / Е. С. Кубрякова, О. В. Александрова // Категоризация мира: пространство и время : мат-лы науч. конф. – М. : Диалог-МГУ, 1997.
7. Фуко М. Порядок дискурса // Фуко М. Воля к знанию: по ту сторону власти, знания и сексуальности. Работы разных лет / сост., пер. с фр., коммент. и посл. С. Табачниковой ; под общ. ред. А Пузыряя. – М. : Касталь, 1996б. – С. 47–96.
8. Чернявская В. Е. Текст как интердискурсивное событие / В. Е. Чернявская // Текст – Дискурс – Стилль : сб. науч. ст. – СПб : СПбГУЭФ, 2004.
9. Harris Z. *Methods in Structural Linguistics* / Z. Harris. – Baltimore : The Johns Hopkins University Press, 1953.
10. Harris Z. *Discourseanalysis* / Z. Harris // *Language*. – 1952. – Vol. 28, № 1. – P. 1–30.
11. Van Dijk T. *Ideology: A Multidisciplinary Approach* / T. Van Dijk. – London : SAGE Publ., 1998.
12. URL: <http://www.ling-expert.ru/library/slovar/linglaw.html>.

References

1. Akhrenova N. A. *Internet-diskurs kak globalnoe mezhkulturnoe yavlenie i ego yazykovoe oformlenie* : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk / N. A. Akhrenova. – M., 2009.
2. Baybichev A. F. *Internet-diskurs, kak osobaya raznovidnost diskursa* / A. F. Baybichev // *Elektronnyy sbornik statey po materialam XXV studencheskoy mezhdunarodnoy zaochnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. – M. : MTsNO, 2015. – № 6 (24).
3. Benvenist E. *Obshchaya lingvistika* / E. Benvenist. – M. : Progress, 1974.

4. Galyashina Ye. I. Vozmozhnosti sudebnykh rechevedcheskikh ekspertiz po delam o zashchite prav intellektualnoy sobstvennosti / Ye. I. Galyashina // *Intellektualnaya sobstvennost. Avtorskoe pravo i smezhnye prava.* – 2005. – № 9.
5. Galyashina Ye. I. Rol lingvisticheskoy ekspertizy pri zashchite intellektualnoy sobstvennosti / Ye. I. Galyashina, M. V. Gorbanevskiy // *EZh-Yurist.* – 2005. – № 46.
6. Kubryakova Ye. S. Vidy prostranstv teksta i diskursa / Ye. S. Kubryakova, O. V. Aleksandrova // *Kategorizatsiya mira: prostranstvo i vremya : mat-ly nauch. konf.* – M. : Dialog-MGU, 1997.
7. Fuko M. Poryadok diskursa // Fuko M. Volya k znaniyu: po tu storonu vlasti, znaniya i seksualnosti. Raboty raznykh let / sost., per. s fr., komment. i posl. S. Tabachnikovoy ; pod obshch. red. A Puzyreya. – M. : Kastal, 1996b. – S. 47–96.
8. Chernyavskaya V. Ye. Tekst kak interdiskursivnoe sobytie / V. Ye. Chernyavskaya // *Tekst – Diskurs – Stil : sb. nauch. st.* – SPb : SPbGUEF, 2004.
9. Harris Z. *Methods in Structural Linguistics* / Z. Harris. – Baltimore : The Johns Hopkins University Press, 1953.
10. Harris Z. *Discourseanalysis* / Z. Harris // *Language.* – 1952. – Vol. 28, № 1. – P. 1–30.
11. Van Dijk T. *Ideology: A Multidisciplinary Approach* / T. Van Dijk. – London : SAGE Publ., 1998.
12. URL: <http://www.ling-expert.ru/library/slovar/linglaw.html>.

СИМВОЛИКА ЦВЕТА В РАССКАЗАХ ТАТЬЯНЫ ТОЛСТОЙ

Конькова Ирина Алексеевна, учитель высшей категории
СОШ №32 с углублённым изучением предметов физико-математического
профиля

Российская Федерация, 414040, г. Астрахань, ул. Марфинская, 21 / Академика Королёва, 42

E-mail: konkova_irina@inbox.ru

Романовская Ольга Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент
Астраханский государственный университет

Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а

E-mail: volga75sky@mail.ru

Примером сложного, насыщенного многими подтекстами восприятия цвета являются произведения Т. Толстой. Цель данной статьи – исследование на конкретном материале цветовой символики, характерной для раннего творчества писательницы. В работе делается вывод о том, что автор использует традиционную фольклорную символику красного, желтого, черного цветов, индивидуализируя ее новыми нюансами смыслов. Своего рода инвариантом поэтической картины мира в рассказах становится антитеза однотонных холодных оттенков и широкой палитры теплых цветов.

Ключевые слова: цвет, символ, палитра, краска, Т. Толстая.

An example of a complex, saturated with many subtexts of color perception are the works of T. Tolstoy. The purpose of this article is to research on a specific material the color symbolism that is characteristic of the writer's early work. The work concludes that the author uses traditional folklore symbols of red, yellow, black colors, individualizing it with new nuances of meanings. A kind of invariant poetic picture of the world in the stories becomes the antithesis of monochromatic cold shades and a wide palette of warm colors.

Key words: color, symbol, palette, paint, T. Tolstaya.

«Цвет как феномен культуры представляет собой весьма сложное явление с точки зрения его символического смысла» [1, 218]. Цветовая символика сохранила значение смыслового кода для многих современных авторов, осо-

бенно для тех, кто тесно связан с модернистской литературой первой трети XX в., а также с мифологическими и фольклорными традициями. Среди них Т. Толстая.

В монографии «Взрывоопасный мир Т. Толстой» Е. Гоцило отмечает, что художественный мир писательницы пронизан мифологическими мотивами, основным из которых является библейский мотив изгнания из рая. Именно этот мотив становится сюжетообразующим для рассказа «Свидание с птицей». Начало рассказа моделирует картину мира, увиденную ребенком, мальчиком Петей. В ее описании доминируют яркие, праздничные цвета, мир наполнен светом: «Из двери пахнет теплом, светом, домашним вечером... Мир и покой в кругу света на белой скатерти...рубиновые огни бродят в варенье». С интересом и симпатией наблюдает автор за Петей, перед глазами которого, словно в волшебном калейдоскопе, предстаёт мир «с изумрудными чешуйчатыми крышами,.. с дверными проёмами, прикрытыми струящимися занавесами из павлиньих перьев». Ребёнок – герой особый, воспринимающий мир как загадочную сказку. Краски детства – это самый красивый хвост самой красивой в мире птицы. Хвост павлина окрашен в яркие цвета: он переливается всеми оттенками синего, зелёного и золотого. Далее светло-коричневый, оранжевый, буровато-красный, а в центре – голубой круг с тёмно-синим «зрачком». Образ павлина вызывает ассоциации со сказочной жар-птицей, которая в славянской мифологии является одной из берегинь, воплощением солнца, небесного огня-пламени. Жар-птица служит добру. Излучает волшебный свет, который помогает людям в их земных делах, обладает чудодейственными свойствами. Разноцветная палитра ее оперенья символизирует, прежде всего, молодость, красоту и бессмертие. Не случайно в этом рассказе упоминание об умирающем дедушке, которого надеется с помощью волшебства спасти мальчик.

Мир Пети – это не только занавесы из павлиньих перьев, это ещё и аккуратно разложенный в блюдечках «веер сыра». Жёлтый цвет – цвет солнца. Это цвет животворной энергии, цвет, расширяющий пространственные границы окружающей среды, определяемой миропорядком человека.

Но вот в картину мира ребенка безжалостно врывается мир взрослых, дяди Бори с чёрной бородой и с папиросой в белых зубах. Черный цвет в русском фольклоре приобретает значение враждебного, это символ грязи, зла, лжи, смерти.

В «чёрном блестящем халате с широченными рукавами и чёрными спутанными волосами» предстаёт перед читателем загадочная Тамила. Цветовая символика – смыслообразующий элемент образа героини. В ее описание доминируют два цвета: черный и красный. «...носит Тамила черный блестящий халат с широченными рукавами, и на спине – красный злобный дракон. А черные спутанные волосы висят у нее прямо до ручки кресла... Она раскачивалась на черном кресле-качалке, в ярко-черном халате, нога на ногу, наливала себе из черной бутылки, и веки у нее были черные и тяжелые, а рот красный». В фольклорной традиции красный цвет – символ солнца, огня, энергии жизни. Он защищает от всего дурного. Сочетание красного и черного усложняет образ героини, подчеркивает ее энигматичность. В детском восприятии она долгое время остается заколдованной красавицей, героиней сказки.

Приобщение подростка к миру взрослый оборачивается двойной травмой: сначала смерть дедушки, а затем – разочарование в сказке: «В комнате завопились, Петя распахнул дверь. На кровати в полутьме силуэты двоих: Тамилины черные спутанные волосы разбросаны по подушке, черных халат на

табуретке; повернулась и замычала. Дядя Боря вскочил в постели...». Обратим внимание, красный цвет исчезает. Присутствие рядом с Тамиллой пошлого дяди Бори стирает сказочность, оставляя серость полумрака.

Значение серого актуализируется в финале рассказа, когда Петя понимает, что не в силах победить смерть: «Мертвое озеро, мертвый лес; птицы свалились с деревьев и лежат кверху лапами; мертвый, пустой мир пропитан серой, глухой, сочащейся тоской». Отметим, что автор в этом фрагменте отказывается от цветовой экспрессии. Мир, словно линяет, лишается красок, а значит и полярных смыслов, категорий добра и зла, которые обязательны для сказки.

Потеря веры в сказку обозначает изгнание из рая. Разноцветный и сияющий мир превращен в мертвый и серый.

Пестрые и яркие цвета противопоставлены монохромному серого. Традиционное в фольклоре значение цветописи дополняется авторским: серое символизирует нравственное и душевное омертвление, проникновение в мир пошлости, жестокости, внутренней черствости.

В следующем рассказе сборника «Река Оккервиль» мир, наполненный красками, противопоставлен серым будням и обывательщине. Антитеза содержится в заглавии рассказа – «Огонь и пыль», она же является смыслообразующим принципом при создании образной системы. Две героини – Римма и Пипка – противоположности. Первая полна рассудочности, мечтает о расширении жилплощади, о бытовом благополучии. Вторая – живет фантастическими рассказами, за что получает прозвище «тысяча и одна ночь».

Каждую из героинь сопровождает определенная цветовая аура. Пастельно-однообразная – Римму, ярко-контрастная – Пипку.

В мечтах Риммы о лучшей, более благоустроенной жизни превалируют белый и голубой цвета (белая одежда, белый пеньюар, белые паруса, белое миловидное лицо, белые сборчатые шторы, белая кровать, утреннее голубое небо, голубой туман, голубые обойчики). Образ бело-голубого мира навеян стандартными представлениями о «красивой жизни», центром которой является «белый бассейн с прозрачно-голубой водой». В предчувствиях героини появляется зелёный цвет: «но, конечно, не кафель, не хорошо развитые дети сияли из просторов будущего цветным радужным огнем, искристой аркой бешеного восторга...; нет что-то совсем другое, важное, тревожное и великое шумело и сверкало впереди, будто Риммин челн, плывущий темной протокой сквозь зацветающие камыши, вот-вот должно было вынести в зеленый, счастливый, бушующий океан». Казалось бы, цвет возрождения, райского сада должен контрастировать с зыбкими тонами мечтаний героини, с их недостижимостью, однако и зелёный входит в палитру холодных цветов. Холодных, как и душамолодой и амбициозной героини. Миф Риммы о красивой жизни обращается в пыль: «Все как-то подернулось пылью».

Эта деформация позволяет писательнице выявить абсурдность жизни. Разрушенные иллюзии ассоциируются с тусклой гаммой цветов: «Смутные пошли дни... а за окном то валила ватная метель, то проглядывало сквозь летние облака пресное городское солнце... А дома – старая, запселяя коммуналка... и весь вязкий поток будущих, еще непрожитых, но известных наперед лет». Эпитеты «ватная», «пресное», «вязкий», «запселяя» не цветковые, и в тоже время к ним легко подобрать цветковые синонимы: ватная – мутная, пресное – неяркое, вязкий – тусклый, запселяя – грязная, пыльная.

Антипод Риммы – Пипка – названа «пылающей черным огнем бродяжкой». В отличие от главной героини у нее нет ни мужа, ни детей, ни даже комна-

ты в коммуналке: посватавшегося к ней старичка Ашкенази отговаривает жениться Римма. Зато Пипка – неистощимый фантазер. Подобно Филину (рассказ «Факир») и другим героям Т. Толстой, она реконструирует собственные миры из мифов современной культуры и счастлива гораздо больше, чем Римма. Исчезновение Пипки так же фантастично и недостоверно, как и ее рассказы: «Одни точно знали, что она вышла замуж за слепого сказителя и укатила в Австралию..., а другие клялись и уверяли, что она разбилась и сгорела в такси на Ярославском шоссе, в дождливую скользкую ночь, и что пламя было видно издалека, и стояло столбом до неба».

С Пипкой связан цвет пламени – яркий, красно-желтый цвет жизненной энергии, тепла, всего того, чего недостает Римме. Символический смысл актуализируется и в настоящем имени героини – Светлана. Несуразная, неустроенная, нескладная («разве она была человеком?») Светлана-Пипка делится с миром своим теплом. Не случайно именно к ней тянутся мужчины: «многим нравилась, и часто к концу вечера одного из мужчин не досчитывались: Пипка под шумок увозила его – всегда на такси – к себе в Перловку»; именно она вносит нечто романтическое и необыкновенное в серость будней.

Яркий цвет пламени сочетается в образе Пипки с черным цветом: «безумным провалом горели черные глаза», «ужасный черный рот, где пеньки зубов наводили на мысль о черном пожарище», после ее гибели на шоссе остаются «одни угольки». Черный цвет здесь является результатом внутреннего сгорания героини. Светлана, «вся огонь и пламя», отдает себя без остатка другим.

Цветовая символика представляется одним из самых сложных, с точки зрения анализа, явлений в культуре любого народа. Оно нашло свое отражение как в народных преданиях, мифах, так и в литературных текстах. Со временем цветопись приобретает глубокий многоплановый смысл, а в творчестве ряда писателей начинает играть особую, доминирующую роль. К ним с уверенностью можно отнести и Т. Толстую. Распространенность цветовой образности в ее произведениях представляет собой особый смысловой код.

Рассматривая символику цвета, можно отметить, что, с одной стороны, она отсылает к традициям фольклора и воспроизводит традиционное для него содержание, а с другой – становится более индивидуализированной, насыщенной индивидуально-авторскими значениями.

Своего рода инвариантом поэтической картины мира в рассказах становится антитеза однотонных холодных оттенков и широкой палитры теплых цветов. Особой выразительностью наполнены красный и желтый цвета, символика которых связана с фольклорным образом Жар-птицы, а через него с представлениями о чуде, дарящем и продлевающим жизнь. Мир, наполненный красками, противопоставлен серым будням, обедненному мифу современного человека, душевной черствости и холодности, смерти. Они символически представлены серым, бело-голубым, черным цветами.

Список литературы

1. Васильева И. В. Цветовая традиция в русской литературе первой трети 20 века / И. В. Васильева // Феномен творческой личности в культуре: Фатющенко-ские чтения : мат-лы VII Междунар. науч. конф. – М., 2017. – С. 218–223.
2. Гоцило Е. Взрывоопасный мир Татьяны Толстой / Е. Гоцило. – Екатеринбург, 2000.
3. Мурзина М. В. Цветовая символика в славянской мифологии, былинах и сказках / М. В. Мурзина // Научные исследования: теория, методика и практика : сб. мат-лов II Междунар. науч.-практич. конф. – Чебоксары, 2017. – С. 286–287.

4. Нестеров Д. И. Цветовая концепция стиля модерн / Д. И. Нестеров // Наука ЮУрГУ : мат-лы 68-й науч. конф. – Челябинск: 2016. – С. 155–164.
5. Толстая Т. Река Оккервиль / Т. Толстая. – М., 2004. – 464 с.

References

1. Vasileva I. V. Tsvetovaya traditsiya v russkoy literature pervoy trety 20 veka / I. V. Vasileva // Fenomen tvorcheskoy lichnosti v kulture: Fatyushchenkovskie chteniya : mat-ly VII Mezhdunar. nauch. konf. – M., 2017. – S. 218–223.
2. Goshchilo Ye. Vzryvoopasnyy mir Tatyany Tolstoy / Ye. Goshchilo. – Yekaterinburg, 2000.
3. Murzina M. V. Tsvetovaya simbolika v slavyanskoj mifologii, bylinakh i skazkakh / M. V. Murzina // Nauchnye issledovaniya: teoriya, metodika i praktika : sb. mat-lov II Mezhdunar. nauch.-praktich. konf. – Cheboksary, 2017. – S. 286–287.
4. Nesterov D. I. Tsvetovaya kontseptsiya stilya modern / D. I. Nesterov // Nauka YuUrGU : mat-ly 68-y nauch. konf. – Chelyabinsk: 2016. – S. 155–164.
5. Tolstaya T. Reka Okkervil / T. Tolstaya. – M., 2004. – 464 s.

СОБЫТИЙНОЕ ВРЕМЯ В РОМАНЕ Ю. ДОМБРОВСКОГО «ФАКУЛЬТЕТ НЕНУЖНЫХ ВЕЩЕЙ»

Кубеев Арман Рафидинович, директор
Караулинская основная образовательная школа
Российская Федерация, 416324, Астраханская область, Камызякский р-н,
с. Караульное, ул. Молодежная, 33
E-mail: arman.kubeev@mail.ru

В статье рассматривается иерархически организованная система временных отношений в романе Ю. Домбровского «Факультет ненужных вещей». Концепция субъективного времени, представленная в тексте, основана на противостоянии культуры и власти, олицетворением которых становятся личность и государство. Конкретно-историческое и биографическое время в романе переплетаются с мифологическим, обращение к историческим и библейским аллюзиям, интертекстуальным реминисценциям и параллелям разрушает монолитность темпоральной парадигмы, позволяют рассматривать временную ткань произведения как целостное историческое полотно.

Ключевые слова: художественное время, идеологический роман, хронотоп, сдвиг временной парадигмы, Ю. Домбровский.

The article dwells on the hierarchical system of historical relations in Yu. Dombrovsky's novel "The Faculty of Useless Knowledge". The concept of subjective time presented in the text is based on a conflict between the culture and power that are embodied as the person and the state respectively. In the novel, real historical and biographical time are intertwined with mythological time; addressing historical and Biblical allusions, intertextual reminiscences and parallels destroys monolithic character of the temporal paradigm, allows to consider a temporal basis of the novel as a complete historical representation.

Key words: artistic time, ideological novel, chronotope, temporal paradigm shift, Yu. Dombrovsky.

Художественная картина мира романа Ю. Домбровского «Факультет ненужных вещей» воплощается во всех семиотических системах, раскрывая свой смысловой потенциал прежде всего в организации хронотопа. Конкретно-историческое, биографическое, событийное и мифологическое время находятся в тесной взаимосвязи. Наложение двух временных пластов и онейрического пространства позволяют рассматривать происходящее в контексте эк-

зистенциальной проблематики. Чередование протяженных во времени двух исторических пластов, философское переосмысление прошлого с позиций настоящего, соединение установки на объективность изображения и субъективного (воспоминания сны, фантазии, бред) типа повествования определяют конститутивные особенности романа «Факультет ненужных вещей», в котором черты историко-биографического романа, преобладающие в первой и второй частях произведения, сочетаются с жанровыми признаками идеологического.

Наличие в тексте второго временного плана – плана воспоминаний Зыбина о пребывании в «морском городе» (1935 г.), вводит в повествование образ субъективного биографического времени, которое течет достаточно медленно, но в то же время наполнено событиями внутренней жизни персонажа. Событийное (концептуальное) время героя романа, соотносимое с ситуативными и по большей части замкнутыми пространственными образами (тюрьма), спроецировано на хронологическую ось в системе пространственно-временных координат, благодаря которой историческое время совпадает с индивидуальным течением времени героя.

Стремление автора различать за описываемым событием второй важный смысл получает художественную мотивировку в ситуации, когда герой оказывается в пограничной ситуации в заключении – между жизнью и смертью: «Он посмотрел на глыбу: с одной стороны она была обтесана, ее, видно, тащили сюда, но почему-то не дотащили до стен кладбища и бросили. Почему? Может, революция подошла, и живым стало уже не до мертвых?» [1, с. 329]. Мысли героя автор воссоздает в форме несобственно-прямой речи. Смысл, содержательная сторона внутренней речи принадлежит герою, а лексико-грамматические особенности текста определяются автором.

Прием ретардации организует пространственно-временные отношения в произведении: изображение археологических раскопок влечет за собой замедление сюжетной динамики, локализованность действия в первые дни пребывания Зыбина в тюрьме обуславливают замкнутую структуру пространства и циклическое движение времени. Контекст, связанный с жизнью заключенных, задается предикативной конструкцией, акцентирующей повторяемость события, для описания порядков, сложившихся в тюрьме, Ю. Домбровский выбирает аналогичную форму, выступающую в функции вводного слова, *как было принято здесь говорить*. Таким образом, сама типология художественного хронотопа в романе обладает кольцеобразной траекторией.

Темпоральный поток в пространстве прошлого генетически близок условному времени фольклора, для него характерны неопределенность («...какая же сейчас ночь? Вечер!» [1, с. 154]), замкнутость и цикличность: «Из всех самых дорогих воспоминаний самое-самое дорогое было вот это. Он берег его, как сокровище, и все снова и снова возвращался к нему, поворачивал так и этак, разглядывал все до мельчайших подробностей и прибавлял еще новые, каких не было» [1, с. 387]. Идиллический хронотоп, созданный автором в многочисленных ретроспекциях, наделен аксиологическими характеристиками и ассоциируется у героя и повествователя с ощущениями комфорта и гармонии. Особой временной парадигмой характеризуется онейрическое пространство. Перемещение героя между границами реального и ирреального (сна, фантазии, бреда, воспоминаний) происходит мгновенно, этот эффект создан с помощью монтажной композиции, дискретность которой обозначен графически пунктуационным знаком многоточия: каждый темпорально-локальный фрагмент отделен от предыдущего.

Оба временных плана со- противопоставлены друг другу: «Засмеялся и он. И вдруг схватил ее и стал целовать <...> Поддался какой-то тормоз, прорвалась какая-то пауза, и он опять был самим собой. Засмеялся он и сейчас, грязный и небритый, лежа на влажном цементном полу под ослепительно белым светом лампы» [1, с. 298], такое сопряжение временных координат отражает авторскую концепцию времени, согласно которой оно предстает раздвоенным и амбивалентным: внутреннее частное время героя свободно и гармонично, внешнее историческое время несвободно и дисгармонично. Образы времени в произведениях всегда оценочны и относительны: «Ведь тогда время очень смутное, страшное было»; «Не очень это время подходило для лунных джазов и кавалеров Мот», «Времена меняются», «Смеяться сейчас не над чем! Время серьезное!» [1, с. 129, 392, 293].

В романе «Факультет ненужных вещей» находят отражение универсальные представления о ходе времени: линейного, связанного с любовной и «детективной» сюжетными линиями, которое диалектически взаимодействует с историческим (от прошлого к настоящему, от настоящего к будущему), характеризующимся дискретностью, мотивированной непреднамеренностью субъективных воспоминаний Зыбина. Актуализируется и «тип авантюрного времени», которое не имеет возрастной длительности, определяющий «зияние» между двумя моментами биографического отрезка, что формирует сюжетную ситуацию и является темпоральной характеристикой героя.

Объемный географический образ Алма-Аты наделяется в романе признаками реальной топографии, с ним связаны представления о календарном (объективном) времени, которые находят выражение в лексико-семантической группе, обозначающую его счет, (*минута, неделя, два месяца, сутки, век, три года, довоенный, поздно, утром*) и номинациях, именующих народные праздники. Вместе с тем фабульный характер пространственного образа (указание на место действия романа) соотносится с событийным временем действующих лиц, которое реализуется в функционально-смысловом классе слов и словосочетаний с темпоральным значением, актуализирующих разные свойства сюжетного времени: его длительность (*долгое время, всю свою жизнь, сотни раз* и пр.); его диалектику, движение от прошлого к настоящему и будущему (*тогда, теперь, завтра, дальше*); временную фиксированность и исключительность (*в тот день, «эти самые годы* особенно пышно расцветали парки культуры, особенно часто запускались фейерверки, особенно много строилось каруселей, аттракционов и танцплощадок. *И никогда* в стране столько не танцевали и не пели, *как в те годы*. *И никогда* витрины не были *так* прекрасны, цены так тверды, а заработки так легки» [1, с. 158]); повторяемость («в это время в Алма-Ате всегда дождит», «они остановились перед той же знакомой дверью, что и вчера» [1, с. 5]). Циклическое время Ю. Домбровский использует как один из приемов типизации для создания целостного и всестороннего образа эпохи: употребление глаголов несовершенного вида (наряду с преобладающими совершенного) в грамматической форме прошедшего времени обладают значением длительности действия, его обобщенности и репризности: «Они восседали на строгих креслах, обшитых черным пухлым дерматином. Перед ними было бюро и столик, заставленный телефонами»; «Они носили сумочки невероятных фасонов, в этих сумочках лежали пудреницы величиной с плюшку»; «...отвечали Эрнсты Генриховичи или же Михаилы Потаповичи. И отодвигали локтем сумочки» [1, с. 182, 184]. Контекст, связанный с жизнью арестантов, обусловлен предикативной конструкцией, акцентирующей повто-

ряемость события, для описания порядков, сложившихся в тюрьме, Ю. Домбровский использует наречия с соответствующей семантикой (*снова, опять*) предикативных конструкций, выступающую в функции вводного слова (*как было принято говорить*): «Затем Зыбина снова отвели в кабинет Хрипушина, и опять началась та же детская игра» [1, с. 154].

В романе прослеживается и синтаксическое, и текстовое, и художественное время, что позволяет выявить следующие способы вербализации разных типов времени в романе «Факультет ненужных вещей». Время синтаксическое – один из семантических компонентов предикативности (наряду с модальностью и персональностью), заключающийся в соотношении времени действия, выраженного в предложении, к моменту речи говорящего. Оно может быть отнесенным, и семантика его определяется в этом случае временным планом другого действия: «Зек отвечал: // – О чем же? // – О подлой антисоветской деятельности, – говорит следователь» [1, с. 372], – форма настоящего времени здесь имеет значение прошедшего актуализированного, разыгранного (по соотношению с глаголом *отвечал*). «В своем кругу на профсоюзном собрании он, наверно, был заводилой. Сейчас он заливался, как скрипка» [1; с. 208], – форма прошедшего времени имеет значение настоящего (это подчеркивает и временной конкретизатор *сейчас*). Синтаксическое время, его семантика органически связаны с характером речевых актов; настоящее актуальное соответствует репродуктивному регистру («Так продолжается еще с час. А потом оба окончательно устают и умолкают. Потом Хрипушин звонит разводящему. Но бывали, впрочем, и неожиданности» [1, с. 253]), настоящее постоянное – генеративному («И черт знает, что за дубина растет» [1, с. 21]), прошедшее время – информативному («Солнце заходило. Художник спешил» [1, с. 132]). Время может замедляться, «ползти», так, как это было в первые дни пребывания Георгия Николаевича в заключении: «И снова потянулся длинный, мучительный, жаркий, бессмысленный день. Они сидели друг против друга, вяло переругиваясь, мельком переговариваясь, и иногда на пятнадцать-двадцать минут теряли друг друга из вида – один засыпал, а другой делал вид, что пишет или читает» [1, с. 392], может, напротив, сжиматься: «...В ту же ночь, но, наверно, уже под самое утро» [1, с. 169].

Для характеристики персонажей в романе «Факультет ненужных вещей» значимую роль играет перцептивное или эмотивное время, выражающее позицию автора в хронотопических измерениях в ее соотношении с реальным временем. Проспекция – форма временного дисконтинуума, которая останавливает линейное развертывание романного сюжета (*далее будет гораздо лучше, забегаю вперед* и т.д.), используется Ю. Домбровским как средство создания альтернативной реальности, онейрического пространства мечты героев о будущем. На эмотивном хронотопе, обуславливающем сдвиги в восприятии героем объективного хода событий, основано моделирование пространственно-временного континуума воспоминаний и снов Зыбина.

Пространственно-временная организация романа «Факультет ненужных вещей» характеризуется такими свойствами, как многомерность, амбивалентность и гетерогенность: с одной стороны, замкнутость и отграниченность пространства обуславливает функционирование в циклическом времени, с другой – топографические образы конкретно-историчны по своим темпоральным характеристиками, наконец, идиллический хронотоп воспоминаний и снов отличается условностью и универсальностью.

Сложное взаимопроникновение исторических пластов создает особенности романного времени. Оно не делится на настоящее, прошлое и будущее. Здесь лишь две временные категории: временное и вечное. Место здесь также перестает быть понятием географическим и становится морально-этическим. Вся территория «обитания» человека делится на «свободу» и «несвободу». Нахождение в условиях несвободы не определяет состояние внутренней свободы, которое зависит от качеств самого человека.

Список литературы

1. Домбровский Ю. О. Факультет ненужных вещей / Ю. О. Домбровский. – М., 1989.

References

1. Dombrovskiy Yu. O. Fakultet nenuzhnykh veshchey / Yu. O. Dombrovskiy. – M., 1989.

ЗАИМСТВОВАННАЯ ЛЕКСИКА В СОВРЕМЕННЫХ ОНЛАЙНОВЫХ СМИ

Леушин Владислав Юрьевич, магистрант
Астраханский государственный университет
Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: vanleushin@outlook.com

В настоящее время Интернет-СМИ являются широко востребованными у читательской аудитории. Развитие Интернет-технологий и расширение возможностей социальных сетей способствовало активному использованию заимствованных слов в публикациях средств массовой информации. Вследствие повышения роли Интернет-изданий в информационной среде журналисты стремятся к новаторству и тем самым меняют традиционные представления о построении материалов. Разнообразие использования заимствований в публикациях обусловлено коммерциализацией изданий, увеличением тиражирования самих выпусков газет и журналов, а также привлечением читательской аудитории.

Ключевые слова: средства массовой информации, заимствованная лексика, онлайн-медиа.

At nowadays mass-media are widely demand among the readership. The active use of borrowed words was promoted by the development of Internet technologies and the expansion of the possibilities of social networks. Due to the increasing role of Internet publications in the information environment, journalists began to strive for innovation, and thus began to change traditional ideas to the construction of materials and headlines in publications. The variety of using borrowed words in publications is due to the goal of commercialization and increasing role of circulation of newspapers and magazines issues, or due to attract more readers.

Key words: mass-media, borrowed words, online media.

Современные масс-медиа характеризуются активным использованием иноязычных лексических единиц вследствие интенсификации процесса заимствования, благодаря которому, по мнению Л.Ю. Касьяновой, «происходит заполнение актуального номинативного пространства и его расширение» [6, с. 81]. Заимствованные слова представляют собой довольно разветвленную

структуру и в соответствии с классификацией Л.П. Крысина представлены следующими типами:

1. Слова, измененные графически и переданные соответствующими фонемными средствами заимствующего языка без каких-либо структурных «добавлений».

2. Слова, морфологически оформленные средствами заимствующего языка.

3. Слова с частичной морфологической субституцией [8, с. 27].

Появление всех разновидностей заимствованных слов «в языке на определённом этапе его развития вызвано необходимостью в именовании новых реалий или обозначении новых понятий, а также потребностью в новых выразительных средствах» [14, с. 201]. Заимствованные слова активно функционируют «в разных тематических сферах: экономической (маркетинг, менеджмент, скоринг), политической (истэблшмент, праймериз, экзитпул, электорат), информационных технологий (интерфейс, модем, хостинг), связи (пейджинг, роуминг, смартфон), культуры (мегашоу, мультиплекс, экшн), спорта (бодибилдинг, керлинг, скелетон) и др.» [5, с. 7].

Среди всех видов средств массовой информации массовое использование заимствований на сегодняшний день наблюдается в онлайн-масс-медиа, которые можно разделить на: интернет-версии газет («Московский комсомолец», «Комсомольская правда», «Аргументы и факты» и т.д.), интернет-порталы («БФМ.ру – деловой портал», информационный портал «LIFE», «Вести» и т.д.), новостные отделы телевизионных каналов («Новости Первого канала», «Новости Пятого канала», «Новости РЕН-ТВ» и т.д.), сайты информационных агентств («ИТАР-ТАСС», «Интерфакс» и т.д.) [9, с. 21]. Необходимо отметить и тот факт, что информация, размещенная на персональных страницах известных личностей и глав государств, также «является инфоповодом для публикаций в средствах массовой информации и будирует дальнейшую дискуссию и освещение в СМИ», сама же страница становится площадкой для коллективного обсуждения актуальной проблемы [4, с. 66]. В 2016 г. наиболее популярными по показателям посещаемости пользователей Интернета и по количеству просмотров публикаций оказались следующие информационные ресурсы: новостные сайты «РБК», «Газета.ру», «Лента.ру», издание «LIFE», «Фонтанка.ру» [12].

При анализе заимствованной лексики в онлайн-СМИ считаем целесообразным рассмотреть функционирование иноязычных единиц в экономической сфере, поскольку именно она определяет векторы современного развития. В частности, в последнее время самое активное внимание привлечено к криптовалюте, стоимость которой значительно превысила отметки доллара и евро. В связи с этим в средствах массовой информации стали преобладать публикации, затрагивающие названную тематику. Частотной единицей в СМИ стало заимствование *биткоин*: «*Растущий биткоин: шок, трепет и МММ*» [16], «*Биткоин пробил рекордную отметку в \$18 тыс.*» [1], «*Житель Новороссийска спалил квартиру при попытке добыть биткоины*», «*Как купить биткоины*» [17]. Слово *биткоин* является заимствованием из английского языка: «Биткойн (англ. Bitcoin, от bit – «бит» и coin – «монета») – пиринговая платёжная система, использующая одноимённую единицу для учёта операций и одноимённый протокол передачи данных» [7]. Согласно классификации Л.П. Крысина, данное заимствование изменено графически и передано соответствующими фонемными средствами заимствующего языка без каких-либо структурных «добавлений». Тенденция употребления данного термина в средствах массовой ин-

формации обусловлена популяризацией денежной единицы в сегменте мировой экономики, а также отсутствием лексического эквивалента в русском языке.

Наряду с названной заимствованной единицей в материалах онлайн-СМИ активно употребляется и термин *майнер*: «Сбербанк извинился за дефицит видеокарт в России. Раньше считалось, что их скупают **майнеры** криптовалют» [14], «**Майнер** из Владимирской области атаковал татарстанские серверы, пытаясь получить биткоины» [10]. Существительное *майнер* имеет суффикс *-er* со значением 'исполнитель действия, инструмент для исполнения действия' и часто служит для формирования слов, означающих профессию, род деятельности. Заимствование соотносится со словом *майнинг*, которое также является заимствованием из английского языка (от англ. mining – добыча полезных ископаемых) и означает 'деятельность по поддержанию распределенной платформы и созданию новых блоков с возможностью получить вознаграждение в форме новых единиц и комиссионных сборов в различных криптовалютах, в частности в Биткоин' [7]. В соответствии с классификацией заимствований Л.П. Крысина, рассматриваемое слово передано соответствующими фонемными средствами заимствующего языка без каких-либо структурных «добавлений». Широкое употребление ализируемого слова обусловлено популяризацией данного термина в экономической сфере и невозможностью замены слова соответствующим эквивалентом в русском языке.

Аналогичная причина отмечается также и в использовании другого заимствованного слова из этой же области – *блокчейн*: «Эксперт назвал сферы, в которых будет полезен **блокчейн**» [11], «**Блокчейн** позволит провести по-настоящему честные выборы в интернете. И не только это» [2]. Данное заимствование невозможно заменить каким-либо аналогом из русского языка. *Блокчейн* (англ. blockchain или block chain) – «это распределенная база данных, у которой устройства хранения данных не подключены к общему серверу. Эта база данных хранит постоянно растущий список упорядоченных записей, называемых блоками. Каждый блок содержит метку времени и ссылку на предыдущий блок» [13]. Замена данного заимствования русским эквивалентом невозможна, поскольку такого термина в русском языке не существует.

Таким образом, тенденция активного употребления в онлайн-СМИ ряда заимствованных единиц экономической направленности свидетельствует о приобретении ими в современных условиях номинативной и коммуникативной значимости.

Список литературы

1. Биткоин пробил рекордную отметку в \$18 тыс. // Информационный портал «РБК». – URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5a29f13f9a79474ceb132c31> (дата обращения: 01.12.17).
2. Дмитриев Д. Блокчейн позволит провести по-настоящему честные выборы в интернете. И не только это / Д. Дмитриев // Информационный портал «Meduza». – URL: <https://meduza.io/feature/2017/10/18/blokcheyn-pozvolit-provesti-po-nastoyaschemu-chestnye-vybory-v-internete-i-ne-tolko-ih> (дата обращения: 04.12.17).
3. Житель Новороссии спалил квартиру при попытке добыть биткоины // Информационный сайт «Известия». – URL: <https://iz.ru/677082/2017-11-29/zhitel-novorossiiska-spail-kvartiru-pri-popytke-dobyt-bitkoiny> (дата обращения: 03.12.17).
4. Кадырова Г. Х. Механизмы эффективного продвижения публикаций социальной направленности в социальных медиа / Г. Х. Кадырова // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2017. – № 2 (24). – С. 65–70.
5. Касьянова Л. Ю. Когнитивные факторы порождения нового слова / Л. Ю. Касьянова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2008. – № 2. – С. 75–82.

6. Касьянова Л. Ю. Неологизация как когнитивно-дискурсивный процесс / Л. Ю. Касьянова // Когнитивно-прагматические векторы современного языкознания : сб. науч. тр. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2011. – С. 76–82.
7. Кембриджский словарь английского языка. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/> (дата обращения: 02.12.17).
8. Крысин Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке / Л. П. Крысин. – М., 1978. – 443 с.
9. Лазуткина Е. В. Эффективные методы оптимизации веб-публикаций / Е. В. Лазуткина // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2015. – № 1 (15). – С. 19–24.
10. Майнер из Владимирской области атаковал татарстанские серверы, пытается получить биткоины // Деловая электронная газета Татарстана. – URL: <https://www.business-gazeta.ru/news/365835> (дата обращения: 04.12.17).
11. Мельник Г. Эксперт назвал сферы, в которых будет полезен блокчейн / Г. Мельник // Информационный портал «РИА Новости». – URL: <https://ria.ru/economy/20171209/1510568434.html> (дата обращения: 04.12.17).
12. Платформа Mediadigger. – URL: <http://www.mediadigger.ru/smi-rossii-v-2016-analiz-dannyh-za-25-let/> (дата обращения: 04.12.17).
13. Портал экономических новостей «Coinspot». – URL: <https://coinspot.io/beginners/chto-takoe-blokchejn-rasskazhem-prostyimi-slovami/> (дата обращения: 04.12.17).
14. Русский орфографический словарь / ИФУ. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. – М. : Азбуковник, 1999. – 870 с.
15. Сбербанк извинился за дефицит видеокарт в России. Раньше считалось, что их скупают майнеры криптовалют // Информационный портал «Meduza». – URL: <https://meduza.io/news/2017/11/11/sberbank-izvinilsya-za-defitsit-videokart-v-rossii-ransheschitalos-chto-ih-skupayut-maynery-kriptoalyut> (дата обращения: 04.12.17).
16. Фаляхов Р. Растущий биткоин: шок, трепет и MMM / Р. Фаляхов // Информационный портал «Газета.ру». – URL: <https://www.gazeta.ru/business/2017/12/08/11230028.shtml> (дата обращения: 04.12.17).
17. Хачатрян С. Как купить биткоины / С. Хачатрян // Информационный портал «Meduza». – URL: <https://meduza.io/cards/kak-kupit-bitkoiny> (дата обращения: 04.12.17).

References

1. Bitcoin probil rekordnuyu otmetku v \$18 tys. // Информационный портал «РБК». – URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5a29f13f9a79474ceb132c31> (дата обращения: 01.12.17).
2. Dmitriev D. Blokcheyn pozvolit provesti po-nastoyashchemu chestnye vybory v internete. I ne tolko eto / D. Dmitriev // Информационный портал «Meduza». – URL: <https://meduza.io/feature/2017/10/18/blokcheyn-pozvolit-provesti-po-nastoyashchemu-chestnye-vybory-v-internete-i-ne-tolko-ih> (дата обращения: 04.12.17).
3. Zhitel Novorossiyska spalil kvartiru pri popytke dobyt bitkoiny // Информационный сайт «Izvestiya». – URL: <https://iz.ru/677082/2017-11-29/zhitel-novorossiiska-spalil-kvartiru-pri-popytke-dobyit-bitkoiny> (дата обращения: 03.12.17).
4. Kadyrova G. Kh. Mekhanizmy effektivnogo prodvizheniya publikatsiy sotsialnoy napravlenosti v sotsialnykh media / G. Kh. Kadyrova // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2017. – № 2 (24). – С. 65–70.
5. Kasyanova L. Yu. Kognitivnye faktory porozhdeniya novogo slova / L. Yu. Kasyanova // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. – 2008. – № 2. – С. 75–82.
6. Kasyanova L. Yu. Neologizatsiya kak kognitivno-diskursivnyy protsess / L. Yu. Kasyanova // Когнитивно-прагматические векторы современного языкознания : сб. науч. тр. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2011. – С. 76–82.
7. Kembrizhskiy slovar angliyskogo yazyka. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/> (дата обращения: 02.12.17).

8. Krysin L. P. Inoyazychnye slova v sovremennom russkom yazyke / L. P. Krysin. – M., 1978. – 443 s.
9. Lazutkina Ye. V. Effektivnye metody optimizatsii veb-publikatsiy / Ye. V. Lazutkina // Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya. – 2015. – № 1 (15). – S. 19–24.
10. Mayner iz Vladimirskoy oblasti atakoval tatarstanskie servery, pyta-yas poluchit bitkoiny // Delovaya elektronnyaya gazeta Tatarstana. – URL: <https://www.business-gazeta.ru/news/365835> (data obrashcheniya: 04.12.17).
11. Melnik G. Ekspert nazval sfery, v kotorykh budet polezen blokcheyn / G. Melnik // Informatsionnyy portal «RIA Novosti». – URL: <https://ria.ru/economy/20171209/1510568434.html> (data obrashcheniya: 04.12.17).
12. Platforma Mediadigger. – URL: <http://www.mediadigger.ru/smi-rossii-v-2016-analiz-dannyh-za-25-let/> (data obrashcheniya: 04.12.17).
13. Portal ekonomicheskikh novostey «Coinspot». – URL: <https://coinspot.io/beginners/chto-takoe-blokcheyn-rasskazhem-prostyimi-slovami/> (data obrashcheniya: 04.12.17).
14. Russkiy orfograficheskiy slovar / HFY. In-t rus. yaz. im. V. V. Vinogradova. – M. : Azbukovnik, 1999. – 870 s.
15. Sberbank izvinilsya za defitsit videokart v Rossii. Ranshe schitalos, chto ikh skupayut maynery kriptovalyut // Informatsionnyy portal «Meduza». – URL: <https://meduza.io/news/2017/11/11/sberbank-izvinilsya-za-defitsit-videokart-v-rossii-ranshe-schitalos-chto-ih-skupayut-maynery-kriptovalyut> (data obrashcheniya: 04.12.17).
16. Falyakhov R. Rastushchiy bitkoin: shok, trepet i MMM / R. Falyakhov // Informatsionnyy portal «Gazeta.ru». – URL: <https://www.gazeta.ru/business/2017/12/08/11230028.shtml> (data obrashcheniya: 04.12.17).
17. Khachatryan S. Kak kupit bitkoiny / S. Khachatryan // Informatsionnyy portal «Meduza». – URL: <https://meduza.io/cards/kak-kupit-bitkoiny> (data obrashcheniya: 04.12.17).

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ ЭКСПРЕССИВНОСТИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕЧИ С РУССКОГО ЯЗЫКА НА АНГЛИЙСКИЙ (на материале выступлений В.В. Путина)

Лисицкая Анна Владимировна, магистрант
Астраханский государственный университет
Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: lisitzkaya.anna@mail.ru

Ряцина Майя Энверовна, профессор
Астраханский государственный университет
Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: marya39@mail.ru

В статье рассмотрены особенности передачи экспрессивности при переводе политических речей с русского языка на английский на лексическом и синтаксическом уровне. Сохранение прагматического эффекта предполагает, как снижение, так и повышение экспрессивности.

Ключевые слова: экспрессивность, эмоциональность, прагматический эффект, политическая речь, экспрессивные средства.

The article considers means of expressiveness employed in translating political speeches from Russian into English. It emphasizes the necessity of both raising and lowering the degree of expressiveness in translation to preserve the desired pragmatic effect.

Key words: expressiveness, emotionality, pragmatic effect, political speech, means of expressiveness.

Публичная речь является важным инструментом политика. Ее задача не просто сообщить какую-то сумму знаний, как в научном докладе, но, прежде всего, убедить аудиторию принять и поддержать предлагаемую точку зрения. Высокий прагматический потенциал политической речи обуславливает широкий диапазон средств воздействия на реципиентов, на их чувства, эмоции и подсознание. Лучше всего остается в памяти то, что эмоционально прочувствовано, близко образу мышления и языку реципиента, его индивидуальной картине мира. Сохранение прагматического потенциала речи требует внесения в перевод определенных изменений по сравнению с оригиналом.

Цель данной статьи – рассмотреть основные особенности передачи экспрессивности при переводе с русского языка на английский. Материалом исследования послужили тексты выступлений В.В.Путина на Мюнхенской конференции в 2007 г., обращение Президента Российской Федерации в 2014 г. и выступление В.В. Путина в итоговой пленарной сессии я Международного дискуссионного клуба «Валдай» в 2016 г. и их перевод, опубликованные на сайте Кремля <http://kremlin.ru>.

Исследователи установили, что средства реализации экспрессии в значительной степени культурно обусловлены. Как отмечает Е.Я. Бреус, в русском языке коммуникативная установка убеждения достигается с помощью риторического пафоса, возвышенного и торжественного тона изложения. В английском языке эта установка реализуется не с помощью возвышенной риторики, а путем установления личных доверительных отношений с Получателем. В этом коммуникативном контексте пафос и эмоциональное давление исключаются. Отправитель как бы говорит: вот информация, а ее эмоциональная оценка – дело самого Получателя [2, с. 71].

«Словарь лингвистических терминов» определяет экспрессивность как совокупность семантико-стилистических признаков единицы языка, которые обеспечивают её способность выступать в коммуникативном акте как средство субъективного выражения отношения говорящего к содержанию или адресату речи [6, с. 591].

В русском языке для выражения экспрессии можно, в частности, отметить общую тенденцию к опоре на семантические элементы и преимущественное использование формальных элементов в английском языке. Отсюда следует, что переводчик должен избегать копирования экспрессивных средств языка оригинала и стараться использовать те средства, которые присущи языку перевода. Это правило можно назвать экспрессивной идиоматичностью перевода [2, с. 95].

Как известно, существует образная и увеличительная экспрессивность. Наиболее распространенными средствами образной экспрессивности являются тропы (метафоры, эпитеты, фразеологизмы и т.д.). Увеличительная экспрессивность или интензивность представлена средствами разных уровней: словообразовательными, морфологическими, синтаксическими, лексическими, словами-интенсификаторами.

Одним из ораторских приемов В.В. Путина является употребление тропов – метафор, эпитетов, сравнений. Они не очень частотны, но производят желаемый прагматический эффект как раз в силу своей немногочисленности. Например, сравнение *как раб на галерах*, усиленное просторечных глаголом *пахать* в значении *тяжело и много работать* наглядно показывает, как трудно было президенту в период выполнения его обязанностей: *Все эти восемь лет я пахал, как раб на галерах, с утра до ночи, и делал это с полной отдачей сил*. Раб на галерах не только бесправен, он прикован к своему месту и не

может покинуть его. В той же речи использованы метафоры *неразорвавшиеся снаряды* – последствия, несущие в себе опасность, или *холодная война*: *Как всякая война, война холодная оставила нам и неразорвавшиеся снаряды, образно выражаясь. Имею в виду идеологические стереотипы, двойные стандарты, иные шаблоны блокового мышления.* Оратор развертывает метафору *война*, показывая, что холодная война также имеет смертельно опасные последствия. Аллюзия *Большой брат* восходит к роману Дж. Оруэлла «1984» и стала нарицательным именем для государства, в котором установлена тотальная слежка и контроль над народом.

В Крымской речи В.В. Путин цитирует мнение крымчан о присоединении к Украине: *...крымчане говорят, что тогда, в 1991 году, их передали из рук в руки просто как мешок картошки.* Данное сравнение очень емко характеризует процесс передачи Крыма: мнением жителей полуострова никто не поинтересовался. Их просто передали из рук в руки как неодушевленный предмет.

Фразеологизмы как средство экспрессии не только делают речь В.В. Путина яркой и образной. Они передают оценку, отношение говорящего к предмету обсуждения, показывают близость президента к народу. Например: *...наши партнеры раз за разом, как у нас в России говорят, наступают на одни и те же грабли, то есть совершают одни и те же ошибки (Крым).* Оратор не случайно поясняет – *как у нас в России говорят, объединяя себя с аудиторией и страной.* Наступив на грабли, человек обычно получает болезненный удар длинной ручкой по лбу, поэтому данный фразеологизм передает ироническую оценку повторяющихся неразумных действий.

Одной из особенностей идеостиля В.В. Путина является использование просторечных и сниженных слов и выражений. Знаменитое *мочить террористов в сортире*, первоначально шокировавшее часть российской аудитории, ушло в народ, многократно воспроизводилось и политиками, и журналистами, стало визитной карточкой президента. Использование просторечий и сниженной лексики в его речах не является свидетельством ограниченности словарного запаса. Это продуманный прием, оказывающий желаемый прагматический эффект – президент говорит на языке своего народа, близком и понятном этому народу, позволяет себе выразиться эмоционально, лишь слегка выходя за рамки литературной нормы.

В переводе при передаче экспрессивной функции ставится задача достижения экспрессивного эквивалента, т.е. создания в процессе межъязыкового общения такой ситуации, при которой эмоциональная реакция Получателя текста перевода могла бы соответствовать эмоциональной реакции Получателя текста оригинала. Для этого переводчик использует целый ряд стилистических модификаций, преобразований, при которых вместо единиц, относящихся к одному стилистическому пласту, используются единицы, относящиеся к другому стилистическому пласту.

Выступления В. В. Путина отличаются выразительностью и экспрессией, в то же время их язык достаточно прост и понятен всем. Проведем сравнительный анализ данных выступлений и их перевода, чтобы выявить средства сохранения, снижения или повышения экспрессивности, использованные переводчиком.

Рассмотрим следующий пример: *Создалось впечатление, что так называемые победители в «холодной войне» решили дожать ситуацию, перекрыть весь мир исключительно под себя, под свои интересы.* – *This creat-*

ed the impression that the so-called victors in the Cold War had decided to pressure events and reshape the world to suit their own needs and interests.

Сохраняя иронию в словосочетании *так называемые победители* за счет эпитета, передающего негативное или ироническое значение – *the so-called victors*, переводчик заменяет разговорное выражение *давить ситуацию* нейтральным *to pressure events*. Одновременно в более экспрессивном сочетании перефразировать *весь мир исключительно под себя* он опускает интенсификатор *исключительно*, а вместо более разговорного *под себя* использует нейтральное *to suit their own needs and interests*.

Еще один пример изменений в переводе для сохранения баланса экспрессивных средств: *Как всякая война, «война холодная» оставила нам и «неразорвавшиеся снаряды», образно выражаясь.* – *And just like any war, the Cold War left us with live ammunition, figuratively speaking.* Переводчик не может сохранить инверсию в сочетании *война холодная*, которая в оригинале усиливает сходство этих двух типов войн. В то же время в переводе несколько изменено значение метафоры *«неразорвавшиеся снаряды»*. В тексте речи данная метафора обозначает опасные последствия холодной войны, которые в любой момент непредсказуемо могут разрушить мир. Тезаурус приводит переносное значение использованного в переводе словосочетания *live ammunition* – боевое оружие, а *means of attacking or defending an argument or thesis etc.*, что несколько меняет общий смысл оригинала, т.к. не передает значения отсроченной, неуправляемой опасности.

Снижение экспрессивности наблюдается в целом ряде примеров: ... *пресловутый кипрский прецедент и политически мотивированные санкции лишь усилили тенденции...* – *the well-known Cyprus precedent and the politically motivated sanctions....* В русском языке *пресловутый* имеет неодобрительное значение: *вызвавший много толков, получивший отрицательную или сомнительную известность*, в то время как английский эквивалент *well-known* передает положительную оценку.

Для сохранения экспрессивного эффекта переводчик правомерно прибегает к калькированию русской поговорки *наступать на те же грабли*: *Я не устаю удивляться тому, как наши партнеры раз за разом, как у нас в России говорят, наступают на одни и те же грабли, то есть совершают одни и те же ошибки.* – *I never cease to be amazed by the way that our partners just keep stepping on the same rake, as we say here in Russia, that is to say, make the same mistakes.* Предлагаемый словарем Мультитран вариант *to walk twice into the same water* вызывает сомнение, т.к. имеет совсем другие ассоциации.

Используемые синтаксические средства экспрессивности также разнообразны. Широко используется риторический вопрос. Его высокий экспрессивный потенциал обусловлен вопросительной формой, хотя по сути он является утверждением. Он обычно выполняет несколько функций: активизирует внимание аудитории, вовлекает ее в обсуждение проблемы на равных с оратором, передает эмоционально-оценочное отношение оратора к предмету речи. Характеризуя использование риторического вопроса как средства эмоционального воздействия в русских публицистических текстах, Е.Я. Бреус отмечает, что риторический вопрос производит сильный эмфатический эффект. Его частотность в английском тексте значительно ниже, чем в русском, и при переводе не все риторические вопросы следует сохранять. Решение вопроса во многом остается за самим переводчиком [2, с. 93].

Проведенный нами анализ выступлений В.В. Путина показал, что, вопреки данным рекомендациям, в подавляющем большинстве случаев риторические вопросы сохранены в переводе: Рассмотрим пример: *Российское государство, что же оно? Ну что, Россия? Опустила голову и смирилась, проглотила эту обиду.* – *What about the Russian State? What about Russia? She hung her head humbly and swallowed the offence.*

В данном отрывке мы наблюдаем использование ряда средств экспрессии, которые нашли отражение в переводе. Оратор разграничивает государство и Россию. Использование приема олицетворения, традиционной ассоциации России с женщиной, усилено подбором эмоционально-экспрессивных единиц – *опустила голову, проглотила обиду*. Повторенный риторический вопрос передает сожаление оратора об этом этапе истории страны. Для усиления экспрессивности переводчик добавляет эпитет *humbly* – *покорно, униженно*.

В текстах речей риторические вопросы встречаются группами, усиливая эмоциональную насыщенность текста: *Что же мы якобы нарушаем? – What exactly are we violating? В чем же, по мнению наших коллег, заключается его исключительность? – What makes it so special in the eyes of our colleagues?*

В следующем примере несколько риторических вопросов адресованы оппонентам президента: *Позвольте спросить, откуда у боевиков деньги, оружие, военные специалисты? Откуда это все берется? Как получилось, что этот ИГИЛ так называемый, пресловутый, превратился в мощную, фактически армейскую группировку? – Let me ask where do these rebels get their money, arms and military specialists? Where does all this come from? How did the notorious ISIL manage to become such a powerful group, essentially a real armed force?* Их экспрессивный эффект усилен повтором, который сохранен в переводе: *Откуда у боевиков деньги...? Откуда все это берется?* Сохраняя в переводе негативную оценочную коннотацию, переводчик вводит эпитет *notorious*. Однако в переводе утеряна разговорная тональность оригинала, которую создает инверсия – *ИГИЛ так называемый, пресловутый*.

Следует обратить внимание, что повтор риторических вопросов представлен несколькими вариантами. Например, сначала следует эллиптическая форма вопроса, за ней – полная, как в вышеприведенном примере. Второй вариант начинается с короткого вопроса, за ним идет полный: *Зачем? Когда я спрашиваю коллег своих, зачем – ответа нет вообще.*

Повтор как стилистический прием также служит средством экспрессии.

Разговорная интонация в оригинале создается часто за счет инверсии в атрибутивных словосочетаниях, когда определение следует за определяемым словом: *это наследие языковое, учреждения наши медицинские, коллег своих*. Сохранение такой инверсии в английском языке противоречит правилам грамматики, поэтому в качестве компенсации используются другие средства.

Проведенный нами анализ некоторых средств экспрессивности, использованных в политических речах В.В. Путина и их переводах, показал, что сохранение коммуникативного эффекта в переводе осуществляется разными средствами. При этом полное дублирование приемов экспрессии оригинала в переводе невозможно в силу различий в наборах средств экспрессии и их частотности. Наряду с примерами сохранения экспрессии оригинала были выявлены как случаи ее снижения, так и ее повышения, направленные в целом на сохранение общего баланса средств.

Список литературы

1. Арнольд И. В. Интерпретация художественного текста: Типы выдвижения и проблема экспрессивности / И. В. Арнольд // Экспрессивные средства английского языка. – Л. : ЛГПИ, 1975. – С. 38–46.
2. Бреус Е. В. Основы теории и практики перевода с русского языка на английский / Е. В. Бреус. – М., 2000.
3. Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности В.В. Путина. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24034>.
4. Выступление В.В. Путина в итоговой пленарной сессии XI заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай». – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/46860>.
5. Кудобаева М. И. Снижение экспрессивности при переводе с русского языка на английский (на материале выступлений В.В. Путина) / М. И. Кудобаева, М. Э. Рящина. – М. : Интернаука, 2016. – 174 с.
6. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. – М. : Советская энциклопедия, 1990.
7. Местанко Н. А. К вопросу об изменении степени экспрессивности при переводе с английского языка на русский / Н. А. Местанко // Гуманитарные научные исследования. – 2015.
8. Обращение Президента Российской Федерации. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/20603>.
9. Рящина М. Э. Теория перевода. Конспект лекций / М. Э. Рящина. – Астрахань, 2011.
10. Стрелкова Н. С. Практическая стилистика английского языка и стилистическое редактирование переводов / Н. С. Стрелкова. – М., 1984. – С. 9.

References

1. Arnold I. V. Interpretatsiya khudozhestvennogo teksta: Tipy vydvizheniya i problema ekspressivnosti / I. V. Arnold // Ekspressivnye sredstva angliyskogo yazyka. – L. : LGPI, 1975. – S. 38–46.
2. Breus Ye. V. Osnovy teorii i praktiki perevoda s russkogo yazyka na angliyskiy / Ye. V. Breus. – M., 2000.
3. Vystuplenie i diskussiya na Myunkhenskoy konferentsii po voprosam politiki bezopasnosti V.V. Putina. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24034>.
4. Vystuplenie V.V. Putina v itogovoy plenarnoy sessii XI zasedaniya Mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba «Valday». – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/46860>.
5. Kudabaeva M. I. Snizhenie ekspressivnosti pri perevode s russkogo yazyka na angliyskiy (na materiale vystupleniy V.V. Putina) / M. I. Kudabaeva, M. E. Ryashchina. – M. : Internauka, 2016. – 174 s.
6. Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar / pod red. V. N. Yartsevov. – M. : Sovetskaya entsiklopediya, 1990.
7. Mestanko N. A. K voprosu ob izmenenii stepeni ekspressivnosti pri perevode s angliyskogo yazyka na russkiy / N. A. Mestanko // Gumanitarnye nauchnye issledovaniya. – 2015.
8. Obrashchenie Prezidenta Rossiyskoy Federatsii. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/20603>.
9. Ryashchina M. E. Teoriya perevoda. Konspekt lektsiy / M. E. Ryashchina. – Astrakhan, 2011.
10. Strelkova N. S. Prakticheskaya stilistika angliyskogo yazyka i stilisticheskoe redaktirovanie perevodov / N. S. Strelkova. – M., 1984. – S. 9.

РЕДУПЛИКАЦИЯ В СИСТЕМЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКА

Лосева Мария Юрьевна, магистрант

Астраханский государственный университет

Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а

E-mail: mashok1265@yandex.ru

В данной статье рассматривается редупликация, являющаяся одним из продуктивных способов аналитического словообразования в системе современного турецкого языка. Детально описано, какие типы редупликации характерны для слов той или иной части речи, приведены модели слов, образованных в результате повтора отдельных частей слова или целых слов.

Ключевые слова: способ словообразования, турецкий язык, редупликация.

In this article reduplication is considered, which is one of the productive ways of analytical word-building in the system of modern Turkish. It is described in detail what types of reduplication are typical for the words of a particular part of speech, the models of words formed as a result of the repetition of individual parts of a word or entire words are given.

Key words: word formation method, Turkish language, reduplication.

Лексико-семантическая система турецкого языка, как и любого другого, динамична, открыта и подвижна. История ее развития показывает, что активным и постоянно действующим способом выражения новых понятий в турецком языке является аффиксальный способ словообразования [4, с. 2]. Наряду с ним, в лингвистике выделяются такие способы, как лексико-семантический, лексико-морфологический, лексико-синтаксический, лексикализация атрибутивных словосочетаний, лексикализация свободных словосочетаний, сращение основ [3, с. 42].

В настоящей статье остановимся на *редупликации* как одном из продуктивных способов аналитического словообразования в системе современного турецкого языка. Так, о редупликации говорят при образовании новых слов следующим образом:

- путем повторения аффикса: *yeşil* (зеленый) – *yemyeşil* (очень зеленый), *kara* (черный) – *karıkara* (очень черный, чернящий);
- путем повторения одного и того же слова с заменой первого звука на *m*: *kitap* (книга) – *kitap kitap* (книга и другие (прочие) книги), *dolap* (шкаф) – *dolap molap* (шкаф и подобные ему вещи);
- путем добавления похожего, но несуществующего слова: *yamuk yumuk* (неправильный, неверный), *yarım yamalak* (бесполезная), *tek tük* (очень мало, редко);
- путем комбинации двух несуществующих слов: *apar topar* (торопясь, в спешке), *paldır küldür* (внезапно, вдруг, неожиданно), *eften püften* (бесполезный, ничего не стоящий);
- путем присоединения слова с прямо противоположным значением: *er geç* – (рано или поздно), *iyi kötü* – (неплохой), *içli dışlı* – (близкий, родной), *altı üstü* – (все-навсего), *aşağı yukarı* – (приблизительно).

Отметим, что в основе этого способа лежит удвоение имен существительных, деепричастий, реже – имен прилагательных, числительных и местоимений и глагольных форм.

При помощи повторных конструкций образуются преимущественно наречные слова и выражения: а) наречия времени *vakit vakit* (время от времени, изредка), *devir devir* (периодами, периодически), б) наречия места: *yer yer* (ме-

стами) в) наречия образа действия: *adım adım* (шаг за шагом), *usul usul* (осторожно). К ним же примыкают сравнительно-уподобительные наречия: *kambur-kambur* (сгорбившись), *badi badi* (по-утиному), *sabi sabi* (по-детски).

Наречия образа действия образуются также посредством повторения слов, обозначающих единицу приблизительного счета: *deste deste* (связками), *çuval çuval* (мешками).

Наречные конструкции образуются иногда посредством удвоения местоименных слов. Например: *bütün bütün* (абсолютно), где *bütün* – «весь», «целый»; *bazı bazı* (иногда), где *bazı* – «некоторый». Однако такие наречия немногочисленны в турецком языке.

В отдельную группу выделяются наречия времени, образованные от соответствующих имен со значением всеобщности типа *günden güne* (с каждым днем), *gece gündüz* (днем и ночью) и др.: *Bütün hayvani gayretinle gece gündüz sarf ettiğin emek* – 'Все, что ты днем и ночью предпринимал нечеловеческими усилиями'.

В турецком языке широко представлено редуплицирование качественных наречий, образованных от прилагательных: *azar azar* (мало-помалу, понемногу); *çabuk çabuk, sık sık* (быстро, спешно); *yavaş yavaş* (медленно, тихо); *hafif hafif* (легко) и т.п.

Наречные образования типа *körükörüne* («вслепую») могут быть образованы от имен существительных или прилагательных. Некоторым из них соответствуют близкие по значению образования, представленные неудвоенной формой того же слова, осложненной соответствующими формантами (ср. *boşuna* «впустую», *zoruna* «с трудом» и т.п.). Использование по аналогии неудвоенных форм от имен существительных исключается, так как в противном случае они могут быть восприняты как предметные имена.

Некоторые слова в составе четырехфонемной частичной редупликации также образуют наречия: *çevre* «круг», *çereçevre* «вокруг», «со всех сторон», *gündüz* «день», «дневное время», *güpegündüz* «среди бела дня».

В повторных образованиях трехфонемного типа отдельные слова теряют свою соотнесенность с данной частью речи, причем это не всегда связано с переходом в наречие: *yumru* «шишка» (существ.), *yusyumru* «совершенно круглый» (прилаг.), *bütün* «весь» (местоим.), *büsbütün* «совершенно, целиком» (нареч.).

Прием частичной редупликации распространяется в равной степени и на исконно турецкие, и на заимствованные слова. Как правило, это слова арабского и персидского происхождения, которые выдержали испытание временем и прочно вошли в словарный состав турецкого языка: *zapzayıf* «очень слабый», *zayıf* (араб.) «слабый»; *haphazır* «абсолютно готовый», *hazır* (араб.) «готовый» [1, с. 25].

В некоторых случаях наблюдается также переосмысление и отрыв общего значения от значений сочетающихся компонентов, в результате чего создаются наречные выражения с идиоматизированной семантикой. Например: *sıcağı sıcağına* «по горячим следам», «тут же», «сразу», где *sıcak* – «горячий»; *kapın kapına* «захватническим путем», где *kapın* – «капкан», «ловушка», *başlı başına* «самостоятельно», где *baş* – «голова»; *arkadan arkaya* «исподтишка», где *arka* – «спина».

Звукоподражательные имена существительные образуются путем присоединения к наречиям аффиксов *-tı* (*-ti, -tu, -tü*) *-dı* (*-di, -du, -dü*). Например: *çatır + tı* – *çatırtı* – «треск, хруст»; *gıcır + tı* – *gıcırıtı* – «скрип»; *horul + tu* – *horultu* – «храп».

Переход имен существительных в наречия связан с потерей значения предметности, что в свою очередь ведет к утрате характерных для имени существительного морфологических признаков числа и падежа. Например: **avuç** **avuç** (горстями), **tas tas** (тазами).

Поскольку в современном турецком языке редупликация существительных представлена множеством разновидностей, выделяется модель, которая выполняет функции «дистрибутивного множественного»: *tane tane* («по кусочку, понемногу»); *deste deste* («группами»); *avuç avuç* (пригоршнями) [1, с. 46].

В свою очередь, присоединением к рассмотренным выше наречиям аффикса *-da* образуются основы звукоподражательных глаголов: *çatır + da + mak – çatırdamak* – «трещать, хрустеть», *gıcır + da + mak – gıcırdamak* – «скрипеть», *şarıl + da + mak – şarıldamak* – «журчать».

Удвоение в разряде имен прилагательных, как правило, выполняет формообразующую функцию. Однако отмечается тенденция перехода некоторых имен прилагательных в удвоенной форме в разряд слов с наречным значением: *uysal uysal* (послушно), *uysal* (согласный); *gevrek gevrek* (хрупко), *gevrek* (хрупкий); *ayrı ayrı* (раздельно), *ayrı* (отдельный); *seri seri* (быстро), *seri* (быстрый).

Некоторые повторные образования, восходящие к именам числительным, также соотносительны с категорией наречия. В основном это повторы количественных, разделительных числительных, а также нумеративных и других слов, обозначающих количественную характеристику предмета. Так, числительное *bir* «один» в результате удвоения не только обозначает наречие с количественной характеристикой, но приобретает также более обобщенное, абстрактное значение, выражая последовательность в осуществлении действий и сопутствующие им подробности. Сравним: *Şahitlerin kimler olduğunu, Hatçenin kasabadaki mapusanede tek başına bir odada yattığını uzun uzun, bir bir söyledi* – «Долго и обстоятельно рассказывал он о том, кто были свидетели, и о том, что Хатче сидит в местной тюрьме, в отдельной камере».

Путем повтора основы и суффиксов *-ar*, *-er* могут образовываться и числительные: *beşer beşer* – по пять, *birer birer* – по одному, *üçer üçer* – по три, по трое.

Также редупликация характерная для образования местоимений. Например: **sen ben yokuz, biz varız** – «нет ни тебя ни меня, есть мы».

Редупликация глагольных основ представлена в турецком языке в достаточной степени, хотя условия ее функционирования, равно как и семантика редуплицированных форм, проявляется по-разному: *Her gün iki defa **gele gide, gide gele** görmekten bıktıp usandığım dar sokak.* – «Я устал от этой узкой улочки, по которой все время ходят туда-сюда».

Сопоставление разных повторов с одними и теми же словами-компонентами показывает, что в каждом типе повтора значение комплекса несколько видоизменяется за счет приобретения дополнительных семантических признаков, которые иногда трудно точно передать средствами другого языка, в частности русского). Так, например, в современном турецком языке функционируют три повторных образования со словом *siki*: *siki siki, siki sıkıya* и *sıkıdan sıkıya*. Если принять за основу их семантического распределения критерий возрастания интенсивности значения, то на первом месте будет находиться *siki siki* «очень крепко», «строго», затем *siki sıkıya* «крепко-накрепко» и на последнем – *sıkıdan sıkıya* «крепко-прекрепко», как образование с максимальным усилением общего значения. То же самое можно сказать и об образовании *zor zor* «с трудом», *zor zoruna* «с большим трудом», *zoru zoruna* «с невероятным трудом».

Исследовательский материал показал, что путем повтора целых слов в турецком языке образуются

а) имена существительные: *bölük bölük* (часть; группа + часть; группа) «части; группы»;

б) прилагательные: *boy boy* (размер + размер) «разного роста», *büyük büyük* (большой + большой) «огромный, громадный», *kat kat* (слой, ряд + слой, ряд) «слоями, рядами», *ağı ağı* (отдельный + отдельный) «разный, различный», *büyük büyük* (большой + большой) «большие-пребольшие», *sarı sarı* (желтый + желтый) «желтые-прежелтые»;

в) наречия: *adım adım* (шаг + шаг) «шаг за шагом», *yer yer* (место + место) «местами», *yan yan* (сторона, бок + сторона, бок) «сбоку», *zaman zaman* (*vakit vakit*) (время + время) «временами, время от времени», *zar zar* (плач + плач) «навзрыд», *ağır ağır* (тяжёлый + тяжёлый) «медленно», *hızlı hızlı* (быстрый + быстрый) «очень быстро, быстро-быстро», *ince ince* (тонкий + тонкий) «очень тонко; еле заметно, очень искусно», *kolay kolay* (лёгкий + лёгкий) «легко, без труда», *avaşavaş* (тихий + тихий) «потихоньку, помаленьку; постепенно», *bazı bazı* (иногда + иногда) «иногда, порой, по временам», *böyle böyle* (таким образом + таким образом) «так, таким образом» [2, с. 26].

Таким образом, следует отметить, что редупликация является одним из продуктивных способов турецкого словообразования и открывает широкие возможности для исследования функционально-семантического потенциала лексических единиц, образованных путем удвоения отдельных компонентов или целых слов.

Список литературы

1. Аганин Р. А. Повторы и однородные сочетания в современном турецком языке / Р. А. Аганин. – М., 1959. – С. 25–46.
2. Зарипова А. М. Редупликация в английском и турецком языках / А. М. Зарипова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2007. – № 13. – С. 26–31.
3. Тараканова И. М. Словообразование имен существительных в хакасском языке (в сопоставительном аспекте) / И. М. Тараканова. – Абакан : Хакасское книж. изд-во, 2008. – С. 42.
4. Юсипова Р. Р. Турецко-русский словарь / Р. Р. Юсипова. – М. : Русский язык-Медиа, 2005. – С. 2.

References

1. Aganin R. A. Povtory i odnorodnye sochetaniya v sovremennom turetskom yazyke / R. A. Aganin. – M., 1959. – S. 25–46.
2. Zaripova A. M. Reduplikatsiya v angliyskom i turetskom yazykakh / A. M. Zaripova // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2007. – № 13. – S. 26–31.
3. Tarakanova I. M. Slovoobrazovanie imen sushchestvitelnykh v khakasskom yazyke (v sopostavitelnom aspekte) / I. M. Tarakanova. – Abakan : Khakasskoe knizh. izd-vo, 2008. – S. 42.
4. Yusipova R. R. Turetsko-russkiy slovar / R. R. Yusipova. – M. : Russkiy yazyk-Media, 2005. – S. 2.

ЛЕКСИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ СПОРТИВНОГО РЕПОРТАЖА КАК ЖАНРА СПОРТИВНОГО ДИСКУРСА

Мельник Инна Васильевна, магистрант
Астраханский государственный университет
Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: inna_melnik94@mail.ru

В статье раскрывается понятие спортивного репортажа в рамках спортивного дискурса и его особенности. Рассматривается понятие терминологии в спортивном дискурсе и способы её формирования. Предлагается обзорный анализ лексической составляющей спортивного репортажа на конкретном примере. Делается вывод о прямой зависимости речи комментатора от хода соревнования / игры, слиянии норм литературного языка и разговорной речи и обилии военных метафор.

Ключевые слова: спортивный дискурс, субдискурс, жанр, спортивный репортаж, термин, терминология, жаргон, эмоциональность лингвистических единиц.

The article reveals the concept of sports reportage within the framework of sports discourse and its features. The concept of terminology in sports discourse and ways of its formation are considered. We offer a survey analysis of the lexical component of sports report on a specific example. The conclusion is made about the direct dependence of the commentator's speech on the progress of co-recreation / play, the fusion of the norms of the literary language and colloquial speech and the abundance of military metaphors.

Key words: sports discourse, sub-discourse, genre, sports report, term, terminology, lingo, emotionality of linguistic units.

В последнее десятилетие появилось значительное количество исследований спортивного дискурса. Эта сфера всё больше привлекает не только филологов и лингвистов, но также и специалистов из других сфер гуманитарного знания: социологов, психологов и др.

Специфика спортивного дискурса раскрывается в институциональных признаках, соотносящихся с признаками общественного института, который в коллективном языковом сознании имеет особое имя, обобщён в базовых концептах института, связан с определёнными функциями и ролями людей, с сооружениями, необходимыми для выполнения институциональных функций, общественными ритуалами, поведенческими стереотипами, с текстами, продуцируемыми в этом социальном институте, собственной терминологией [2].

В настоящее время спортивная терминология активно развивается и обогащается. Это связано с присвоением спортивной деятельности статуса профессиональности. Спортивной терминологии присущи вербальное выражение динамических событий с помощью различных групп лексики, лингвистических средств выражения эмоциональности событий, субъективная оценочность. Некоторые эксперты полагают, что спортивная терминология всё больше приобретает характер научности и является актуальным ресурсом для исследований форм выражения и функционирования языка [4].

Как и другие виды дискурсов, спортивный дискурс включает в себя множество составных частей с собственным тематическим центром – субдискурсы. Рассматривая спортивные субдискурсы, можно сказать, что каждый из них имеет свой набор лингвистических средств: одни лингвистические единицы более эмоциональны, чем другие [1].

Это зависит от следующих факторов: 1) к какому виду относится спорт; 2) наличия и развития института болельщиков; 3) количества и состава зри-

тельской аудитории; 4) популярности вида спорта; 5) спортивных комментариев и личностных характеристик комментатора.

В настоящее время каждый субдискурс имеет свою лингвистическую реализацию – «жанр».

В качестве наиболее важных жанров в спортивном дискурсе выделяют комментарий и репортаж.

Несмотря на принципиальные различия в определении жанров комментария и репортажа, исследователи спортивного дискурса часто не разделяют эти два жанра, называя, например, автора спортивного репортажа комментатором, а сам текст то репортажем, то комментарием, используя эти термины как взаимозаменяемые синонимы. Вероятно, это явление связано с процессом смешения жанров.

Репортаж относится к информационным жанрам публицистики и может быть представлен как в устной, так и в письменной форме, но чаще классический спортивный репортаж представляет собой именно устный текст теле- или радиожурналистики.

Говоря о жанре устного репортажа в целом, лингвисты называют спортивный репортаж образцом, классикой жанра. Он дает возможность наиболее полно реализовать задачи этого жанра и проявиться личности автора. Как правило, в устном репортаже используется линейный способ подачи материала, т.е. телеграфный стиль, что обеспечивает передачу динамических событий. Однако, для описания спортивного события этого недостаточно, поэтому в радио- и телерепортажах событие передается через восприятие журналиста. В данном жанре автор не только участвует в выборе стилистических и изобразительных средств, но и во многом именно от его личности зависит в целом оценка, точка зрения, с которой будет представлено событие [5].

Благодаря отсутствию четких границ, у комментатора есть возможность корректировать свой текст непосредственно в режиме онлайн, он может исправить как информационную, фактическую ошибку, так и стилистические погрешности, или же ввести необходимый комментарий.

Коммуникативная цель спортивного репортажа – вербализовать непосредственно воспринимаемую внеязыковую ситуацию – спортивную деятельность субъектов, чем определяется содержание и структура данного дискурса.

Терминология является одним из важнейших понятий в любом виде дискурса. Термин – слово либо словосочетание, которое выражает специальное понятие, входящее в систему понятий определенной области духовной или материальной деятельности. Соответственно, терминология – это система терминов, отражающая систему понятий в какой-либо области знания и/или деятельности.

В современной спортивной терминологии русского языка выделяют несколько разновидностей специальных обозначений.

Прежде всего, это собственно термины, единицы, выражающие специальные (общие) понятия в области спорта. Сюда следует отнести:

- 1) термины с прозрачной внутренней формой (слова, которые могут) быть понятны простому обывателю);
- 2) заимствованные термины;
- 3) термины-метафоры.

Немаловажной особенностью спортивного дискурса и спортивного репортажа в частности, является употребление жаргонной лексики. «Жаргон» (от фр. jargon) – речь относительно открытой социальной или профессиональной группы, которая отличается от литературного языка особым составом слов и выра-

жений. Это условный язык, понятный только в определенной среде, в нем много искусственных, иногда условных слов и выражений.

Выделяют следующие способы формирования жаргонизмов в спортивном дискурсе: 1) заимствования из английского языка; 2) заимствования из других дискурсов; 3) заимствования из жаргонов других профессиональных групп; 4) метафоризация; 5) метонимия; 6) ошибочный перевод; 7) авторские неологизмы.

Рассмотрим терминологию спортивного дискурса на примере футбольного матча – «Динамо» – «Спартак», Чемпионат России 2017–2018.

Футбольный субдискурс был выбран не случайно, так как именно в этом виде спорта наиболее ярко проявляется момент «сопоставительности», конфликтности и спортивной «положительной агрессии». В спортивном репортаже о футболе также наиболее отчетливо прослеживаются все доступные языковые средства выразительности в сравнении со многими другими субдискурсами.

На протяжении всего репортажа, мы видим как комментаторы спортивного состязания – Михаил Высоковский и Денис Казанский – вследствие динамизма, ограничения времени и целях налаживания контакта с аудиторией используют слияние норм литературного языка и разговорной речи, смешение стилей («прогнозируется ли серьёзная ротация» – «тренер пляшет не от схемы, а от формы»).

Как было сказано выше, не имея возможности, в связи с жесткими временными рамками и высокой скоростью смены действия, продумать тропы и изобразительно-выразительные средства, комментаторы прибегают к речевым клише и штампам, что снижает выразительность текста. Здесь мы также находим подтверждение прямой зависимости речи комментатора от хода игры (эмоциональность, оценочность, снижение и повышение темпа речи).

Речь комментаторов изобилует характерной для спортивного дискурса лексикой, понятной простому обывателю – «пробует газон», «играть в составе», «уводит мяч», «забить гол».

Особый интерес вызывает военная метафора в спортивном репортаже. Немало исследований посвящено этой теме [3], ведь «спорт – сублимация войны». Репортаж Высоковского и Казанского не является исключением – термины, заимствованные из военной сферы чаще всего встречаются в ходе репортажа – «капитан», «обойма игроков», «подвиг» «бомбардир», «левый/правый фланг», «нападающий», «держат оборону», «развернулась борьба», «боеспособный состав», «противостояние». Среди всех терминов комментария, военные метафоры составили около 80 % частотности.

Таким образом, спортивный репортаж характеризуется прямой зависимостью речи комментатора от хода соревнования/ игры, слиянием норм литературного языка и разговорной речи, спонтанностью комментария и обилием военных метафор.

Список литературы

1. Зильберт А. Б. Спортивный дискурс: точки пересечения с другими дискурсами (проблемы интертекстуальности) / А. Б. Зильберт // Язык, сознание, коммуникация. – М., 2001. – Вып. 19. – С. 103–112.

2. Карасик В. И. О типах дискурса / В. И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс : сб. науч. тр. – Волгоград : Перемена, 2000. – С. 5–20.

3. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон // Теория метафоры. – М. : Наука, 1990. – С. 384–415.

4. Малышева Е. Г. Русский спортивный дискурс: Теория и методология лингвокогнитивного исследования / Е. Г. Малышева. – Омск, 2011.

5. Снятков К. В. Коммуникативно-прагматические характеристики телевизионного спортивного дискурса : автореф. дис. ... канд. филол. наук / К. В. Снятков. – Вологда, 2008. – С. 12–16.

References

1. Zilbert A. B. Sportivnyy diskurs: tochki peresecheniya s drugimi diskursami (problemy intertekstualnosti) / A. B. Zilbert // Yazyk, soznanie, kommunikatsiya. – M., 2001. – Вып. 19. – С. 103–112.
2. Karasik V. I. O tipakh diskursa / V. I. Karasik // Yazykovaya lichnost: institutsionalnyy i personalnyy diskurs : sb. nauch. tr. – Volgograd : Peremena, 2000. – С. 5–20.
3. Lakoff Dzh. Metafory, kotorymi my zhivem / Dzh. Lakoff, M. Dzhonson // Teoriya metafory. – M. : Nauka, 1990. – С. 384–415.
4. Malysheva Ye. G. Russkiy sportivnyy diskurs: Teoriya i metodologiya lingvokognitivnogo issledovaniya / Ye. G. Malysheva. – Omsk, 2011.
5. Snyatkov K. V. Kommunikativno-pragmaticheskie kharakteristiki televizionnogo sportivnogo diskursa : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / K. V. Snyatkov. – Vologda, 2008. – С. 12–16.

ВВОДНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ТЕКСТЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ МОНОГРАФИИ (на материале работ В.В. Виноградова и Е.С. Кубряковой)

Мусиенко Виктория Витальевна, магистрант
Астраханский государственный университет
Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: vika.ms@mail.ru

В статье рассматриваются вводные конструкции со значением «уверенность / неуверенность» как показатели субъективной модальности в научном тексте. Их анализ выявляет особенности авторских стратегий В.В. Виноградова и Е.С. Кубряковой при передаче научного знания и особенности языковых личностей авторов, а также демонстрирует динамику развития научного стиля речи за последние пятьдесят лет. Выводы исследования сделаны на материале работ В.В. Виноградова «Русский язык. Грамматическое учение о слове» и Е.С. Кубряковой «Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения».

Ключевые слова: модальность, субъективная модальность, модальные конструкции, вводные конструкции, вводные слова, диалогичность.

The article deals with introductory constructions with the meaning “confidence / uncertainty” as indicators of subjective modality in the scientific text. Their analysis reveals the features of the author's strategies. Vinogradova and E.S. Cubryakova in the transfer of scientific knowledge and the peculiarities of the linguistic personalities of the authors, and also demonstrates the dynamics of the development of the scientific style of speech over the past fifty years. The conclusions of the study are based on the work of V.V. Vinogradova “The Russian language. Grammatical doctrine of the word” and E.S. Cubreacova “Language and knowledge: On the way of gaining knowledge of the language: Parts of speech from the cognitive point of view.”

Key words: modality, subjective modality, modal constructions, introductory constructions, introductory words, dialogicality.

Главными чертами научной речи принято считать объективность, отвлеченность и логичность изложения и почти полное отсутствие эмоциональности [2, с. 242–248]. Данные стилеобразующие характеристики способствуют тому, что в научных текстах средства выражения субъективной модальности встречаются нечасто и носят клишированный характер. Но абсолютная объектив-

ность и устранение автора невозможны. Помогают оформить развертывание научной мысли и выявить позицию говорящего в тексте вводные конструкции, которые являются одним из средств выражения субъективной модальности.

Вводные конструкции являются ядром модальных слов. Смысл вводных конструкций раскрывается при целостном восприятии нескольких предложений, абзацев или коммуникативных блоков текста, а также языковых единиц разных уровней, в первую очередь лексического и синтаксического.

Вводные конструкции со значением 'уверенность / неуверенность' были выбраны из «Словаря структурных слов русского языка» под ред. В.В. Морковкина методом сплошной выборки (опорные слова в дефинициях: *конечно, без сомнения, действительно, в самом деле, разумеется, безусловно, бесспорно, возможно, пожалуй, верно, видно, кажется*) и далее сравнены со значениями выбранных вводных конструкций в академических словарях русского языка (издания середины XX и начала XXI в.).

В результате автоматизированного поиска были выявлены вводные конструкции с семантикой «уверенность / неуверенность» в монографиях В.В. Виноградова «Русский язык. Грамматическое учение о слове» и Е.С. Кубряковой «Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира», в которых встретилось 608 употреблений. Учитывались только вводные конструкции, использованные непосредственно авторами исследуемых монографий, аналогичные конструкции в приводимых в работах цитатах не учитывались. Анализ показал, что в работе В.В. Виноградова вводных конструкций с данной семантикой значительно меньше, чем в работе Е.С. Кубряковой: 177 и 431 соответственно.

В результате анализа было выявлено, что в монографии В.В. Виноградова больше представлены вводные конструкции со значением категорической достоверности, а у Е.С. Кубряковой – проблематической достоверности.

Самой частотной лексемой со значением уверенности у обоих ученых является **конечно** (56 употреблений у В.В. Виноградова и 106 у Е.С. Кубряковой), со значением неуверенности у В.В. Виноградова – **быть может** (16 примеров употребления), у Е.С. Кубряковой – **по всей видимости** (68 примеров употребления).

У обоих авторов преобладают вводные конструкции уверенности и неуверенности, маркирующие ход авторского рассуждения (84 % у В.В. Виноградова и 89,5 % у Е.С. Кубряковой) по сравнению с конструкциями, где авторы обращаются к чужим работам и оценивают их.

При ссылке на другие источники оба автора чаще используют вводные конструкции как инструменты стратегии согласия, чем возражения.

Изложение В.В. Виноградова отличается большей безличностью изложения и почти полным отсутствием лексических маркеров прямой оценки. Стремление к максимальной отстраненности и безличности повествования отразилось и на меньшем (по сравнению с Е.С. Кубряковой) употреблении вводных конструкций как способов проявления авторского присутствия в тексте. Однако процентное соотношение конструкций, в которых автор оценивает чужое мнение, к общему количеству вводных, больше у В.В. Виноградова. Можно предположить, что при оценке научного наследия других ученых выражение авторской категоричности возрастает.

В тексте монографии Е.С. Кубряковой, напротив, можно отметить либо оценочные лексические единицы (*наиболее интересные соображения, замечательные когнитологи*), либо нейтральные, приобретающие оценочные коннотации в контексте; личные предложения с указанием создателя текста на се-

бя при помощи «авторского *мы*». Более эмоционально окрашенное изложение материала по сравнению с В.В. Виноградовым отразилось и на количестве вводных конструкций.

Анализ показал, что в текстах монографий присутствуют средства выражения авторской диалогичности: обращенность к читателю, сопоставление разных точек зрения и их анализ. Это обусловлено своеобразием научного гуманитарного дискурса, допускающим высокую степень выраженности личностного начала.

Различия в манере письма авторов определяются несколькими причинами. Во-первых, нормами научного стиля, характерными для конкретной эпохи: стремлением к нейтральности и безличности повествования в 30-е и 40-е гг. прошлого века, в то время как научный стиль на современном этапе развития допускает большую степень проявления авторской модальности; а во-вторых, индивидуальной манерой письма каждого ученого. Задачей В.В. Виноградова была систематизация накопленных его предшественниками знаний и подведение теоретических итогов, которые он должен был максимально понятно донести до читателей. Работа Е.С. Кубряковой встраивается в мировую научную парадигму с характерным для современной науки высоким уровнем теоретизирования.

Список литературы

1. Большой академический словарь русского языка : в 30 т. / под ред. К. С. Горбачевича. – СПб, 2004.
2. Кожина М. Н. Научный стиль / М. Н. Кожина // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. – М. : Флинта : Наука, 2006. – 696 с.

References

1. Bolshoy akademicheskiy slovar russkogo yazyka : v 30 t. / pod red. K. S. Gorbachevicha. – SPb, 2004.
2. Kozhina M. N. Nauchnyy stil / M. N. Kozhina // Stilisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar russkogo yazyka / pod red. M. N. Kozhinoy. – M. : Flinta : Nauka, 2006. – 696 s.

ПРОВОКАЦИОННЫЕ МЕДИАВИРУСЫ В ОНЛАЙНОВОМ МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ ЭКСТРЕМИСТСКОГО СОДЕРЖАНИЯ

Никонова Юлия Владимировна, магистрант
Астраханский государственный университет
Российская федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: Litvinova.yuliya14@yandex.ru

В статье представлены результаты исследования провокационных медиавирусов в социальных медиа Рунета. Был проведен системный мониторинг социальных сетей, личных страниц и групп («ВКонтакте», «Инстаграм», «Твиттер», «Фейсбук»), который позволил выделить примеры различных типов медиавирусов экстремистского и провокационного содержания. Также была выявлена роль экстремистских материалов в формировании сознания молодежи, ее самоидентификации и формировании жизненных ориентиров, а также проблему негативного провокационного влияния на журналистское сообщество и аудиторию.

Ключевые слова: медиавирус, экстремизм, Интернет, журналистика, массовые коммуникации, социальные сети, провокация.

The article presents the results of the study provocative mediaviruses in the Runet social media. The author has conducted systematic monitoring of social networks, personal pages and groups (“Facebook”, “Instagram”, “Twitter”, “Facebook”), which allowed to identify

examples of the different types of mediaviruses with extremist and provocative manner. We have also identified the role of extremist materials in the formation of young people's consciousness, its identity and the formation of life goals, and the provocative issue of negative impact on the journalistic community and audience.

Key words: media, extremism, the Internet, journalism, mass communication, social networking, provocation.

В условиях наращивания в мире процессов глобализации и формирования «информационного общества» интернет-терроризм стал выступать в качестве самостоятельного фактора, способного угрожать государственной целостности стран и дестабилизировать международную обстановку. Эта проблема приобрела общемировой характер и весьма актуальна для Российской Федерации, как для одного из лидеров на мировой политической арене. Интернет платформа выступает разнородной средой, в которой можно разместить любую информацию, в том числе и информацию провокационного характера. Используя средства массовой коммуникации, экстремистские идеология и движение активно воздействуют на сознание граждан и, в первую очередь, молодежи. Анализируя проблемы информационной безопасности, акцентируется внимание на контроле над медиапространством. Происходит переопределение социальной ценности информации, а также значения информационной безопасности и информационных угроз. Средства массовой коммуникации формируют социальные пространство и реальность, в которой существует индивид, и эта среда может выступать обособленной, вне зависимости от конкретного человека. [2, с. 76–81]. В связи с этим мы можем изучать медиапространство, рассматривая его через призму социологических методов исследования. Исходя из этого, медиасферу следует понимать не как определенную совокупность средств массмедиа, а как независимую виртуальную реальность, образованную от взаимодействия средств массовой коммуникации, общества или конкретного индивида. Затрагивая особенности информационно- экстремистской деятельности в сети Интернет, необходимо понимать, что в условиях трансформации общества, находящегося под влиянием процессов информатизации и глобализации, меняется и функционально- ролевой репертуар социальных подсистем и институтов, что оказывает прямое воздействие на характер и степень распространения информационного экстремизма. Экстремизм является собой предрасположенность, к каким- либо крайним взглядам и мерам. К мерам, которые аккумулируют в себя экстремизм, можно отнести террористические акции, гражданское неповиновение, методы партизанской войны, а также провокацию различных беспорядков. Экстремизм может быть вызван различными факторами: социальные противоречия, экономические и социальные кризисы, ослабление государственной власти, рост антисоциальных поведений, разрушение исторических, культурных, нравственных традиций, ценностей и пр. Интернет-терроризм становится очень частым и динамичным явлением. Для этого создаются специальные web-сайты, которые часто меняют формат, а затем так же стремительно исчезают. В большинстве случаев происходит лишь видимость исчезновения, когда меняется только адрес сайта, а его содержание остается прежним. Зачастую сайты экстремистского содержания имеют зарубежного провайдера, поэтому, на практике, их не так легко вычислить и закрыть. Интернет стал идеальным полем деятельности террористических организаций. Всемирная сеть привлекает возможностью свободного доступа, малым масштабом или полным отсутствием регулирования и цензуры со стороны государственной власти, потенциально большие масштабы аудитории, относи-

тельная анонимность коммуникации, мультимедийность интернет-пространства и т.д. [1, с. 29–55]. Как правило, такие сайты и страницы социальных сетей содержат краткую информацию об истории организации, ее действиях, детальный обзор социальных и политических истоков, мнений и целей, а так же жесткую критику врагов и их идеологии. Их главная цель – поиск единомышленников и продвижение «своей» идеологии.

Как показывает практика, противозаконным считается не только деятельность интернет-террористов и экстремистов, но и любое публичное провокационное высказывание. Публичным оно считается во всех случаях, когда оно доступно неопределенному кругу лиц. Согласно законодательству Российской Федерации, даже высказывания «для друзей» в социальных сетях или посланные лично на почту являются публичными. Весьма значительную долю публикаций в социальных сетях составляют репосты и ретвиты тех или иных записей. Растет и доля медиатекста, за который могут привлечь к ответственности. Исходя из закона Российской Федерации, суд должен оценивать высказывание индивида, т.е. не сам скопированный контент (текст, аудио, фото или видео), а личную публикацию как целое. Такая публикация может включать в себя комментарий или отсутствие такового, а также контекст-содержание или тематику блога или аккаунта в целом. Применительно к средствам массовой информации, репост – это цитата, которая не может оцениваться в контексте. Именно копирование записи представляют позицию того или иного человека или группы людей [4, с. 87–91]. Так, например, Андрея Бубеева приговорили к двум годам колонии за два репоста на его личной странице в социальной сети «ВКонтакте». «Лайки» также являются способом поддержки медиатекста. Ситуация с Екатериной Вологжениновой – яркий пример. Приговор по ее делу уже вынесен и вступил в силу. «Отметку» ее имени под чужой записью в социальной сети, включавшем запрещенное видео, интерпретировали как поддержку провокационно-экстремистской информации.

На сегодняшний день, главным принципом распространения информации в инфокоммуникационной среде происходит по принципу вируса, где площадкой выступает интернет и социальные сети [3, с. 155–157]. Созданием различных медиавирусов занимаются как специалисты средств массовой коммуникации, так и обычные пользователи, т.н. «медиаактивисты». Термин «медиавирус» впервые был использован Д. Рашкоффом и обозначает медиасобытия (где медиа выступают средствами коммуникации), вызывающие прямо или косвенно определённые изменения в жизни общества.

Существует несколько видов провокационных медиавирусов экстремистского содержания:

- символы («нацистская свастика», «знак анархии», «14/88», «знак ку-клукс-клана» и др.);
- выражения и отдельные слова («Россия для русских!», «Убивай неверных» и др.);
- мелодии и звуки (музыкальная группа «Коловрат», некоторые песни Тимура Муцураева и др.);
- жесты и модели поведения («нацистское приветствие», «джихад» и др.).

Анализ проявления экстремистских и террористических действий в регионах России позволяет выявить следующие факторы: а) социально-психологические, где целевой аудиторией выступает молодежь и в определенной степени стимулируется присущей молодым людям повышенной возбудимостью; б) политические – провокации на межэтнический, межрелигиозный и

межконфессиональный конфликт; в) идеологические. Делается упор на отсутствие общенациональной идеи, целей развития общества и страны; г) социально-экономические акцентируют внимание на материальное неравенство, страх перед будущим; д) информационные и т.д. Именно поэтому важен вопрос создания системы участия гражданского общества для предупреждения и искоренения экстремистских и террористических проявлений, для оздоровления общества и налаживания взаимодействия общественных структур и органов государственной власти. Такое взаимодействие можно положить в основу создания единой системы профилактики и предотвращения ксенофобии и экстремизма, а также формирования в обществе толерантного сознания и единения общегражданской идентичности [5, с. 66–69].

Стоит отметить, что в 2015 г. в России за экстремистскую деятельность и призывы к экстремизму осудили 544 человек и еще 110 человек за интернет-терроризм и призывы к нему.

На основании вышеизложенного мы приходим к выводу, что распространение провокационных медиавирусов в онлайн-медиапространстве экстремистского содержания основывается, прежде всего, на негативных манипуляциях людьми и общественным мнением в целом и, следовательно, является негативным явлением. Для противодействия экстремистской деятельности государству следует принимать профилактические меры интернет-терроризма, включая общественную изоляцию, лишение внешней и внутренней поддержки, выявление и ликвидация источников финансирования, включая легитимные и криминальные доходы террористов как внутри страны, так и из-за рубежа. Анализ и умение предвидеть провокации в сети интернет может стать самым необходимым ресурсом, который поможет государству и обществу стабилизировать и оптимизировать ситуацию с информационным экстремизмом.

Список литературы

1. Дзялошинский И. М. Манипулятивные технологии в масс-медиа / И. М. Дзялошинский // Вестник Московского университета. Сер. 10: Журналистика. – 2005. – № 1. – С. 29–55.
2. Касьянова Л. Ю. Когнитивно-коммуникативные факторы неологизации / Л. Ю. Касьянова // Гуманитарные исследования. – 2015. – № 4 (56). – С. 76–81.
3. Лазуткина Е. В. Проблема распространения медиавирусов в новостных онлайн-ресурсах / Е. В. Лазуткина // Медийные стратегии современного мира : мат-лы IV Междунар. науч.-практич. конф. – 2010. – С. 155–157.
4. Лазуткина Е. В. Доверие как показатель эффективности онлайн-медиакоммуникаций / Е. В. Лазуткина // Медиа- и межкультурная коммуникация в европейском контексте : мат-лы Междунар. науч.-практич. конф. / ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет» ; Институт социально-экономических и гуманитарных исследований ЮНЦ РАН. – 2014. – С. 87–91.
5. Максимова Н. В. Своеобразие жанров социальной журналистики / Н. В. Максимова, Г. Х. Кадырова // Вопросы лингвистики и литературоведения. – 2010. – № 1. – С. 66–69.

References

1. Dzyaloshinskiy I. M. Manipulyativnye tekhnologii v mass-media / I. M. Dzyaloshinskiy // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 10: Zhurnalistika. – 2005. – № 1. – S. 29–55.
2. Kasyanova L. Yu. Kognitivno-kommunikativnye faktory neologizatsii / L. Yu. Kasyanova // Gumanitarnye issledovaniya. – 2015. – № 4 (56). – S. 76–81.

3. Lazutkina Ye. V. Problema rasprostraneniya mediavirusov v novostnykh onlaynovykh resursakh / Ye. V. Lazutkina // Mediynye strategii sovremennogo mira : mat-ly IV Mezhdunar. nauch.-praktich. konf. – 2010. – S. 155–157.

4. Lazutkina Ye. V. Doverie kak pokazatel effektivnosti onlaynovykh mediakommunikatsiy / Ye. V. Lazutkina // Media- i mezhkulturnaya kommunikatsiya v evropeyskom kontekste : mat-ly Mezhdunar. nauch.-praktich. konf. / FGAOU VPO «Severo-Kavkazskiy federalnyy universitet» ; Institut sotsialno-ekonomicheskikh i gumanitarnykh issledovaniy YuNTs RAN. – 2014. – S. 87–91.

5. Maksimova N. V. Svoeobrazie zhanrov sotsialnoy zhurnalistiki / N. V. Maksimova, G. Kh. Kadyrova // Voprosy lingvistiki i literaturovedeniya. – 2010. – № 1. – S. 66–69.

ПОЭТИКА ДИАЛОГА В РАССКАЗЕ М. ФРАЯ «КОТ ЕЛЕНЫ»

Пашкова Вера Владимировна, магистрант
Астраханский государственный университет
Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: pashkova.v.v@yandex.ru

В статье рассматривается поэтика рассказа современного автора М. Фрая. Определяется новый взгляд автора на легендарные события Античности. Особое значение придается некоторым приемам организации текста, использования ритмизации и стилизации. Драматическое начало выявляется в результате анализа структуры произведения, авторских ремарок, скрытой динамичности и диалогизации речи персонажей. Отсутствие внешнего действия, имплицитно представленное развитие событий, наличие двух персонажей интерпретируются как признаки «лезедрамы». Анализ речевых конструкций, изобразительно-выразительных средств, сравнение с традициями Гомеровской поэтики и характеристиками античного стихосложения позволяет выявить используемые автором приёмы стилизации. Особое значение придается определению роли одного из персонажей, который, в соответствии с традицией драмы, принимает на себя роль резонёра. На это указывает усиление философского начала в изречениях героя, осмысление одной из доминирующих тем в творчестве автора.

Ключевые слова: Макс Фрай, драматическое начало, «лезедрама», монолог, диалог, персонаж, резонер, стилизация, античные традиции стихосложения, апофаназия.

The article deals with the poetics of the short story by contemporary author M. Frei. Defining a new vision of the legendary events of Antiquity. Particular importance is attached to some techniques of text structure, use of rhythm building and styling. A dramatic beginning is revealed in the result of the analysis of the structure of the work, author's remarks, the latent dynamism and dialogization of the speech of the characters. The absence of external actions, implicitly presents the development of events, the two characters are interpreted as signs of "lesedrama". The analysis of speech structures, figurative-expressive means, a comparison with the traditions of Homeric poetics, and characteristics of the ancient poetry allows you to identify the used by the author of the child. Special emphasis is given to defining the role of one of the characters, which, in keeping with tradition, the drama, takes on the role of arguer. This indicates the strengthening of the philosophical beginnings of the sayings of the hero, understanding one of the dominant themes in the works of the author.

Key words: Max Frei, a dramatic beginning, "lesedrama", monologue, dialogue, character, reasoner, stylization, ancient tradition of poetry, apophenia.

Рассказ Макса Фрая «Кот Елены» входит в сборник «О любви и смерти», который был опубликован в 2015 г. Он включает в себя произведения, объединенные общей тематикой, указанной в названии самого сборника. Книга поде-

лена на две части, но ожидания соблюдения условий деления миниатюр на «о любви» и «о смерти» не оправдываются – каждая из частей в этом смысле равнозначна.

«Кот Елены» открывает одну из частей сборника. Сюжет рассказа построен на аллюзии всемирно известной мифической истории, повествуемой еще Гомером в его «Илиаде». Не сложно догадаться, что героиней повествования является Елена, которая, будучи женой Менелая, сбегает с юным Парисом, и это становится предлогом к началу Троянской войны.

Интересен ракурс, с которого автор раскрывает легендарные события.

Необходимо отметить, что в целом структура произведения отсылает к драматическому началу. Это прослеживается в некоторых приемах организации текста, наличии авторских ремарок, скрытой динамичности и диалогизации речи персонажей.

Композиционно рассказ представляет собой несколько эпизодов, в которых монолог героини, обращенный к коту, перемежается с мыслями кота, представляющими иной взгляд на происходящее:

«Елена (говорит, мечтательно улыбаясь):

– Кот, котище, котёночек серый мой, сладкий, иди скорее сюда, я тебе всё расскажу <...> слушай: приснилась мне нынче сама Афродита <...> сердце мне говорит, это был вещий сон.

Кот (думает):

Какие все дураки. Тоже мне радость – сон ей приснился. Знаю я цену снам...» [2, с. 7].

Явственно прослеживается установка на диалогизацию. Помимо этого автор отделяет каждый эпизод от последующего визуально – использует в тексте астериски.

В монологах героини имплицитно раскрывается сюжет: «...Котик мой милый, послушай, на девяти кораблях прибыли гости...» [2, с. 8], «... Парис, любовь моей жизни... просит меня с ним уехать, вернее, бежать...» [2, с. 9], «... Больше тысячи греческих кораблей собрались у берегов Эвбеи...» [2, с. 11], «... Долго плутали ахейцы<...>Лагерем встали они на равнине под стенами Трои...<...>на шесть долгих лет затянулась война...[2, с. 12], «...умер Парис...» [2, с. 13].

В речи Елены также раскрывается ее внутренне состояние: «...если стану молчать, порвусь, как рвется мешок из тонкого полотна...» [2, с. 7], «...мне страшно...» [2, с. 9], «...была неразумна... <...> ... Ни один мой разумный поступок до этого дня не дарил столько счастья...» [2, с. 10], «...притворяюсь живой, а меня больше нет...» [2, с. 13].

Кроме того, перед каждым высказыванием автор помещает небольшую ремарку, которая эксплицитно указывает на эмоциональное состояние Елены: «Елена (говорит, мечтательно улыбаясь)...» [2, с. 7], «Елена (говорит шепотом, взволнованно)...» [2, с. 8], «...(говорит встревоженно)...» [2, с. 11], «...(говорит устало)...» [2, с. 12], «...(говорит голосом, потемневшим от горя)...» [2, с. 13].

Образ Елены предстает в развернутых речевых конструкциях, которые изобилуют изобразительно-выразительными средствами. Эпитетами: «котёночек серый мой, сладкий», «храбрый котище», «золотоглазый» (составной эпитет, характерный для греческой поэтики, например у Гомера: «*златотронная* Гера», «*светлоокая* дочь Эгиоха» [1, с. 38],). Развернутыми сравнениями: «Их предводитель прекрасен, как закат, пылающий перед прозревшим слепцом» [2, с. 8], «Серый мой друг, одинокий, как хаос, спокойный как космос, веселый как

боги» [2, с. 13], «Я была неразумна, как тысяча дур» (гиперболизированное сравнение) [2, с. 10]. Перифразами: «мудрец мой лукавый» (при обращении к коту) [2, 7], «любовь моей жизни» (Парис) [2, с. 9]. Олицетворениями: «сердце мне говорит» [1, с. 7], «пришли наши горькие дни» [2, с. 11]. Метафорами: «свет, наполняющий сердце» [2, с. 12], «перерезана нить, погашено солнце» (о смерти Париса) [2, с. 13].

В целом, речь героев рассказа поэтизирована, утрированно возвышенна.

Примечательно, что в построении фраз часто повторяются определенные сочетания ударных и безударных слогов, что подсознательно ориентирует на ритмическое чтение текста:

«Котик мой милый, послушай, на девяти кораблях прибыли гости.

Их предводитель прекрасен как закат, пылающий перед прозревшим слепцом» [2, с. 8].

_ U U _ U U _ U / _ U U _ U U _ / _ U U _ U
_ U U _ U U _ U / U U _ / U _ U U _ U U _ U U _

Можно предположить, что подобная ритмическая организация является стилизацией, отсылкой к традициям античного стихосложения, хотя четкой структуры гекзаметра не наблюдается:

«Муза, скажи мне о том многоопытном муже, который,

Странствуя долго со дня, как святой Илион им разрушен...» [1, с. 489].

_ U U _ U
_ U U _ U U _ U U _ U U _ U U _ U

В рассказе практически нет прямых указаний на художественное пространство и время. Маркёрами хронотопа могут служить имена персонажей (Елена, Парис, Менелай), наименования географических объектов (Троя, Эвбея), упоминания событий Троянской войны, осады Трои: «...слишком долго длится осада, на шесть долгих лет затянулась война...» [2, с. 12].

Своеобразным поводом к началу «диалога» Елены с питомцем становится увиденный ею сон, в котором контаминируется мифологический и библейский сюжет. Афродита, богиня любви, предлагает Елене яблоко, представляющее собой символ искушения, «запретной любви».

Диалогическое начало реализовано через включение в текст «речи» второго персонажа. Тем не менее, оно присутствует скрыто. Кот «отвечает» на каждое обращение Елены мысленно. Каждое «высказывание» кота автор также предваряет пояснением-ремаркой: «...Кот (думает)...» [2, с. 7–13]. И даже при «обретении» котом возможности заговорить – «... Кот (говорит человеческим голосом,...)», диалог не может состояться – «...твердо зная, что Елена его не услышит)...» [2, с. 14]. Подразумеваемый диалог так и не становится явным.

Образ кота и его «взгляд» на ситуацию также раскрывается в речевых конструкциях, которые предлагают иное видение происходящих событий. Прагматичные, ироничные высказывания и оценочные суждения представляют видение стороннего наблюдателя, чей интерес к событиям опосредован лишь определенной степенью привязанности к участвующим в них героям: «...еду принесет и погладит... для этого есть Менелай, с ним нам славно живется, и ты была весела и сыта до сих пор» [2, с. 9], «...если все же решишься уехать, меня с собой заberi. Менелай не любит меня, только терпит. Выгонит за порог, не станет кормить...» [2, с. 10]. Интересен рефрен, с которого начинается каждое «высказывание» персонажа: «Какие все дураки». В контексте произведения слова воспринимаются двояко: с одной стороны, подчеркивается пренебрежи-

тельное отношение необычного героя ко всему человеческому роду, с другой стороны, раскрывается глупость или наивность человеческих поступков, суетность существования, «детскость» понимания жизни. В «скупых», в отличие от высказываний Елены, фразах кота в большей степени выражен философский аспект понимания вечных истин, к которым персонаж приходит путем рассуждений: «...думай теперь, сладко ли живется тем, кого они (боги) заприметили и записали в любимцы...» [2, с. 8], «...Боги скучают, боги хотят играть, и все эти ваши ахейцы, троянцы...<...>...цари и герои, воины и рабыни – просто цветные клубки запутанной пряжи...» [2, с. 12]. Необходимо отметить, что философский смысл изречений начинает преобладать в речи персонажа к концу произведения.

Таким образом, при несомненном наличии драматического начала, внешнее действие как таковое не развивается, события раскрываются в речи героев и проходят как бы «за сценой». Если принять во внимание, что в произведении только два персонажа, все выше сказанное может быть признаком «лезедрамы» – небольшой пьесы, предназначенной не столько для постановки на сцене, сколько для чтения.

В силу такого понимания персонаж кота приобретает новое значение – принимает на себя роль «резонёра», становится носителем авторской позиции. На это указывает символическое осмысление одной из доминирующих тем как данного рассказа, так и всего сборника. Извечный вопрос понимания смерти, отношения к ней резюмируется в заключающем монологе. Так, финал жизни в понимании автора не является однозначно концом существования. Последняя фраза, в которой сосредоточено глубокое понимание апофазии, – является итоговой и для всего рассказа «...наша смерть, вернее то, что кажется смертью, происходит не с нами, а с другими людьми, ненадолго задержавшимися на земле, чтобы лить слезы, заламывать руки...<...>...пока мы, отвернувшись от них, продолжаем идти по дороге, золотой, как свет моих глаз...» [2, с. 14].

Список литературы

1. Гомер. Илиада. Одиссея / пер. с древнегр. Н. Гнедича, В. Жуковского ; вст. ст. С. Маркиша ; примеч. и словарь С. Ошерова. – М. : Эксмо, 2004. – 896 с. – (Зарубежная классика).
2. Фрай М. Кот Елены // О любви и смерти / Макс Фрай. – М. : АСТ, 2015. – 256 с. – (Миры Макса Фрая).

References

1. Gomer. Iliada. Odiseya / per. s drevnegr. N. Gnedicha, V. Zhukovskogo ; vst. st. S. Markisha ; primech. i slovar S. Osherova. – M. : Eksmo, 2004. – 896 s. – (Zarubezhnaya klassika).
2. Fray M. Kot Yeleny // O lyubvi i smerti / Maks Fray. – M. : AST, 2015. – 256 s. – (Miry Maksa Fraya).

АДАПТАЦИЯ СЛОГАНОВ ПРИ ПЕРЕВОДЕ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

Рахматова Динара Кувандыковна, магистрант
Астраханский государственный университет
Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: r_dinara@inbox.ru

Статья посвящена изучению языка рекламных слоганов и особенностям перевода рекламного текста. Перевод рекламных текстов считается одним из самых сложных видов межъязыковой коммуникации, поскольку требует от не только превосходного знания языков, но и творческого подхода, знания культуры целевой аудитории. Говоря другими словами, при переводе рекламных текстов необходимо, чтобы переводческие средства, оказывали тот же эффект на носителей языка перевода, что и авторские средства на носителей языка оригинала. В отличие от перевода художественной литературы, где переводчик обязан передать и изобразить весь художественно-эстетический смысл оригинала, перевод рекламных текстов несколько отличается по форме, языковым средствам и ярко выраженной коммуникативной направленности. Следовательно, изучение особенностей перевода рекламных слоганов представляется актуальным.

Ключевые слова: слоган, реклама, массовая коммуникация, СМИ, лексика, английский язык, русский язык, грамматика, имидж, товар.

The article is devoted to the study of the language of advertising slogans and the peculiarities of the translation of the advertising text. Translation of advertising texts is considered one of the most complex types of interlingual communication, as it requires not only excellent knowledge of languages, but also a creative campaign, knowledge of the culture of the target audience. In other words, when translating advertising texts, it is necessary that the translation means have the same effect on the native speakers of the target language as the author's means for native speakers. Unlike the translation of fiction, where the translator is obliged to convey and depict the entire artistic and aesthetic sense of the original, the translation of advertising texts differs somewhat in form, language facilities and pronounced communicative orientation. Therefore, the study of the specifics of the translation of advertising slogans seems to be relevant.

Key words: slogan, advertising, mass communication, mass media, vocabulary, English, Russian language, grammar, image, goods.

В современном мире рост массового производства, международное развитие торговых отношений являются главными составляющими глобализации рынка, где реклама играет одну из важнейших ролей. Реклама играет огромную роль в сфере маркетинга экономики и товарно-денежных отношений. Реклама также тесно связана со средствами массовой информации, которые выступают в качестве носителя конкретных рекламных слоганов.

Исследование настоящей темы актуально из-за большой распространенности рекламных слоганов. Реклама – массовая коммуникация, а так как в России большинство рекламодателей – зарубежные компании, нередко возникает проблема перевода исходного слогана и его адаптации в русском языке.

Для русскоязычного населения само слово «слоган» – явление относительно новое. «Слоган» – термин, который пришел в русский язык из английского, первоначально он был распространён среди американских рекламистов. Само слово «слоган» происходит из гаэльского языка (sluagh-ghairm – «боевой клич»), а в современном значении оно было впервые употреблено в 1880 г. [2, с. 28].

Согласно той цели, которую они преследуют, слоганы, делятся на имиджевые и товарные.

Имиджевые слоганы выражают смысл философии компании, бренда, товара или услуги и обычно имеют более «серьёзные интонации».

Товарные слоганы направлены на скорейшее увеличение продаж, а, следовательно, чаще апеллируют к уникальному торговому предложению продукта, поэтому чаще несут в себе элементы языковой игры [1, с. 34].

Слоган – наиболее ёмкая и запоминающаяся фраза, которая передает в яркой, образной форме основную идею рекламной кампании.

Слоган должен обладать следующими характеристиками:

- легкость запоминания;
- оригинальность;
- способность вызвать заинтересованность.

Удачные слоганы не только легко запоминаются и становятся частью языковой среды, но и активно её изменяют. Внимание потребителей привлекает не только красивое оформление рекламных объявлений, стилистические и языковые средства значительно влияют на популярность рекламируемого товара или услуги. От языкового оформления рекламного слогана во многом зависит эффективность всей рекламной компании, и ее успешность напрямую зависит от того, как слоган повлияет на отношение потребителя к бренду или товару [2, с. 57–58].

Перевод слоганов несколько отличается по форме и языковым средствам от перевода художественной литературы, перевода слоганов. При переводе слоганов на первый план выходит сохранение коммуникативной составляющей исходного текста. В процессе перевода переводчику приходится решать как чисто языковые, лингвистические проблемы, обусловленные различиями в семантической структуре и особенностями использования двух языков в процессе коммуникации, так и проблемы социолингвистической адаптации текста.

Английский язык – язык аналитический, русский – синтетический. Это означает, что смысл фразы, который в английском выражается через изменения формальных характеристик слов, в русском передается через сочетание смыслов нескольких слов. При переводе англоязычных рекламных слоганов, в некоторых случаях не переводят исходное предложение, а дают его «семантический эквивалент» [2, с. 67].

К наиболее значимым признакам слогана англоязычных реклам можно отнести частое употребление императивных форм глагола, что значительно усиливает динамичность рекламного обращения.

Исследование английских рекламных слоганов показывает, что к наиболее часто употребляемым в императиве глаголам можно отнести следующие: buy, try, ask, get, see, call, feel, taste, watch, smell, find, listen, drive, let, look, drink, do, discover, start, enjoy [3].

Анализ русских слоганов показывает примерно такое же количество повелительных глаголов: приходи, покупай, смотри, управляй, открой, попробуй.

– Ask For More – Бери от жизни все (Pepsi) [4].

Однако больше всего трудностей при переводе англоязычных слоганов на русский язык вызывают глаголы в повелительном наклонении. Несмотря на то, что в русскоязычной рекламе процент использования повелительных глаголов высок, использование таких глаголов, как to have или to love (или даже to like) в русских аналогах будет не совсем корректно. Для благозвучия и в целях

избежать двусмысленности в подобных случаях предпочтительнее подыскивать замену в зависимости от смысла слогана:

– Have a break, have a Kit-Kat! – Есть перерыв, есть Кит-кат! (Kit-Kat) [4].

Одним из самых распространенных явлений при составлении слоганов является использование лексических повторов (как анафоры, так и эпифоры). При переводе подобных английских слоганов на русский язык следует по возможности сохранять структуру фразы и использовать те же художественные средства, что в оригинале. Например:

– I am what I am – Я тот, кто я есть (Reebok) [4].

В процессе перевода англоязычных слоганов для описания самых различных свойств рекламируемого продукта используются прилагательные и наречия – размера, формы, качества продукта, ощущений, которые данный продукт вызывает. К наиболее употребительным прилагательным, используемым в англоязычных слоганах относятся: natural, innocent, passionate, romantic, mysterious, good, best, free, fresh, wonderful, special, fine, big, great, real, easy, bright, extra, rich, gold. В их русских аналогах используют следующие прилагательные: хороший, лучший, богатый, удивительный, отличный, первый, свежий, особый, непростой, необычный, в отличие от обычных и др. [3].

Как в англоязычных слоганах, так и в их русскоязычных аналогах, часто используются личные и притяжательные местоимения 2-го лица, которые усиливают рекламное обращение, например:

– You're the boss. – Ты здесь главный (Burger King) [4].

– We keep your promises – Мы исполняем ваши обещания (DHL)

Использование стилистических фигур и тропов при переводе англоязычных слоганов, помогает создать определенную тональность рекламного обращения, позволяет передать качества и достоинства рекламируемого предмета:

– Maybe she's born with it. Maybe it's Maybelline – Ты ют Мейбелин (аллитерация);

– Sharp minds, sharp products – Идеи Sharp в изделиях Sharp (повтор);

Некоторые англоязычные слоганы становятся настолько популярными и узнаваемыми, что звучат в оригинале, потребителю не требуется перевода. Например:

– A Diamond is Forever (De Beers)

– Just Do It! (Nike) [4].

В России редко переводят этот слоган. В основном он так и звучит на английском.

У переводчиков англоязычных слоганов на русский язык может возникнуть искушение поиграть с оттенками слов, что приводит к потере изначального смысла.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что слоганы – это совершенно особый вид текста, для перевода и адаптации которого переводчику придется приложить немало усилий. Отличительным признаком удачного перевода англоязычного слогана является гармоничное соединение основной рекламной идеи с теми средствами выразительности, которые данной идее наиболее соответствуют. Чем оригинальнее будет звучать переведенный слоган, тем больше шансов, что его запомнят потребители, а ведь это и является целью перевода любого слогана.

Список литературы

1. Лутц И. Рождение слогана. Рекламные технологии / И. Лутц. – М., 1999. – 357 с.
2. Тюрин С. Ю. О понятиях рекламный дискурс и рекламный текст / С. Ю. Тюрин. – М., 2009. – 285 с.
3. Edwards Ch. Mundy. Retail Advertising and Sales Promotion / Edwards Ch. Mundy. – New York, 1981. – 321 с
4. ADME. – «100 лучших слоганов мировой рекламы». – URL: <http://www.adme.ru> (дата обращения: 20.11.13).

References

1. Lutts I. Rozhdenie slogana. Reklamnye tekhnologii / I. Lutts. – M., 1999. – 357 s.
2. Tyurina S. Yu. O ponyatiyakh reklamnyy diskurs i reklamnyy tekst / S. Yu. Tyurina. – M., 2009. – 285 s.
3. Edwards Ch. Mundy. Retail Advertising and Sales Promotion / Edwards Ch. Mundy. – New York, 1981. – 321 s
4. ADME. – «100 luchshikh sloganov mirovoy reklamy». – URL: <http://www.adme.ru> (data obrashcheniya: 20.11.13).

СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫЕ ЛЕКСЕМЫ В ТЕКСТАХ СМИ О ЛЮДЯХ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ

Серегина Дарья Романовна, магистрант

Астраханский государственный университет

Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а

E-mail: verticalimit04@gmail.com

Огромную роль социальной интеграции в общество людей с ограниченными возможностями играют СМИ. Большое внимание уделяется тому, как подавать информацию о людях с ограниченными возможностями в СМИ. Журналисты, которые поднимают эту тему в своих публикациях, должны быть подготовлены для правильной и корректной подачи материалов. В данной статье рассматриваются лексемы, которые употребляются в текстах о людях с ограниченными возможностями.

Ключевые слова: социальная журналистика, инвалиды, инвалидная журналистика, СМИ, тексты СМИ, люди с ограниченными возможностями, лексемы, проблемы общества.

Mass media plays a huge role of social integration in the disable people's society. Much attention has been paid to submission of information in media about people with disabilities. Journalists who raise this topic in their publications should be prepared for correct submission of materials. This article discusses lexemes that are used in texts about people with disabilities.

Key words: social journalism, disabled people, invalid journalism, mass media, texts of mass media, people with disabilities, lexemes, problems of society.

Социальная журналистика – вид журналистики, где объектом являются конкретные люди, их группы или всё общество, и их взаимодействие. Социальная журналистика освещает социальные проблемы, поэтому является неким механизмом, который поддерживает стабильность в обществе, но при этом является источником противоречий.

Социальная журналистика отнюдь не сводится к проблемам незащищённых слоёв населения, но имеет границу в виде отношений между индивидами.

Это отношения с другими людьми, с социальными институтами, с обществом и с самим собой. Этому виду журналистики присуще изучение состояния всего общества или его определённых групп (национальных, профессиональных, людей с ограниченными возможностями), а также детальное изучение взаимодействия этих определённых общностей. Конечно же, изучаются также отдельные люди и их проблемы [7, с. 150–156].

Социальная журналистика имеет гуманистическую цель. Это направление журналистики, задачами которого является изучение и снабжение аудитории информацией о социальной сфере, а также исследование реакции социума на какие-то изменения в этом же социуме, и выработке нравственной оценки событий.

Одним из направлений социальной журналистики является так называемая «инвалидная журналистика». Это распространённое название среди журналистов, которые вплотную занимаются освещением проблем людей с ограниченными возможностями в СМИ. Обычно в этом направлении журналистики информации подаётся в СМИ органами социальной защиты, поэтому такая информация имеет ориентацию на категорию людей, которые нуждаются в поддержке, но при этом не знают своих прав.

У здорового населения есть каналы для получения корректной информации, а у инвалидов таких источников информации очень ограниченный круг, причём не всегда они бывают легко доступными. Поэтому часто люди с ограниченными возможностями могут не знать своих социальных прав и льгот, и получение такой информации для них затруднительно. Это может стать причиной непоправимых последствий.

С другой стороны, отношение общества к лицам с ограниченными возможностями неоднозначно, потому что внимание людей чаще всего сосредотачивается на внешнем виде индивидов, которых принято считать инвалидами. Это вызывает различные эмоции и реакции в обществе. Не всегда положительные. Лица с ограниченными возможностями – это группа, которая как раз имеет физические и психологические отличия, которые влияют на внешность и поведение.

Отношение общества к таким людям менялось на протяжении столетий. Долгие годы на людей с отличительными особенностями устраивались гонения, их изолировали, боялись, ненавидели. В некоторые периоды времени к таким лицам применялся геноцид [1, с. 63–67].

В ранних сообществах инвалиды считались ущербными, убогими, неполноценными. Считалось, что они обуза и могут приносить пользу остальному обществу. Инвалиды были чрезвычайно бедны, жили в гонениях и чаще всего рано погибали.

В средних веках бытовало мнение, что инвалидность – это наказание за грехи, а, значит, на таком человеке ставилось клеймо вероотступника. Ещё одной теорией было, что в таких лицах вселись духи. В результате домыслов инвалидов сторонились, их боялись, опасались, ненавидели и считали изгоями. Такие люди исключались из любой творческой деятельности, были изолированы от остального общества, не могли заводить знакомства, не говоря уже о дружбе.

Но шли века, и отношение постепенно менялось в положительную сторону. Восточные славяне стали проявлять помощь к инвалидам. В эпоху Киевской, а затем и Московской Руси стали появляться монастыри, которые стали прибежищем для инвалидов, где им оказывалась помощь, давался кров и работа. Иван Грозный пытался создать государственную систему социального обес-

печения нуждающихся. Но именно Пётр I приказал построить для больных воинов госпитали в 1712 г., а также специальные дома для умалишённых в 1762 г.

Система государственного призрения, которая существовала до 20-го века, оказывала помощь нуждающимся слоям населения. Средства шли в основном из государственных ресурсов. Были созданы первые общественные организации, именно они стали началом социального образования.

В советской России появилось государственное обеспечение, стали образовываться специальные кооперативы и организации инвалидов. С 1923 г. инвалиды могли иметь собственный заработок, который был на порядок выше социальной пенсии.

В ряде передовых стран Запада имеется специальный подход к инвалидам и инвалидности. Там их воспринимают, как равноправных членов общества, которые имеют отличные нужды, но особый социальный подход позволяет полную интеграцию инвалидов в современное общество. Они воспринимаются, как люди, которые ничем не отличаются от прочих, полностью способные к самореализации, поэтому общество лишь предоставляет им условия. В таких странах заявляют, что все проблемы людей с ограниченными возможностями вырастают из неправильных и неполных условий для реализации талантов инвалидов.

К сожалению, такой подход совершенно не присущ России, потому что до сих пор таких людей изолируют: они содержатся в специальных центрах, интернатах, домах для инвалидов. Интеграция в разнообразные сферы общества пока что закрыта. Лица, которые имеют физические или психологические дефекты, исключены из жизни общества, потому что направление инклюзивного образования очень слабо развито.

Общество также страдает от такого подхода, потому что инвалиды составляют довольно обширную часть населения, поэтому теряется огромный потенциал таких людей, который может послужить на благо окружающего мира [5, с. 46–51].

Для изменения подхода к инвалидам надо изменить систему ценностей. Сдвинуть общественное сознание к пониманию того, что инвалид – это такой же человек, как и остальные люди, не другой, отличный, а равный и на многое способный [8, с. 164–166].

Огромную роль социальной интеграции в общество людей с ограниченными возможностями играют СМИ. Повсеместно доступные СМИ беспрестанно влияют на сознание людей, именно поэтому с помощью них можно сформировать положительное отношение к людям с ограниченными возможностями [2, с. 137–141; 4, с. 218–224].

При этом пристальное внимание нужно уделять тому, как будет подаваться информация о людях с ограниченными возможностями в СМИ, так некорректная информация способствует лишь большему недоверию общества к таким членам общества. По этой причине журналисты должны быть подготовлены для правильной и корректной подачи материалов [3, с. 82–84].

Необходимо исключить из текстов СМИ термины, которые унижают честь и достоинство людей с ограниченными возможностями, чтобы в обществе не создавалось стереотипов [6, с. 288–290].

Общие некорректные термины: больной, калека, искалеченный, деформированный, неполноценный, дефектный, нездоровый, немощный, страждущий, аномальный.

Корректные термины: инвалид; человек имеющий инвалидность; человек с инвалидностью; человек с ограниченными возможностями; человек с отличающимися возможностями; человек с отличительными особенностями.

Некорректные сравнения: нормальный, здоровый, обычный (при сравнении с инвалидом).

Корректные сравнения: лучше как можно чаще употреблять такие определения, как нормальный, обычный, самый обычный, чтобы люди понимали, что это такой же человек, как и они сами и ассоциировали их с собой.

Следующие термины употребляются к людям с узконаправленными особенностями, поэтому разделяются на группы.

Некорректно: прикованный к инвалидной коляске.

Корректно: человек, использующий инвалидную коляску, человек на коляске.

Некорректно: врожденный дефект, несчастье, напасть.

Корректно: врожденная инвалидность; инвалид с детства; человек с врожденными особенностями; человек с врожденными ограниченными возможностями.

Некорректно: страдает ДЦП (детский церебральный паралич).

Корректно: имеет ДЦП.

Некорректно: страдает от полиомиелита; от последствий полиомиелита; жертва полиомиелита.

Корректно: человек, перенесший полиомиелит; имеет инвалидность в результате полиомиелита; человек, который перенес болезнь; пережил болезнь; стал инвалидом в результате.

Некорректно: паралитик.

Корректно: парализованный человек.

Некорректно: отсталый, умственно неполноценный, тупой.

Корректно: человек с задержкой в развитии.

Некорректно: тормоз, слабоумный.

Корректно: ребенок с задержкой в развитии; медленно обучаемый ребенок.

Некорректно: эпилептик, припадочный

Корректно: человек с эпилепсией; люди, подверженные эпилептическим припадкам.

Некорректно: сумасшедший, псих, сбрендивший, бешеный, тронутый, безумный, псих, двинутый, ненормальный, чокнутый, полоумный, невменяемый, психопат, юродиевый, умалишённый, бесноватый, шизофреник, винтиков не хватает, крыша едет, крыша протекла.

Корректно: душевнобольной человек; человек с психиатрическими проблемами; человек с душевным или эмоциональным расстройством.

Некорректно: слепой как крот (никогда), совершенно слепой.

Корректно: слепой; незрячий; невидящий; слабовидящий человек; инвалид по зрению.

Некорректно: глухой как пень; глухая тетеря; глухонемой; глухня.

Корректно: человек с нарушением слуха; глухой человек; неслышащий; слабослышащий; человек (ребенок) с остатками слуха.

Некорректно: немой.

Корректно: человек с затруднениями в общении.

При этом важно избегать броских и ярких оценочных терминов, определений, прилагательных, таких как: жертва, страдает, неполноценная жизнь, нести крест, мука, пытка, каторга, голгофа, терзание.

По некоторым терминам и словам, перечисленным ранее, сразу можно понять, почему их нельзя употреблять в текстах СМИ. Очевидно, что, если назвать человека «тормозом» или «глухнёй», это оскорбит его. Однако другие слова и обороты стали вполне привычными, но при этом всё равно являются недопустимыми в употреблении, способствуют распространению стереотипов, унижают честь и достоинство.

Очень распространенное выражение «прикован к коляске», вызывает чувство «безвыходности», будто на человеке висит «цепь».

Слова «глухой», «немой» – полная невозможность общения.

Слова, «паралитик», «дефектный», «безногий», вызывают сострадание и безразличную жалость.

Пренебрежительный оттенок несут слова «калека», «аутист», «даун».

«Псих», «слабоумный», «сбрендешивший», «шизик», «умалишённый» вызывают страх за своё здоровье, потому что они имеют оттенок угрозы.

Выражения «человек с ограниченными возможностями», «человек на коляске», «душевнобольной человек», «человек с врождёнными особенностями», «слабовидящий человек» – вызывают нейтральные эмоции.

Таким образом, можно изменить отношение ко всему инвалидному сообществу, соблюдая употребление корректных лексем в текстах СМИ.

Список литературы

1. Бартус Е. Отношение общества к людям с ограниченными возможностями / Е. Бартус // Ярославский педагогический вестник. – 2013. – № 2, т. 2. – С. 63–67.
2. Головина Т. А. Отражение журналистами феномена инвалидности в СМИ / Т. А. Головина // Вестник Воронежского государственного университета. – 2013. – № 2. – С. 137–141.
3. Головкин С. Г. Проблема дискриминации инвалидов в современном обществе / С. Г. Головкин // Омский научный вестник. – 2008. – № 5 (72). – С. 82–84.
4. Сахаровская Л. Ю. Роль СМИ в формировании в российском обществе атмосферы толерантности / Л. Ю. Сахаровская // Вестник Бурятского государственного университета. – 2012. – № 10. – С. 218–224.
5. Соловьёва С. В. К проблеме отношения общества к лицам с ограниченными возможностями здоровья / С. В. Соловьёва // Специальное образование. – 2008. – С. 46–51.
6. Рябова А. А. О возможностях СМИ в преодолении стереотипа восприятия инвалидности / А. А. Рябова // МедиаАльманах. – 2011. – С. 42–49.
7. Фролова Т. Ю. Предметно-функциональные особенности социальной журналистики / Т. Ю. Фролова // Известия Байкальского государственного университета. – 2014. – № 2 (94). – С. 150–156.
8. Терскова С. Г. Влияние СМИ на формирование доступной среды для инвалидов / С. Г. Терскова, Е. Е. Юркова // Социальное развитие современного российского общества: достижения, проблемы, перспективы. – 2015. – С. 164–166.

References

1. Bartus Ye. Otnoshenie obshchestva k lyudyam s ogranichennymi vozmozhnostyami / Ye. Bartus // Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik. – 2013. – № 2, t. 2. – S. 63–67.
2. Golovina T. A. Otrazhenie zhurnalistami fenomena invalidnosti v SMI / T. A. Golovina // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2013. – № 2. – S. 137–141.
3. Golovko S. G. Problema diskriminatsii invalidov v sovremennom obshchestve / S. G. Golovko // Omskiy nauchnyy vestnik. – 2008. – № 5 (72). – S. 82–84.
4. Sakharovskaya L. Yu. Rol SMI v formirovanii v rossiyskom obshchestve atmosfery tolerantnosti / L. Yu. Sakharovskaya // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2012. – № 10. – S. 218–224.

5. Soloveva S. V. K probleme otnosheniya obshchestva k litsam s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorovya / S. V. Soloveva // Spetsialnoe obrazovanie. – 2008. – S. 46–51.
6. Ryabova A. A. O vozmozhnyakh SMI v preodolenii stereotipa vospriyatiya invalidnosti / A. A. Ryabova // MediaAlmanakh. – 2011. – S. 42–49.
7. Frolova T. Yu. Predmetno-funktsionalnye osobennosti sotsialnoy zhurnalistiki / T. Yu. Frolova // Izvestiya Baykalskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2014. – № 2 (94). – S. 150–156.
8. Terskova S. G. Vliyaniye SMI na formirovaniye dostupnoy sredy dlya invalidov / S. G. Terskova, Ye. Ye. Yurkova // Sotsialnoye razvitiye sovremennogo rossiyskogo obshchestva: dostizheniya, problemy, perspektivy. – 2015. – S. 164–166.

ОБРАЗ ТАВРИДЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ПОЭТОВ XIX ВЕКА

Спесивцева Любовь Валентиновна, кандидат филологических наук, доцент

Астраханский государственный университет
Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: krilovalubov@bk.ru

Шимченко Инна, магистрант

Астраханский государственный университет
Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: inna.shimchenko37@mail.ru

Рассматривается образ Тавриды как важная составляющая «крымского текста», анализируются произведения поэтов XIX в., в творчестве которых создается образ Тавриды как благословенного уголка, рая, где можно соприкоснуться с древней цивилизацией.

Ключевые слова: «крымский текст», образ, элегия, послание, классицизм, романтизм, топос, метафора.

The image of Tauris as an important component of the “Crimean text” is considered, the works of 19th century poets are analyzed, in the creation of which Taurida’s image is created as a blessed corner, paradise, where one can come into contact with an ancient civilization.

Key words: “Crimean text”, image, elegy, message, classicism, romanticism, topos, metaphor.

Огромную роль в сознании человека играл и играет миф. Давно доказано, что именно Петербургским мифом был порожден «петербургский текст». В последнее время входят в литературоведческий оборот такие дефиниции, как «московский текст», «готический текст», «итальянский текст», «провинциальный текст» («северный текст», «пермский текст» и др.). Интерес к локальным литературным сверхтекстам все больше возрастает.

Особый интерес представляет «крымский текст», порождение которого многие ученые связывают с мифом о Тавриде, ставшим южным полюсом петербургского литературного мифа (А.П. Люсьи).

В 1783 г. (8/21 апреля) юридически было закреплено присоединение к России Крыма Манифестом Императрицы Российской Екатерины II: Крым был включен в состав России. Первым, кто из русских поэтов «отреагировал» на это важнейшее политическое событие, был В.В. Капнист, написавший в 1784 г. «На завоевание Тавриды» (поэт не окончил свою «песню»). Он впервые посетил

Крым только в 1803 г. и оставил свои впечатления от путешествия «по следам Одиссея» в двух статьях на эту тему. В 1784 г. в девятом номере журнала «Собеседник любителей русского слова» была опубликована «Ода на взятие под Российскую державу Крыма и Кубани». В примечании отмечалось, что ода поступила «от неизвестного» и обращена к Екатерине II, которая стала себя величать среди прочих титулов «царицей Херсониса Таврического» (А.П. Люсьй).

Союз, порядок с тишиною
Идут господствовать страну,
Где царствовала вечно ночь:
Где слабый свет луны считался
Единым светом искони.
Восстани Крым! твой сон прервался.
Тебе наступят ясны дни.

Сразу же после публикации оды анонимного автора Г.Р. Державин пишет оду «На присоединение без военных действий к Российской державе Таврических и Кавказских областей или на учиненный договорами с Отоманскою портою мир 1784 г.», которая была напечатана в одиннадцатом номере «Собеседника любителей русского слова» (в дальнейшем ода переиздавалась под сокращенным названием «На приобретение Крыма»). Ода примечательна тем, что написана белым стихом: Г.Р. Державин обосновывает свой выбор в предисловии ссылкой на опыт античной поэзии: «Господа издатели! Небезызвестно, что древние писали стихи свои без рифм, чему и новейшие лучшие авторы иностранные подражали и подражают. Для опыта, покажется ли и нашей почтенной публике сей образ на нашем языке стихотворства и можно ли продолжать оный, написана сия ода, которую, ежели будет достойна, прошу напечатать. Пребываю и проч.» (А. Грот).

Россия наложила руку
На Тавр, Кавказ и Херсонес,
И, распустя в Босфоре флаги,
Стамбулу флотами гремит:
«Не подвиги Готфридов храбрых,
И не крестовски древни рати –
Се мой теперь парит Орел!»
Магмет, от ужаса бледнея,
Заносит из Европы ногу,
И возрастает Константин! [4]

В 1787 г. Екатерина II написала стихотворение о Бахчисарае, в котором отразились впечатления императрицы от знакомства с особенностями менталитета крымско-татарского населения полуострова. Оказавшись под неизгладимым впечатлением от крымских земель, она посылает князю Г.А. Потёмкину (Г.В. Есипов нашел в Государственном Архиве, в бумагах Екатерины II (кн. XVII, лист 213) свое стихотворение, в котором, находясь «в беседке ханской», императрица наблюдает за мечетью, что рядом, слышит, как «мулла кричит», и сетует на то, что ей «мешает спать среди Бакчисарая / Табашный дым и крик; но, впрочем, место рая». В памяти Екатерины всплывают воспоминания: «Иль не помнит кто нашествий их на Русь, / Как разоряли все, как наводили трусь?». Заключительные строки стихотворения обращены к Г.А. Потёмкину: «Хвалю тебя, мой друг, занявши здешний край, / Ты бдением своим все вяще укрепляй».

Однако «первопоэтом», воссоздавшим Тавриду как место особое, необычное, экзотическое, называют Семёна Сергеевича Боброва, который в поэме «Таврида, или мой летний день в таврическом Херсонесе» задал «семантические ориентиры для крымского текста: поэма Боброва – всеобщий учебник Тавриды (не только истории, литературы, мифологии, религии, философии, но и геологии, ботаники, зоологии, топонимики и т.д.). В то же время это основа для региональной онтологии Тавриды как блуждающего периодически меняющегося знака заряда полюса «русского поля» [3]. Первое издание «Тавриды» было осуществлено в 1798 году, издание второе вышло в 1805 г. в составе собрания сочинений Боброва «Рассвет полночи», в новой редакции и под заглавием «Херсонида». Поэт впервые высказал определенные надежды на будущую важную роль Крыма в возрождении муз Древней Греции в России:

Но если б росски Геркулесы,
Одушевленные Минервой,
Ступая на сии хребты,
Здесь лики водворили муз
И преселили в мирны сени
Столетни опыты Европы
На помощь медленной природе
Тогда бы новые Омиры,
Сократы мудры и Платоны
На горизонт наук взошли
И потекли бы, как светила,
По новому порядку лет.

Изменение названия поэмы во 2-й редакции («Херсонида» вместо «Таврида»), вероятно, связано с тем, что С. Бобров не только разграничивал этим смешанное в предыдущем заглавии «понятие как о песнотворении, так и о самом полуострове». Автор ввел и новое посвящение поэмы – вместо Мордвинова поэма теперь посвящалась императору Александру I. Переименование свидетельствует о намерении С. Боброва подчеркнуть провиденциальное значение присоединения полуострова к России и приближает тем самым само произведение к эпическим поэмам М. Хераскова «Россияде» и «Владимиру» (в основе последней – сюжет крещения киевского князя в Херсонесе).

В 1815 г. К.Н. Батюшков пишет любовную элегию «Таврида», в которой райское место предстает как древнегреческий Элизий, край вечной любви, мировой гармонии и душевного успокоения, где «Фебовы лучи с любовью озаряют / Из древней Греции священные места». Поэт сблизжает Тавриду и Грецию. М.Н. Виролайнен отмечает, что Таврида становится гораццианским эталоном сельской жизни, удаленной от городской суеты, – греческий топос, где осуществляется античный идеал [2]. У К. Батюшкова «Таврида, Крым описывается не в культурно-исторических формулах древней Греции, а как сама древняя Греция, вплоть до реалий и конкретных форм ландшафта и быта» [1]: «хижина простая», «цветы и сельский огород», «весна красная», «лето знойное». На фоне умиротворенной природы возлюбленная кажется еще прекраснее и милее, она «румяна и свежа, как роза полевая», ее очи прелестны, а дыханье сладострастно.

Интерес А.С. Пушкина к Тавриде отразился в таких стихотворениях, как «Из письма Гнедичу», «Чаадаеву», «Кто видел край, где роскошью природы», «К Овидию» (1820), «Баратынскому», «Таврида», «Чаадаеву. С морского берега

Тавриды» (1822). Практически все произведения написаны в форме послания, что явно отсылает к судьбе Овидия (М.Л. Гаспаров отмечал, что элегии Овидия написаны в форме послания).

Для А. Пушкина Таврида ассоциируется со «счастливым раем», так как это особое культурное место, измененное самим пребыванием Овидия. Пространство Тавриды приближено к античной цивилизации. Культурная ретроспекция в «Чаадаеве» даётся как напластывание разных событий, которые происходили в одном месте. В стихотворениях «Редет облаков летучая гряда», «Нереида», «Ненастных день потух» пространство Тавриды напрямую связано с любовными переживаниями, воспоминаниями поэта.

В восприятии А. Пушкина Таврида – Элизиум, место изгнания Овидия, наследование античной традиции русской культурой, южный предел империи, противопоставленный северной столице.

В 1827 г. А.Н. Муравьев пишет поэму «Таврида», в котором сравнивает Тавриду с купающейся нимфой. Мотив купающейся девы связывает тексты А. Пушкина и А. Муравьева. Для обоих поэтов Таврида – место наслаждения гармонией и красотой природы. В главке «Алупка» образ Тавриды рисуется как край поэтического вдохновения. Жизнь ассоциируется с убегающими волнами и смерть предстает не как трагическое явление, а как слияние с природой, растворения в ней: «Передо мной шумели волны / И заливали небосклон, / И я, отрадной думы полный, / Следил неизмеримость волн – / Они сливались с небесами, – / Так наша жизнь бежит от нас / И упивается годами, / Доколе с небом не слилась!».

Главки поэмы «Чатыр-Даг», «Бакчи-Сарай», «Развалины Корсуни», «Георгиевский монастырь», «Балаклава», «Мердвень», «Алупка» «Ореанда», «Ялта», «Аю-Даг» и другие представляются поэтической энциклопедией, своеобразным топосом края мечты.

Поэт пушкинской поры В.И. Туманский создает стихотворение «Под небесами Юга», в котором Таврида – земной Элизиум. Идиллическая картина южного берега Крыма умиротворяющее действует на поэта: он набирается впечатлений и бережёт их как скряга; любясь «бархатными ночами» и «сияньем ярких звёзд», поэт уверен, что «эта чудная природа / Никогда не надоест».

В стихотворении В.Г. Теплякова «Моя любовь» Таврида является тем совершенным миром, который располагает к творческим мечтам. Море, оливы, лавр, горы, ханы – все это настоящее, в котором причудливым образом отражается прошлое. В 1836 поэт пишет «Фракийские элегии», в основе которых лежит сюжет явления тени Овидия. Во второй элегии «Томис», написанной в 1829 г., лирический герой помнит слова Овидия и ищет место его погребения, но только лишь «слова погибшего поэта / Теперь звучат в душе моей!».

В «Развалинах Херсонеса» Е.П. Зайцевского время стирает память, истребляет следы цивилизаций. Крымский топос – повод для размышлений о бренности бытия, о «страницах темных потерянных веков», о «делах исчезнувших жильцов».

Список литературы

1. Вацуру В. Э. Лирика пушкинской поры: «Элегическая школа» / В. Э. Вацуру. – СПб : Наука, 2002. – С. 198.
2. Виролайнен М. Н. Северо-юг России / М. Н. Виролайнен // Крымский текст в русской культуре : мат-лы Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 4–6 сентября 2006 г.). – СПб, 2008. – С. 240.

3. Люсый А. П. Крымский текст в русской литературе / А. П. Люсый. – СПб, 2003. – С. 66.

4. URL: <http://derzhavin.lit-info.ru/derzhavin/stihi/stih-393.htm>.

References

1. Vatsuro V. E. Lirika pushkinskoy pory: «Elegicheskaya shkola» / V. E. Vatsuro. – SPb : Nauka, 2002. – S. 198.

2. Virolaynen M. N. Severo-yug Rossii / M. N. Virolaynen // Krymskiy tekst v russkoy kulture : mat-ly Mezhdunar. nauch. konf. (Sankt-Peterburg, 4–6 sentyabrya 2006 g.). – SPb, 2008. – S. 240.

3. Lyusyy A. P. Krymskiy tekst v russkoy literature / A. P. Lyusyy. – SPb, 2003. – S. 66.

4. URL: <http://derzhavin.lit-info.ru/derzhavin/stihi/stih-393.htm>.

ФЕНОМЕН СТОРИТЕЛЛИНГА В СЕТЕВЫХ МЕДИА: МУЛЬТИМЕДИЙНЫЙ ЛОНГРИД

Утемишева Сабина Шамилевна, магистрант

Астраханский государственный университет

Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а

Email: sbnutemisheva@gmail.com

На протяжении XX–XXI вв. наблюдается тенденция перехода от текстового мышления и текстового вида потребления к изобразительному мышлению и визуальным видам потребления. Для того чтобы не потерять аудиторию, традиционные СМИ перешли в мультимедийные редакции, где зачастую используют такой формат журналистики как сторителлинг.

Ключевые слова: сторителлинг, цифровые медиа, сетевые медиа, мультимедийный сторителлинг, мультимедийный лонгрид.

Over the 20th and 21st century, we can observe a transition from text thinking and text consumption to visual thinking and visual consumption. In order to audience retention, traditional media became multi-media, where they often use a new form of journalism – storytelling.

Keywords: storytelling, digital media, network media, multimedia storytelling, multi-media longread.

Потребители цифровых медиа с каждым годом жаждут нового. Насытившись мобильными приложениями, аудитория теперь ищет яркого и зрелищного контента. В связи с чем появляется совершенно новый формат подачи материала в сети – сторителлинг. Мультимедийный сторителлинг – это форма подачи большого объема информации в цифровой среде с использованием возможностей разных медиаплатформ, присущих им выразительных средств и жанров [6, с. 32].

Сегодня на долю сторителлинга приходится примерно треть еженедельно публикуемых материалов во всех видах СМИ, как в традиционных, так и новых медиа. Это свидетельствует о том, что сторителлинг является одним из удобных способов рассказа сложных, личных и запутанных историй. Повышенный интерес к сторителлингу также отмечается и в социальных сетях: посты такого формата – одни из самых «долгоиграющих», действенных, живучих.

Возвращаясь к мультимедийному сторителлингу как формы журналистики, можно отметить, что по базовым принципам он не отличается от базового сторителлинга в целом. История, которую авторы рассказывают, является пер-

воосновной. Однако есть и принципиальное отличие мультимедийного рассказа от сторителлинга как общего понятия для разных сред и сфер. Заключается оно прежде всего в наличии в нем мультимедийного нарратива, к которому можно отнести комбинацию фото, видео, инфографики, интерактива, панорам, гиф-анимации, 3D-графики, слайд-шоу, таймлайнов и других элементов новых медиа. «Мультимедийная статья – это история, рассказанная с помощью нескольких мультимедийных средств, она собрана таким образом, что, с одной стороны, каждая мультимедийная составляющая дополняет и развивает общий рассказ, с другой – недоступность или невозможность воспроизведения одного из элементов не искажает общий смысл сюжета» [2, с. 269].

На сегодняшний день визуальность действительно стала движущей силой в развитии современных медиа. Современный человек скорее визуал, а количество коммуникационных возможностей настолько велико, что ему проще оставить на полпути сложный текст, нежели дочитывать его до конца. Удержать такого читателя сможет только «переупаковка» части текстовой информации в визуальную или аудиальную. Одним из видов сторителлинга является мультимедийный лонгрид, в котором вдоль «основной линии» рассказываемой истории находятся мультимедийные элементы, которые либо появляются по мере продвижения пользователя вглубь истории, либо он контролирует их сам, например, скроллингом воспроизводя видео. Ядром истории является текст, а эффект погружения достигается за счет искусности сочетания текста и мультимедийных элементов. Важно отметить, что качество и образность текста влияют на этот показатель не меньше мультимедийной составляющей. Мультимедийный лонгрид является самым доступным для медиапроизводства мультимедийного сторителлинга.

Первым в своем роде мультимедийный лонгрид опубликовала газета “The New York Times” в 2012 г., который назывался “Snow Fall”. Пять лет назад данный формат был необычен для медиа: широкоформатная верстка, аудиосопровождение, 3D-графика и т.д. Все элементы в проекте дополняли друг друга, перетекая по ходу рассказа один в другой, что создавало «эффект присутствия». Майя Стравнинская, медиаэксперт, экс-креативный директор студии инфографики «РИА Новости», говорит: «Когда мы увидели то, что в «Snow Fall» тексты работают не по отдельности, а работают вместе на общий рассказ, то это было откровением. Было понятно, что они нашли решение мультимедийного формата, которого у нас пока что не было» [1, с. 169]. Впервые в медийной истории технологическим, по-настоящему мультимедийным прорывом стал материал, основу которого составлял текст из более чем 16 тыс. слов (больше 100 тыс. знаков). За одну неделю историю о лавине посмотрели 3,5 млн раз. По данным американского журналиста Джима Роменеско [9], который пишет о новостях медиаотрасли, было зафиксировано, что одновременно “Snow Fall” читали 22 тыс. пользователей.

Развитие мультимедийного сторителлинга показало, что привычки медиапотребления аудитории можно изменить, при условии, что аудитории сама к этому готова. Сегодня формат лонгрида так популярен в структуре технологий мультимедийного сторителлинга, что многие Интернет-ресурсы составляют свои собственные «списки» лучших историй, рассказанных современными СМИ. Так, например, проект от LookAtMe «8 интерактивных статей, которые меняют подход к журналистике» [8] или «35 лонгридов с отличным дизайном» [7] от «Тильды». Чаще всего среди этих подборок упоминается “Snow Fall”, но в остальном это могут быть самые различные варианты рассказывания историй –

интерактивные путешествия, драматические катастрофы с «эффектом погружения», виртуальные художественные музеи и т.д.

В российских медиа вокруг мультимедийного лонгрида создается неоднозначная ситуация. Буквально два – три года назад лонгриды считались только журналистским форматом, однако с появлением онлайн-сервисов, дающих возможность создавать мультимедийные истории подобного рода без особых затрат и специальных навыков, все изменилось. Это сказалось на том, что лонгриды могут сделать почти все. Потенциал данного формата по воздействию на аудиторию разглядели не только в СМИ, но и во многих других сферах.

С другой стороны, несмотря на активное создание лонгридов, нельзя сказать, что мультимедийный сторителлинг стал по-настоящему востребованным форматом: про него много говорят, но мало делают. Более того, в российских СМИ можно наблюдать такую тенденцию как «усталость» от данного рода креативного направления. Данная тенденция может объясняться разными факторами, в том числе – спецификой взаимоотношений внутри медиаотрасли. Однако, даже если мультимедийные истории не станут одним из постоянных продуктов, выпускаемых российскими СМИ, то у них есть шанс укорениться в других областях деятельности – например, в сфере искусства.

Интерактивные технологии – это новые возможности, которые открываются перед сторителлингом городских пространств и выставочно-музейным сторителлингом, который все больше и больше требует новых форм коммуникации с посетителями [5]. Многие музеи мира в своих экспозициях успешно применяют технологические решения, но чаще их используют для совершенствования выставок в офлайне, когда посетители требуют нового типа времяпрепровождения. Один из примеров применения мультимедийного сторителлинга это проект музея-усадьбы Л.Н. Толстого «Ясная поляна» и Google+ «Каренина. Живое издание» [4].

Технологическая доступность инструментов сторителлинга – от интерактивных карт до платформ для лонгридов – позволяет музеям создавать цифровое повествование и «вселенную смыслов», используя инструменты журналистики для создания «нарративных структур», границы которых расширяются одновременно за счет использования разных знаковых систем и медиумов [3]. Многие медиа специалисты считают, что у мультимедийного сторителлинга большое будущее в рекламных проектах, в документально-развлекательно-просветительских сферах, в области книгоиздания. В частности, речь идет об интерактивных книгах – это электронные книги с расширенными возможностями. Для них обязательно наличие навигации, особого меню как содержания. Используются мультимедийные элементы, связанные с аудио- и видеоформатами, 3D-графикой.

Таким образом, не смотря на сегодняшнюю популярность мультимедийного сторителлинга в современных сетевых медиа, с течением времени данный формат может наскучить и буквально исчезнуть как тренды, которые сменяются год за годом. Однако, есть вероятность «возрождения» мультимедийного сторителлинга в художественной сфере, в качестве лонгридов, которые будут использоваться музеями для привлечения аудитории в онлайн среде.

Список литературы

1. Качкаева А. Г. Мультимедийная журналистика / А. Г. Качкаева, С. А. Шомова. – М. : ВШЭ, – 2017. – 413 с.
2. Лукина М. М. Интернет-СМИ. Теория и практика / М. М. Лукина – М. : Аспект Пресс, – 2010. – 348 с.

3. Гамбарато Р. Р. Дизайн трансмедиапроектов: теоретический и аналитический аспекты / Р. Р. Гамбарато ; пер. Е. Арье, О. Мороз // CultLook – 2016. – URL: http://cultlook.org/rrg_transmedia_storytelling (дата обращения: 19.12.2017).
4. Каренина. Живое издание // Kareninawithgoogle.com. – 2014. – URL: <https://karenina.withgoogle.com> (дата обращения: 20.12.2017).
5. Карпова О. Каким будет музей будущего? / О. Карпова // Постнаука, – 2014. – URL: <https://postnauka.ru/video/29812> (дата обращения: 20.12.2017).
6. Мунасипова Д. Д. Специфика жанра мультимедийных статей (на примере материалов газеты The Guardian за 2013–2014 гг.) / Д. Д. Мунасипова. – М., 2015. – 98 с. – URL: http://vernsky.ru/pubs/5816/Spetsifika_zhanra_multimediynyh_statey_na_primere_materialov_gazety_The_Guardian_za_2013-2014_gg (дата обращения: 20.12.2017).
7. Обухов Н. 35 лонгридов с отличным дизайном / Н. Обухов // Tilda.ru. – URL: <http://blog.tilda.cc/longreads> (дата обращения: 19.12.2017).
8. Попова М. 8 интерактивных статей, которые меняют подход к журналистике / М. Попова // LookAtMe. – URL: <http://www.lookatme.ru/mag/live/interweb/193831-digital-storytelling> (дата обращения: 19.12.2017).
9. Romenescio J. More than 3,5 million page views for NYT's Snow Fall / J. Romenescio // Jimromenescio.com, – 2012. – URL: <http://jimromenescio.com/2012/12/27/more-than-3-5-million-page-views-for-nyts-snow-fall/> (дата обращения: 20.12.2017).

References

1. Kachkaeva A. G. Multimedijnaya zhurnalistika / A. G. Kachkaeva, S. A. Shomova. – М. : VShE, – 2017. – 413 s.
2. Lukina M. M. Internet-SMI. Teoriya i praktika / M. M. Lukina – М. : Aspekt Press, 2010. – 348 s.
3. Gambarato R. R. Dizayn transmediaproektov: teoreticheskiy i analiticheskiy aspekt / R. R. Gambarato ; per. Ye. Are, O. Moroz // CultLook – 2016. – URL: http://cultlook.org/rrg_transmedia_storytelling (дата обращения: 19.12.2017).
4. Karenina. Zhivoe izdanie // Kareninawithgoogle.com. – 2014. – URL: <https://karenina.withgoogle.com> (дата обращения: 20.12.2017).
5. Karpova O. Kakim budet muzey budushchego? / O. Karpova // Postnauka, – 2014. – URL: <https://postnauka.ru/video/29812> (дата обращения: 20.12.2017).
6. Munasipova D. D. Spetsifika zhanra multimediynykh statey (na primere materialov gazety The Guardian za 2013–2014 gg.) / D. D. Munasipova. – М., 2015. – 98 s. – URL: http://vernsky.ru/pubs/5816/Spetsifika_zhanra_multimediynyh_statey_na_primere_materialov_gazety_The_Guardian_za_2013-2014_gg (дата обращения: 20.12.2017).
7. Obukhov N. 35 longridov s otlichnym dizaynom / N. Obukhov // Tilda.ru. – URL: <http://blog.tilda.cc/longreads> (дата обращения: 19.12.2017).
8. Popova M. 8 interaktivnykh statey, kotorye menyayut podkhod k zhurnalistike / M. Popova // LookAtMe. – URL: <http://www.lookatme.ru/mag/live/interweb/193831-digital-storytelling> (дата обращения: 19.12.2017).
9. Romenescio J. More than 3,5 million page views for NYT's Snow Fall / J. Romenescio // Jimromenescio.com, – 2012. – URL: <http://jimromenescio.com/2012/12/27/more-than-3-5-million-page-views-for-nyts-snow-fall/> (дата обращения: 20.12.2017).

РАЗВИТИЕ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Шамова Алтынай Халидулаевна, магистрант
Астраханский государственный университет
Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: Shamovaax_88@mail.ru

Познавательная самостоятельность, по мнению современного отечественного исследователя Г.И. Саранцева, представлена положительным отношением младшего школьника к познанию. В дошкольном возрасте это отношение обнаруживается через любознательность и любпытство. В младшем школьном возрасте – через личностное свойство – устойчивое стремление к познанию, открытию нового, неизвестного у ученика.

Ключевые слова: познавательная самостоятельность, познавательная деятельность, познавательный аспект, познавательная активность, познавательный интерес, возрастная периодизация, детская самостоятельность, виды человеческой деятельности, младший школьник.

Cognitive independence, according to the modern domestic researcher GI Sarantsev, is represented by the positive attitude of the younger schoolchild to cognition. At the pre-school age, this relationship is revealed through curiosity and curiosity. In the younger school age – through the personal property – a steady desire for knowledge, the discovery of a new, unknown from the student.

Key words: cognitive independence, cognitive activity, cognitive aspect, cognitive activity, cognitive interest, age-related re-equipment, child independence, types of human activity, junior schoolchild.

Запросы современной личности. Общества и государства требуют активизации человеческого фактора. Творчество и поиск истины предполагают проявление познавательной самостоятельности в большей или меньшей степени тех, кто вовлечен в этот процесс. Познавательная самостоятельность рассматривается в педагогике как структурный компонент педагогической категории «познавательная деятельность». Познавательная деятельность, по мнению В.А. Мижерикова, структурно выражает единство с такими видами деятельности, как «игровая, учебная, творческая, организаторская, информационная, педагогическая» [6, с. 80]. Поэтому можно говорить о включении познавательного аспекта во все существующие виды человеческой деятельности. И постараться сделать так, чтобы познавательный процесс был интересным.

Согласно современной возрастной периодизации наиболее приоритетным с позиций развития познавательной самостоятельности, на наш взгляд, является младший школьный возраст. Во-первых, потому что все то, что закладывается в этот возрастной промежуток «закладывается» фундаментально, «ложится прочно» и впоследствии никогда не имеет той глубины, какой отличается все усвоенное в детские годы. Так, в частности, Я.А. Коменский утверждал, что «нужно пользоваться юным возрастом, пока сила жизни и разума находятся на подъеме; тогда всё воспринимается легко и пускает глубокие корни» [4, с. 48]. Во-вторых, ведущим видом деятельности в этот период является учебно-познавательная, которая обуславливает главнейшие изменения в психических процессах и психологических особенностях личности ребенка на данной стадии развития.

Познавательная самостоятельность ребенка, по мнению современного отечественного исследователя Г.И. Саранцева, представлена положительным

отношением младшего школьника к познанию. В дошкольном возрасте это отношение обнаруживается через любопытство и любознательность. В младшем школьном возрасте - через личностное свойство – устойчивое стремление к познанию, открытию нового, неизвестного для ученика.

Развитию и формированию познавательной самостоятельности было уделено немало внимания в истории философской и педагогической мысли. Ее истоки берут начало III тысячелетия до н.э. у древних китайских мыслителей, «находят поддержку» в античные времена у греков и римлян, позже у других народов, в том числе и на Руси. Значимость педагогического руководства познавательной самостоятельности продолжает оставаться актуальной.

Роль самостоятельной работы учащихся в повышении познавательной активности и самостоятельности школьников рассматривали Н.Д. Десяева, А.Г. Козакова, И. Ковалевский, А.К. Мороз и др. Работы Г.А. Данилочкиной, А.А. Кирсанова, И.А. Чурикова посвящены использованию индивидуализации процесса обучения как средства обучения развития познавательной активности и самостоятельности учащихся.

По мнению Ш.А. Амонашвили, общее развитие питает детскую самостоятельность. Он отождествлял процесс познания с винтовой лестницей. «Ступеньки винтовой познавательной лестницы треугольные, высокие. Это не то, чтобы шагнуть и с легкостью подняться. Нет, ступеньки крутые, и, если я не научу их, как объединиться, как мыслить, как действовать, как дружить, как учиться, у детей ничего не получится» [3, с. 38].

Следовательно, учителю необходимо постоянно использовать такие методы, приемы и средства, которые могут вызвать в каждом ученике желание попробовать, удивиться, высказаться, задуматься, постоянно находиться в напряжении возможностей, чтобы войти в завтрашний день, радоваться этому дню, радоваться познанию. Для того, чтобы вызвать у ребенка положительные эмоции и интерес в процессе выполнения предложенных заданий, нужно, чтобы они действовали по следующей схеме:

1. Принятие задания:

- понимание каждого компонента задания, терминологии в нем;
- общее понимание его смысла, разграничение известного и нового;
- мотивированность в восприятии задания – для чего нужно его выполнение?

2. Процесс выполнения задания:

- определение места задания в изучаемой области знаний;
- раскрытие противоречия, несогласованности компонентов и т.д., которые лежат в его основе;
- установление последовательности действий при выполнении задания;
- составление ориентировочного плана его выполнения;
- действия по этому плану.

3. Результат – ответ к заданию.

4. Анализ выполнения задания.

В процессе развития познавательной самостоятельности у младших школьников немаловажными, на мой взгляд, является организация групповых мероприятий:

- встречи с интересными людьми;
- культпоходы в кино, театр;
- экскурсии с последующими обсуждениями в классе;
- различные выставки детских работ;

- организация внеклассных мероприятий.
- Немаловажен заданный эмоциональный тонус. Г.И. Щукина определила следующие особенности эмоционального тонуса, которые стимулируют познавательный интерес в процессе развития познавательной самостоятельности:
 - интеллектуальный и эмоциональный настрой школьников;
 - совместная увлеченность деятельностью;
 - накал страстей в спорах;
 - деловой, энергичный стиль проведения занятий и мероприятий учителем;
 - спокойный, ровный, положительный тон в общении с детьми, создание атмосферы полного расположения, доброжелательности, участливости в успехах и затруднениях.

Вышеописанная серия заданий, методических рекомендаций, памяток подтвердила, что у детей потребность в знаниях может быть вызвана при определенных педагогических условиях. Наблюдая за детьми можно заметить, что главным условием является целенаправленная работа учителя по развитию у младших школьников положительного отношения к процессу познания, благодаря чему можно добиться определенных результатов.

Список литературы

1. Айсмонтас Б. Б. Педагогическая психология: схемы и тесты / Б. Б. Айсмонтас. – М. : ВЛАДОС-ПРЕСС, 2004. – 208 с.
2. Амонашвили Ш. А. Как живете, дети? / Ш. А. Амонашвили. – М. : Просвещение, 1986. – 176 с.
3. Аргинская И. И. Обучаем по системе Л.В. Занкова. Первый год обучения / И. И. Аргинская, Н. Я. Дмитриева, А. В. Полякова, З. И. Романовская. – М. : Просвещение, 1994. – 244 с.
4. Коменский Я. А., Локк Д., Руссо Ж.-Ж., Пестолоцци И. Г. Педагогическое наследие / сост. В. М. Кларин, А. Н. Джуринский. – М. : Педагогика, 1989. – 416 с.
5. Саранцев Г. И. Познавательная самостоятельность будущего учителя // Педагогика. – 1995. – № 5. – С. 63–66.
6. Словарь-справочник по педагогике / авт.-сост. В.А. Мижериков ; под общ. ред. П. И. Пидкасистого. – М. : ТЦ Сфера, 2004. – 448 с.
7. Щукина Г. И. Проблема познавательного интереса в педагогике / Г. И. Щукина. – М., 1971. – 351 с.

References

1. Aysmontas B. B. Pedagogicheskaya psikhologiya: skhemy i testy / B. B. Aysmontas. – M. : VLADOS-PReSS, 2004. – 208 s.
2. Amonashvili Sh. A. Kak zhivete, deti? / Sh. A. Amonashvili. – M. : Prosveshchenie, 1986. – 176 s.
3. Arginskaya I. I. Obuchaem po sisteme L.V. Zankova. Pervyy god obucheniya / I. I. Arginskaya, N. Ya. Dmitrieva, A. V. Polyakova, Z. I. Romanovskaya. – M. : Prosveshchenie, 1994. – 244 s.
4. Komenskiy Ya. A., Lokk D., Russo Zh.-Zh., Pestolotstsi I. G. Pedagogicheskoe nasledie / sost. V. M. Klarin, A. N. Dzhurinskiy. – M. : Pedagogika, 1989. – 416 s.
5. Sarantsev G. I. Poznavatel'naya samostoyatel'nost budushchego uchitelya // Pedagogika. – 1995. – № 5. – S. 63–66.
6. Slovar-spravochnik po pedagogike / avt.-sost. V.A. Mizherikov ; pod obshch. red. P. I. Pidkasishtogo. – M. : TTs Sfera, 2004. – 448 s.
7. Shchukina G. I. Problema poznavatel'nogo interesa v pedagogike / G. I. Shchukina. – M., 1971. – 351 s.

СЛЕНГ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Шуминов Илья Романович, магистрант

Астраханский государственный университет

Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а

E-mail: sir1388@mail.ru

В статье рассматриваются подходы отечественных и американских исследователей к определению термина «сленг». Прослеживаются определение термина американскими лингвистами Р. Спирсом, Э. Партриджем, аналитические материалы по сленгу в предисловиях лингвистических американских словарей. Представлены позиции по определению термина «сленг» российских лингвистов.

Ключевые слова: лингвистика, сленг, жаргон, словообразовательные средства, американский сленг, лингвистический словарь.

The article examines the approaches of domestic and American researchers to the definition of the term "slang". The definition of the term by American linguists R. Spears, E. Partridge, analytical materials on slang in the forewords of linguistic American dictionaries is traced. Presented positions on the definition of the term "slang" of Russian linguists.

Key words: linguistics, slang, jargon, word-formation means, American slang, linguistic dictionary.

Что такое сленг, его место в лексике современного языка, связь и отличие сленга и жаргона – эти и многие другие вопросы не являются новыми в языкознании, но рождают споры и дискуссии.

Сленг изучается исследователями разных лингвистических школ, а это различные подходы и оценки. Некоторые исследователи определяют сленг как средство создания эффекта новизны, эмфазы. Другие авторы рассматривают сленг как антипод литературного языка, относят его к жаргону, к разговорной речи. Наблюдается и отрицание необходимости изучения сленга как вульгарного языка. Существует и точка зрения, полностью отрицающая существование сленга, относящая соответствующие сленговые слова к различным лексическим и стилистическим категориям.

Так, И.Р. Гальперин не допускает существования сленга в качестве отдельной самостоятельной категории, предлагая использовать термин «сленг» в качестве синонима английского слова «жаргон» [1, с. 109]. И.Р. Гальперин вообще отрицает сам факт существования сленга. При изучении лексикографических помет он делает вывод, что одно и то же слово в различных словарях дается как «сленг», «просторечие» или без всяких помет, что, по его мнению, свидетельствует в пользу литературной нормы.

В.А. Хомяков, проанализировав основные современные английские толковые словари (Сокращенный большой оксфордский словарь (1956), Словарь Чэмберса (1965), Большой словарь Уэбстера (1959)), делает вывод, что даже только из этих трех словарей видно, что под термином сленг авторы понимают совсем различные явления: низкий, вульгарный язык; разные жаргоны и арго; нелитературный разговорный язык [6, с. 79].

Тем не менее, сленг является неотъемлемой частью любого развитого естественного языка и возникает как неизбежное следствие кодификации национального языка.

Лингвокультурным феноменом общенародного просторечия можно назвать и американский сленг. Феномен американского сленга вытекает из мно-

гонациональности американского общества, разнообразных национальных культур, которые обогащаются и развиваются в современных условиях

Известный американский лингвист Ч. Фриз включил в термин «сленг» большое число понятий, что не позволяет дать ему четкое определение [9, с. 52]. Для другого американского лингвиста Р. Спирса термин «сленг» – это и жаргон, и просторечия, и диалекты и вульгарные слова [12, с. 10–11].

Позиции Р. Спирса и Ч. Фриза едины в том, что в понятие «сленг» входит целый список различных видов нелитературной лексики.

Определению, развитию и образованию американских сленгизмов уделяли внимание многие исследователи, как отечественные, так и зарубежные – В.Г. Вилюман (1960); В.А. Хомяков (1964, 1982, 1986); А.Д. Швейцер (1971); Г.Р. Иванова (1990); С.П. Палий (1996); W. Labov (1972); С. Eble (1996) и др.

Глубокие аналитические материалы по сленгу можно найти в словарях, например, в предисловиях к словарям Г. Уэнтворта и С.Б. Флекснера (1960) – описание природы и функции сленга; Р.Чэпмана (1986) и Дж. Е. Лайтера (1994). Словарь Лайтера “Random House Historical Dictionary of American Slang” – самое значительное событие в американской лексикографии. Словарь включает очерк по истории американского сленга, различные категории сленга, в том числе и студенческий сленг.

В классических работах по лингвистике проблеме сленга посвящено не-много места, и многие определения считаются устаревшими. Исключение - книга Эрика Партриджа “Slang Today and Yesterday” (четыре издания с 1933 по 1970 г.), в которой зарегистрированы интересные случаи употребления сленга.

Эрик Партридж, занимающий уникальное место в современной англо-язычной лексикографии, считает, что многие ученые просто используют слово *slang* как синоним жаргона, арго или кэнта [11, с. 3].

Э. Партридж считал сленг квинтэссенцией разговорной речи. Он отмечал, что речь образованных американцев отличается от речи образованных англичан более гостеприимным отношением к сленгу [11, с. 15]. Эрик Партридж определяет сленг как «бытующие в разговорной сфере весьма непрочные, неустойчивые, никак не кодифицированные, а часто и вовсе беспорядочные и случайные совокупности лексем, отражающие общественное сознание людей, принадлежащих к определенной социальной или профессиональной среде» [11, с. 38].

Он рассматривает сленг как сознательное, преднамеренное употребление элементов общелитературного словаря в разговорной речи для создания эффекта новизны, необычности, для передачи определенного настроения говорящего, для придания высказыванию конкретности, выразительности, точности, краткости, образности.

Например: «Нереальный» – нечто удивительное, потрясающее, впечатляющее – I love this party! It’s just **unreal!** (как же мне нравится эта вечеринка. Она просто **нереальная!**).

«Энергичный, заводной». Буквально – «полный бобов» – All the children were **full of beans** at the party (дети на вечеринке просто **не могли усидеть на месте**).

«Не моя чашка чаю» – нужно подчеркнуть, что что-то чуждо или не нравится: I don’t really like this sort of music – It’s just **not my cup of tea** (мне не очень нравится такая музыка. Это просто **не мое**).

В отечественном языкознании в основном разделяется точка зрения на сленг, высказанная В.А. Хомяковым: «Сленг – это относительно устойчивый для определенного периода, широкоупотребительный, стилистически маркиро-

ванный (сниженный) лексический пласт (имена существительные, прилагательные и глаголы, обозначающие бытовые явления, предметы, процессы и признаки), компонент экспрессивного просторечия, входящего в литературный язык, весьма неоднородный по своим истокам, степени приближения к литературному стандарту, обладающий пейоративной экспрессией» [6, с. 43–44]. По мнению В.А. Хомякова сленг, хотя и относится к «экспрессивному просторечию» и входит в литературный язык, его степень приближения к литературному стандарту «весьма неоднородна», то есть можно найти примеры «почти стандартные» и «совсем не стандартные». В определении В.А. Хомякова сленг – это ряд слов нетерминов, использующихся в терминологическом значении, вроде «дворник» или «запaska» у автомобилистов, что удобно для делового разговора профессионалов.

Так, например, в туристической отрасли используются такие нетермины, как «бегун» – человек, использовавший турпоездку для нелегальной эмиграции (runner); «коммитменты» – гарантированные номера в отеле, жесткий блок мест (commitments); «комбинашки» – туры, в которых совмещается экскурсионная программа, отдых или лечение (combined tours); «конфидэ» – конфиденциальный тариф (confidential tours); «стопы» – прекращение бронирования, отсутствие мест (stop booking); «эмики» – эмигранты (emigrants); «эллотменты» – «мягкий» блок мест в гостинице (allotment).

О.С. Ахманова в «Словаре лингвистических терминов» определяет сленг и как разговорный вариант профессиональной речи, и как элемент разговорного варианта той или иной профессиональной или социальной группы [13, с. 419].

В «Большом энциклопедическом словаре» 1998 г. сленг – это то же, что жаргон и совокупность жаргонизмов, составляющих разговорную лексику. Словарь определяет это понятие и как грубо-фамильярное или юмористическое отношение к предмету речи. Как, например, английское junkie – наркоман, gal – девушка [14, с. 161].

«Словарь-справочник лингвистических терминов» 1985 г. уравнивает понятия «сленг», «жаргон», «арго» [15, с. 161].

Понятие «сленг» тесно связано с понятием «жаргон». Этот термин достаточно четко определяется как разновидность языка, социальный диалект, который отличается от общенационального языка особым лексическим составом, фразеологией и т.п. Особенностью жаргона является его использование определенными социальными, профессиональными или иными группами, объединенными общими интересами. Так, например, сотрудники театров употребляют только им понятный жаргон: зазерниться – найти главное в роли; монты – монтировщик сцены; тюзятинна – детское представление; кулек – училище культуры и т.д.

А.Д. Швейцер называет жаргон «зашифрованной речью», непонятной для непосвященных [7, с. 158]. Сленг же обладает общеизвестностью и широкой употребительностью.

Таким образом, суммируя всё вышесказанное, можно утверждать, что сленг черпает свой материал из социально-групповых и социально-профессиональных жаргонов, включает отдельные просторечия, вульгарные слова. При этом сленг – это экспрессия, языковая игра, мода.

Список литературы

1. Гальперин И. Р. О термине «сленг» / И. Р. Гальперин // Вопросы языкознания. – 1956. – № 6. – С. 107–114.

2. Иванова Г. Р. Функции сленга в речевой деятельности американских студентов / Г. Р. Иванова // Когнитивные и коммуникативные аспекты английской лексики. – М., 1990. – С. 127–134.
3. Истомин В. С. Норма и социальная вариативность в языке / В. С. Истомин // Лингвокультурологическая парадигма в современных исследованиях. – Гродно, 2011. – С. 191–197.
4. Липатов А. Т. Сленг как проблема социолингвистики / А. Т. Липатов. – М. : Элпис, 2010. – 179 с.
5. Палий С. П. Структурно маркированные образования в американском просторечии : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / С. П. Палий. – Пятигорск, 1996. – 186 с.
6. Хомяков В. А. Введение в изучение сленга – основного компонента английского просторечия / В. А. Хомяков. – М. : URSS, 2009. – 109 с.
7. Швейцер А. Д. Социальная дифференциация английского языка в США / А. Д. Швейцер. – М. : Наука, 1983. – 218 с.
8. Eble C. C. Slang and Sociability: in-group language among college students / C. C. Eble. – Chapel Hill : University of North Carolina Press, 1996. – 228 p.
9. Fries Ch. Introduction to American College Dictionary / Ch. Fries. – New York : New American Library, 1947. – 217 с.
10. Labov W. Sociolinguistic Patterns / W. Labov. – Philadelphia : Univ. of Pennsylvania press, cop. 1972. – XVIII. – 344 p.
11. Partridge E. Slang Today and Yesterday / E. Partridge. – London : Routledge and Kegan Paul, 1979. – 172 с.
12. Spears Richard A. Slang and Euphemism / Richard A. Spears. – New York : New American Library, 1982. – 205 с.
13. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М. : Советская энциклопедия, 1966. – 608 с.
14. Большой энциклопедический словарь. – М. : Большая российская энциклопедия, 1998. – 427 с.
15. Словарь-справочник лингвистических терминов. – М. : Просвещение, 1985. – 315 с.
16. Chapman R. L. American slang: Abridged ed. of The New dictionary of American slang / R. L. Chapman. – New York : Harper & Row, 1994. – XXVII. – 499 p.
17. Oxford English Dictionary, second edition / ed. by J. Simpson and E. Weiner. – Clarendon Press, 1989. – twenty volumes, hardcover, Random House, 1994; Vol. 2: H-O, Random House, 1997.
18. Wentworth H. Dictionary of American Slang / H. Wentworth, B. S. Flexner. – New York :Tomas V.Crowell, 1975. – 766 p.

References

1. Galperin I. R. O termine «sleng» / I. R. Galperin // Voprosy yazykoznaniya. – 1956. – № 6. – S. 107–114.
2. Ivanova G. R. Funktsii slenga v rechevoy deyatelnosti amerikanskikh studentov / G. R. Ivanova // Kognitivnye i kommunikativnye aspekty angliyskoy leksiki. – М., 1990. – S. 127–134.
3. Istomin V. S. Norma i sotsialnaya variativnost v yazyke / V. S. Istomin // Lingvokulturologicheskaya paradihma v sovremennykh issledovaniyakh. – Grodno, 2011. – S. 191–197.
4. Lipatov A. T. Sleng kak problema sotsiolingvistiki / A. T. Lipatov. – М. : Elpis, 2010. – 179 s.
5. Paliy S. P. Strukturno markirovannyye obrazovaniya v amerikanskom prostorechii : dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04 / S. P. Paliy. – Pyatigorsk, 1996. – 186 s.
6. Khomyakov V. A. Vvedenie v izuchenie slenga – osnovnogo komponenta angliyskogo prostorechiya / V. A. Khomyakov. – М. : URSS, 2009. – 109 s.
7. Shveytser A. D. Sotsialnaya differentsiatsiya angliyskogo yazyka v SShA / A. D. Shveytser. – М. : Nauka, 1983. – 218 s.

8. Eble C. C. Slang and Sociability: in-group language among college students / C. C. Eble. – Chapel Hill : University of North Carolina Press, 1996. – 228 p.
9. Fries Ch. Introduction to American College Dictionary / Ch. Fries. – New York : New American Library, 1947. – 217 s.
10. Labov W. Sociolinguistic Patterns / W. Labov. – Philadelphia : Univ. of Pennsylvania press, cop. 1972 xviii. – 344 p.
11. Partridge E. Slang Today and Yesterday / E. Partridge. – London : Routledge and Kegan Paul, 1979. – 172 s.
12. Spears Richard A. Slang and Euphemism / Richard A. Spears. – New York : New American Library, 1982. – 205 s.
13. Akhmanova O. S. Slovar lingvisticheskikh terminov / O. S. Akhmanova. – M. : Sovetskaya entsiklopediya, 1966. – 608 s.
14. Bolshoy entsiklopedicheskiy slovar. – M. : Bolshaya rossiyskaya entsiklopediya, 1998. – 427 s.
15. Slovar-spravochnik lingvisticheskikh terminov. – M. : Prosveshchenie, 1985. – 315 s.
16. Chapman R. L. American slang: Abridged ed. of The New dictionary of American slang / R. L. Chapman. – New York : Harper & Row, 1994. – XXVII. – 499 p.
17. Oxford English Dictionary, second edition / ed. by J. Simpson and E. Weiner. – Clarendon Press, 1989. – twenty volumes, hardcover, Random House, 1994; Vol. 2: H-O, Random House, 1997.
18. Wentworth H. Dictionary of American Slang / H. Wentworth, B. S. Flexner. – New York :Tomas V.Crowell, 1975. – 766 p.

СОДЕРЖАНИЕ

Анисимова М.А., Романовская О.Е. Образ журналиста в рассказах Эдуарда Лимонова	3
Арупова А.Х., Петелина Ю.Н. Имплицитная языковая агрессия: способы, приемы и средства ее реализации (на материале текстов англоязычных СМИ).....	7
Бабаев Э.Д. оглы, Манченко Е.С. К вопросу о структурных характеристиках речевых клише в текстах Совета Безопасности ООН	11
Богдалова А.Р. Бизнес-презентация как жанр делового дискурса	16
Васильева М.В. Графодериваты в заголовочных комплексах современных медиатекстов	20
Гущина К.Н. Очерковость творчества В. Нарбута	23
Доронин С.В. Вероятностная модель динамического ценообразования услуги перевода.....	27
Дьяченко Т.А. Образы суфийской поэзии Востока в лирике К.М. Фофанова	32
Зайцева М.А. Авторское право как элемент юрислингвистики в интернет-дискурсе	35
Конькова И.А., Романовская О.Е. Символика цвета в рассказах Татьяны Толстой	39
Кубеев А.Р. Событийное время в романе Ю. Домбровского «Факультет ненужных вещей»	43
Леушин В.Ю. Заимствованная лексика в современных онлайн-СМИ	47
Лисицкая А.В., Рящина М.Э. Особенности передачи экспрессивности при переводе политической речи с русского языка на английский (на материале выступлений В.В. Путина).....	51
Лосева М.Ю. Редупликация в системе словообразования турецкого языка	57
Мельник И.В. Лексическая составляющая спортивного репортажа как жанра спортивного дискурса.....	61
Мусяенко В.В. Вводные конструкции в тексте лингвистической монографии (на материале работ В.В. Виноградова и Е.С. Кубряковой).....	64
Никонова Ю.В. Провокационные медиавирусы в онлайн-медиапространстве экстремистского содержания	66
Пашкова В.В. Поэтика диалога в рассказе М. Фрая «Кот Елены».....	70

Рахматова Д.К.	
Адаптация слоганов при переводе с английского языка на русский	74
Серегина Д.Р.	
Специализированные лексемы в текстах СМИ о людях с ограниченным возможностями	77
Спесивцева Л.В., Шимченко И.	
Образ Тавриды в творчестве поэтов XIX века	82
Утемишева С.Ш.	
Феномен сторителлинга в сетевых медиа: мультимедийный лонгрид	86
Шамова А.Х.	
Развитие познавательной самостоятельности у младших школьников.....	90
Шуминов И.Р.	
Сленг как лингвокультурный феномен.....	93

ИННОВАЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ

Филологические науки

Сборник трудов молодых ученых

Публикуется в авторской редакции

Техническое редактирование *С.Н. Лычагиной*

Заказ № 3751. Тираж 5 электрон. оптических дисков.

Уч.-изд. л. 7,4. Объем данных 1,00 Мб

Издательский дом «Астраханский университет»
414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
тел. (8512) 48-53-47 (отдел планирования и реализации),
48-53-45 (магазин), 48-53-44, тел./факс (8512) 48-53-46
E-mail: asupress@yandex.ru